

Чарльз де Линт Нереальное приключение

- laliluleo. OCR & ReadCheck - Ergo80. <http://oldmaglib.com>
«Чарльз де Линт "Нереальное приключение"»: Гелеос, Кэпитал Трейд Компани;
Москва, 2010
ISBN 978-5-412-00148-7

Аннотация

Четырнадцатилетняя Ти-Джей с родителями и братом переезжает в новый дом в предместье большого города. Девочке не очень нравится на новом месте: ей пока не удалось найти здесь друзей. И вот тут-то у Ти-Джей появляется приятельница — крошечная девочка ростом 15 сантиметров! Ее зовут Элизабет, и она сбежала от своей семьи малявок. Ее родители ужасно боятся, что кто-нибудь узнает о существовании их племени. Но непокорная Элизабет — не такая! Она бесстрашно соглашается отправиться в рюкзаке новой подруги на поиски писательницы Шери Пайпер, которой известны главные секреты малявок. Однако в самом начале пути неожиданно происходит нечто ужасное, что ни в сказке сказать...

Чарльз де Линт «Нереальное приключение»

Беспокойная малявка

Царап-царап-царап.

Ну вот, снова началось!

Ти-Джей догадалась, что там, за стеной, кто-то живет, когда увидела, как пристально и подозрительно смотрит кот на плинтусы в ее спальне. Ей даже показалось, будто Оскар научился видеть сквозь дерево и штукатурку.

Поначалу девочка решила, что это мыши, поэтому никому ничего не рассказала, а только старалась больше не пускать кота в спальню. Ей нравилось думать, что маленькие мышата живут вместе с ней в этом большом доме нового квартала, куда Ти-Джей недавно переехала со своей семьей — родителями и братом. Если она все расскажет, взрослые немедленно расставят мышеловки по всей квартире. Так уже случилось в старом доме на ферме, где они раньше жили. И тогда ее милый братец Дерек снова начнет по утрам размахивать дохлыми мышами прямо у нее перед носом. Бр-р-р! А ведь мышки такие смешные, маленькие, с черными глазками-бусинками. Правда, иногда они становятся огромными и при этом обязательно дохлыми.

Нет уж, не надо. Говорить о том, что в новом доме водятся мыши, было просто нельзя.

Вот почему Ти-Джей, лежа по ночам в кровати, прислушивалась к этим негромким звукам за стеной. Иногда она включала ночник, но тогда, разумеется, звуки тут же прекращались. А как только лампочка гасла, снова становилось слышно, как кто-то скребется за стеной. Но в темной комнате она ничего не могла разглядеть, даже если шторы были отдернуты, а с улицы в спальню светил фонарь.

Поэтому сегодня вечером, после того как мама и папа поцеловали ее и пожелали спокойной ночи, Ти-Джей вытащила свой спальный мешок и расстелила его на полу у той самой стены, откуда чаще всего доносились странные звуки. Прихватив с собой подушку, девочка уютно устроилась в нем и принялась терпеливо ждать. Она уже засыпала, когда услышала такое знакомое:

Царап-царап-царап!

И сразу же сон как рукой сняло.

Правда, когда она прислушалась, то поняла свою ошибку. Звуки несколько отличались от тех, что издают крохотные мышьиные коготки, скребущие по стене. К тому же, теперь они стали гораздо ближе... Ти-Джей прижала ухо к плинтусу... и ей почудилось, будто она слышит голоса. Но это же ерунда какая-то! Девочке тут же припомнилась одна история, рассказанная ее дядей. Он утверждал, что крики стаи ворон в лесу могут напоминать человеческие голоса. Настоящие голоса, но такие далекие, что невозможно разобрать слова.

Именно так сейчас и звучало то, что прежде Ти-Джей принимала за мышиную возню.

Ну ладно, допустим. Но ведь вороны-то у нее там точно не могут жить.

Кстати, Ти-Джей не нравилось очень многое в этом новом доме и пригороде. Но не могла же она добавить в свой «черный» список еще и ворон, живущих за стеной и мешающих ей спать бесконечным карканьем!

Озадаченная услышанным, Ти-Джей перекатилась на спину и молча уставилась в потолок. Она могла часами рассуждать о несправедливости, которая произошла с ней. Ну, зачем нужно было покидать ферму? Неужели ради того, чтобы теперь существовать в этом дурацком квартале новостроек, где все дома и улицы похожи друг на друга как две капли воды? В первый раз, когда Ти-Джей решила покататься на велосипеде по району, она не смогла сразу найти дорогу домой — все здесь казалось одинаковым. Такой глупой и беспомощной она себя еще никогда не чувствовала!

Только за одно это можно было по-настоящему возненавидеть новый дом.

Да и народ здесь подобрался какой-то совсем не дружелюбный. Дети не собирались с ней знакомиться, а только при встрече издевались над тем, что она «не так произносит некоторые слова». Но это еще можно было пережить. Проблему с подружками она для себя уже решила. Конечно, все прежние остались жить там, у себя, но зато они с Джули могли хоть весь день напролет переписываться по электронной почте. К тому же Тайсон располагался так близко, что можно было сесть на автобус, добраться туда и провести вместе хоть все выходные. Правда, пока у них с Джули это не получалось.

Так что спасибо, ей не требовалось заводить новую лучшую подругу. У нее уже была такая.

Разумеется, общение по телефону и через компьютер нельзя сравнивать с тем, как все происходило раньше. Тогда им нужно было — всего-то! — перейти через кукурузное поле, чтобы очутиться в гостях друг у друга.

Ти-Джей очень скучала без Джули. Да и по своей прежней жизни тосковала так, что хоть плачь. Ей хотелось снова покататься на тракторе, повозиться в сарае с папиными инструментами. Но больше всего ей не хватало Огонька. Ее прекрасного, ласкового и озорного Огонька. Ей пришлось оставить, бросить своего любимого мальчика. Ну ладно, не мальчика, конечно, а лошадь. Но все равно.

Нечестно!

Конечно, родителей она не могла винить. Она ничего не понимала в том, что происходит на фондовых биржах, какие неполадки там случаются. Но если вы вложите деньги неправильно, то можете лишиться всего, что имели когда-то. Подобное и произошло с их семьей.

Но разве нельзя было это как-то предвидеть?

Наверное, нет.

Иногда бывает, что ты теряешь все накопления и даже свой старый дом, и тебе приходится начинать заново. В таком случае нужно собраться с духом, сосредоточиться и не унывать. Даже при условии, что ты потерял самое главное в жизни.

Если же утрата невелика, то справиться с ситуацией очень легко. Маме, например, нравилась ее новая работа в больнице. Папа тоже с удовольствием ходил в офис каждый день вместо того, чтобы трудиться, как прежде, на свежем воздухе. Даже тупой Дерек ликовал. Еще бы! Теперь он переехал в то место, где мог создать новую рок-группу, потому что тут играли на каждом углу, в любом клубе. Он уже успел подружиться с местными парнями. Хотя, в отличие от Ти-Джей, он и старыми друзьями не очень-то дорожил.

А вот ей очень не хватало Огонька. И Джули, конечно.

А кто-нибудь когда-нибудь вообще спрашивал, что она сама думает по этому поводу? Разумеется, нет. Ей ведь исполнилось всего четырнадцать лет. Поэтому ее мнение остальным не интересно.

Ей сказали: «Найдешь себе новых подружек».

Как будто старые сразу перестали существовать.

Или еще: «Мы не можем себе позволить платить деньги за содержание Огонька, Ти-Джей. Может быть, через пару лет мы тебе купим новую лошадь».

Но новая лошадь никогда не будет тем самым Огоньком.

Значит, во всем виноват папа. Это из-за него пропали семейные деньги.

И еще мама. Это она согласилась на свою дурацкую работу, в результате чего им пришлось переехать в город. Теперь она ведет себя так, словно эти перемены должны положительно сказаться на всей семье.

И Дерек тоже виноват. Потому что ему нравится тут жить. Он ходит счастливый, как будто всегда мечтал о переезде.

Ти-Джей почувствовала, как слезы подступают к глазам. Это происходило всякий раз, стоило ей лишь вспомнить любимого красавца Огонька. Мама в таких случаях говорила: «Ты умеешь только жалеть себя вместо того, чтобы смело встретить сложности жизни и начать с ними бороться». Но причин жалеть себя у Ти-Джей накопилось предостаточно.

Царап-царап!

Этот звук насторожил девочку, отвлекая ее от грустных мыслей. Она вытерла слезы рукавом и уставилась на стену. Как жаль, что она не обладала рентгеновским зрением своего кота Оскара! Ведь именно сейчас ей показалось, что за стеной зазвучали настоящие человеческие голоса. Правда, на этот раз ей почему-то стало неинтересно слушать их. Она испытывала только усталость и раздражение. Вот почему Ти-Джей уже подняла руку и сжала кулак, готовясь постучаться в стену, как вдруг застыла...

В этот миг произошло нечто невероятное. Маленькая часть плинтуса открылась, словно крохотная дверца, и оттуда пролился лучик света. В этом «дверном проеме» появилась миниатюрная девочка, которая тут же оглянулась назад. В одной руке она держала рюкзачок и была одета в джинсовую курточку поверх футболки и коротенькую юбочку в красно-черную клетку, а обута в черные тупоносые туфли. Волосы ее сияли, как голубая неоновая вывеска. Такого цвета бывают молнии в грозовую ночь.

Когда девочка выпрямилась, она оказалась ростом сантиметров в пятнадцать, не больше.

— Я не такая! — злобно крикнула она кому-то там, за стеной. — И не хочу такой становиться. И никогда не буду, а вы меня не остановите!

— Тетти Вуд, немедленно вернись! — воскликнул кто-то.

— Кстати, меня зовут не Тетти! — огрызнулась крошечная девочка.

Она сделала еще один шаг вперед и со злостью захлопнула за собой дверцу в плинтусе.

В спальне стало темно. Ти-Джей быстро заморгала и подумала:

Итак, я заснула. Я сплю, и мне снится, что игрушки могут существовать в реальной жизни. Потому что именно так и выглядит эта девочка. Как игрушка.

Но глаза Ти-Джей быстро привыкли к темноте, а крошечная девочка оставалась на месте. Она, похоже, сама ждала, когда сориентируется в комнате, и вдруг обнаружила, что находится здесь не одна.

— Вот черт! — воскликнула она. — Только не надо в меня бросаться тапками, хлопать мухобойкой и размазывать по стенке!

Тут Ти-Джей вспомнила, что до сих пор держит грозный кулак в воздухе. С тех пор, как решилась постучать в стену.

— А я почему-то подумала, что там мыши, — призналась она, опуская руку.

— Неужели я похожа на мышь?

— Конечно, нет. Но когда я в первый раз услышала...

Тут Ти-Джей поняла, что слова застряли у нее в горле. Она почувствовала себя полной дурочкой. Впрочем, так глупо девочка часто ощущала себя с тех пор, как они переехали сюда с фермы. Хотя что же тут странного? С людьми всегда происходит нечто подобное, когда они нервничают или боятся чего-нибудь. Во всяком случае так утверждал ее отец. Но сейчас-то ей чего бояться? Ее незваная гостья с нахальным взглядом была в сто раз меньше ее самой.

И к тому же они находились в спальне, которая по праву принадлежала Ти-Джей.

— А как тебя зовут на самом деле? — поинтересовалась она.

Кажется, вопрос прозвучал довольно вежливо. Во всяком случае лучше, чем: «Да кто ты такая вообще?» или: «И что ты тут делаешь?!»

— Элизабет.

— Но те, кто кричал оттуда...

— Мои надоедливые родители.

— Да... Так вот, они считают, что ты — Тетти.

— Это всего лишь глупое прозвище. Причем придумали они его сами. Меня зовут Элизабет.

— А меня — Тара Джейн Мур, но почти все называют меня Ти-Джей. — Она выждала пару секунд и добавила: — А мне нравятся прозвища.

— Кому что, — фыркнула Элизабет.

Она бросила рюкзачок на пол и, встав в позу «руки в боки», с вызовом взглянула на хозяйку спальни:

— А с тобой-то что произошло?

— Не поняла...

— Что ж тут непонятного?

— О чем ты меня спрашиваешь?

Элизабет махнула своей крошечной ручкой:

— С какой радости ты спишь на полу, имея такую роскошную кровать?

— Мне было интересно узнать, что за звуки раздаются за стеной...

Элизабет расхохоталась:

— Это тоже они! Понимаешь, они постоянно волнуются об одном и том же: «Не позволяй себя видеть! Прячься получше!» А выходит все наоборот: как раз их вопли и привлекают внимание.

— Ты имеешь в виду родителей?

— Конечно. У них тысяча своих законов и правил, и они пытаются все это вдолбить в меня с пеленок.

Ти-Джей понимающе кивнула. Уж ей ли не знать, что такое строгие родители! Они, например, могут запросто лишить тебя любимой лошади, переехать в противные новостройки и после всего этого считать, будто осчастливили тебя.

Ти-Джей повнимательнее пригляделась к Элизабет:

— Значит, у тебя есть крылья? — поинтересовалась она.

— А ты их видишь?

— Нет. Но я подумала, может быть, они сложены у тебя там, под курточкой.

— А почему у меня вообще должны быть крылья?

— Разве ты не фея?

— Конечно, нет. Я малявка.

— Ну, это я сразу поняла.

— Нет. Малявка — это то, кем я являюсь. Ну, как если бы ты сама про себя сказала, что ты — человек.

— Никто так не говорит. Зачем? Правда, если ты человек-слон, об этом стоит заявить.

— Может быть. — Элизабет смешно наклонила голову и стала похожа на крохотную птичку. — Значит, ты совершенно спокойно относишься к тому, что в твоей спальне вот так неожиданно появилась маленькая личность?

— Конечно. То есть все это очень странно. Нереально, я бы сказала. Но я уже ничему не удивляюсь. Сама не знаю почему.

Элизабет кивнула:

— А родители приходят в ужас, представляя, что кто-то узнает о нашем существовании. Мне всегда казалось, что в этом ничего страшного нет. Подумаешь, делов-то! И чего раздувать шумиху?

— Шумиху? Вообще-то можно было бы, — задумчиво произнесла Ти-Джей.

— Это как?

— Сама подумай. Если бы кто-то узнал о вас, об этом тут же начали бы писать во всех газетах.

— Вот здорово! Я бы не отказалась от пятнадцати минут славы. Смотри, мир, и трепещи: это я!

— Нет, так не получится. Я думаю, что тебя, скорее всего, поместили бы в террариум в какую-нибудь научную лабораторию и начали изучать. А все остальные люди принялись бы отрывать в квартирах плинтусы и искать таких же, как ты. — Она немного помолчала и добавила: — А у тебя там дом, что ли?

— Естественно. Только он маленький и потайной, а вся квартира тянется вдоль стен. Но у нас есть все удобства. Мы переехали сюда несколько лет назад, когда этот дом только построили, но теперь уже пообжились. Мы с братьями даже перетащили туда старый

портативный телевизор, который отыскивали в гараже, и сами его подключили к кабелю. Для нас, как ты догадываешься, его экран кажется огромным.

— Тогда почему ты решила уйти от них? — удивилась Ти-Джей. — То есть мне показалось, что как раз это ты и собралась сделать. Сбежать из дома.

— Я не сбегаю. Я достаточно взрослая, чтобы принимать самостоятельные решения, если речь идет о моей жизни.

— По-моему, ты не старше меня.

— Мне шестнадцать.

— Этого мало, чтобы начинать жить самостоятельно.

— Моя мама в этом возрасте уже вышла замуж и родила первого ребенка.

— Грандиозно!

Элизабет пожала плечами:

— Ничего особенного.

Она оглядела комнату.

— Слушай, а ты не будешь возражать, если я на эту ночь рухну у тебя? Мне бы... как тебе объяснить... не хотелось бы выходить на улицу, пока не начнет светать.

«Пусть она и старше меня на два года, — подумала Ти-Джей, — но я, по крайней мере, темноты не боюсь».

— А я люблю ходить на улицу по ночам, — произнесла она. — Я иногда удирала из дома, чтобы просто посидеть на свежем воздухе и поглядеть на небо. Но это было там, в старом доме. На ферме. А здесь даже небо какое-то скучное.

— Это из-за загрязненного городского воздуха, — пояснила Элизабет. — А темноты я совсем не боюсь.

— Тогда почему ты не можешь уйти прямо сейчас?

— Я не говорила, что не могу этого сделать. Просто для меня это небезопасно, если вспомнить про лис, сов, кошек и так далее.

— Ах, да, теперь понятно.

— Кстати, надеюсь, ты не собираешься спать на полу? Лично мне хочется поскорей лечь, и было бы нежелательно, если б ты перекадилась среди ночи прямо на меня.

— Нет, конечно, нет.

Ти-Джей закинула подушку на кровать и быстро скатала спальный мешок, стараясь при этом не задеть малявку.

— Мне нужно на минутку зажечь свет, — сообщила она. — Ты не против?

— Это же твоя комната. Действуй.

Яркий свет поначалу ослепил обеих. Ти-Джей подошла к тумбочке и убрала с игрушечного кресла старенького плюшевого мишку. Потом поставила кресло на низенький журнальный столик возле кровати и повернулась к Элизабет.

— Можешь пользоваться вот этим, — пояснила она. — В виде дивана. Тебе как раз подойдет по размеру.

— Спасибо.

— Тебе помочь забраться сюда?

— А я, что, похожа на инвалида? — презрительно фыркнула Элизабет.

— Нет, но я просто...

Ти-Джей не успела договорить, потому что в этот миг Элизабет достала из рюкзака моток веревки с привязанным к ее концу тройным крюком, напоминавшим крохотный якорь. Крутанув им в воздухе пару раз, она лихо закинула его на кровать Ти-Джей. Затем дернула за веревку, проверяя ее на прочность, подхватила рюкзачок и ловко вскарабкалась вверх.

— Ух ты! — искренне восхитилась Ти-Джей. — Да ты, оказывается, такая сильная! А я в школе на уроках физкультуры с канатом никак не научусь справляться.

Элизабет ухмыльнулась. Ей было приятно, что она сумела произвести впечатление на хозяйку спальни.

— Нас с детства учат, как справляться с трудностями, — пояснила она.

Малявка вынула крюк из кровати, смотала веревку и перепрыгнула на журнальный столик. Ей пришлось преодолеть всего несколько сантиметров, но когда Ти-Джей прикинула рост незваной гостьи, то расстояние получилось приличным. Самой Ти-Джей такие прыжки даже не снились.

Элизабет же повела себя так, будто ничего особенного не произошло. Она бросила веревку и рюкзачок на столик, а сама с удовольствием растянулась на игрушечном кресле. Оно оказалось не таким большим, как хотелось бы, и все же Малявка почувствовала себя в нем достаточно уютно.

Ти-Джей легла на кровать и повернулась лицом к Элизабет.

— И все же я никак не могу поверить, что ты настоящая, — призналась она.

— Привыкай. Как говорит мой папа, мир — штука большая и очень странная, и если ты еще чего-то не видела, совсем не значит, что этого не существует.

— Верно.

Как забавно! Элизабет утверждала, что ненавидит родителей, но когда она вспомнила про отца, то говорила о нем с гордостью.

— А они не будут тебя искать? — спросила Ти-Джей. — Ну, твои родители?

— Сомневаюсь. Они наверняка до смерти перепугались оттого, что ты меня увидела. И в данный момент, пока мы тут разговариваем, уже собирают вещи, чтобы съехать отсюда всем семейством куда-нибудь подальше.

— Это уже лишнее. Я же никому ничего не расскажу.

— Они тебе не поверят. Несмотря на твои клятвы, они все равно подумают, что ты все растреплешь. «Никогда не доверяй верзиле». Это одно из наших самых главных правил.

Слова Элизабет серьезно задели девочку.

— Эй, только не вздумай на меня дуться. Я же не имею в виду именно тебя. Но ты еще ребенок, а они почему-то считают, что дети могут прилично себя вести только в том случае, если находятся под каблуком у родителей. И упаси Господи иметь ребенку какие-то собственные мысли!

— Ну, это мне хорошо знакомо.

— А это твоя лошадь? — поинтересовалась Элизабет, указывая большим пальцем на фотографию Огонька, стоявшую на журнальном столике вместе с ее креслом и ночником.

— Когда-то *была* моей лошадью, — уточнила Ти-Джей.

— Понятно. Я слышала, как ты сердилась на родителей по этому поводу. Ужас! — понимающе кивнула Малявка. — А знаешь, прикольно получается. Ты думала, что мы мыши, а у меня и в самом деле была когда-то ручная мышка. Ее звали Реджи.

Глаза малявки погрузнели, и Ти-Джей осознала, что только теперь эта взбалмошная девчонка стала чуточку помягче. До этого момента она вела себя так, будто все в этом мире ополчились против нее и ей всю жизнь приходилось сражаться с врагами.

— И что же случилось с твоей мышкой?

— То же, что и с твоей лошадью. Родители велели мне избавиться от нее.

— Почему?

— Ты что, мышей не знаешь? Они писают и какают где придется. И дрессировать их в этом смысле невозможно. Я, конечно, выводила ее на улицу, мы подолгу гуляли. Но родители постоянно ругали меня за нее. Они считали, что верзилы обязательно заметят мышиный помет, вызовут специалиста, он начнет применять свои средства... И где тогда окажемся все мы?

— А я люблю мышей, — призналась Ти-Джей, и ей тут же стало жалко всех тех мышек, которые погибли в мышеловках там, в доме на ферме.

— Как их можно не любить? Ну, если, конечно, не считать, что они постоянно писают и какают. Я обещала убирать за Реджи, но родители мне не поверили. В общем, им было на меня наплевать. Но я бы обязательно сдержала слово. — Элизабет вздохнула и добавила: — Я так любила этого мышонка, правда. Наверное, именно тогда я и возненавидела родителей.

— Так уж и возненавидела?

— Вот именно. — Выражение лица малявки снова стало жестким. — Я только удивляюсь, как ты еще своих не начала ненавидеть. Учитывая все то, что они с тобой сделали. Неужели нет?

Ти-Джей задумалась. Родители частенько бесили ее, и она не могла смириться с тем, как они с ней поступили. Но чтобы ненавидеть их?.. Нет, да и как вообще можно ненавидеть собственных родителей?

— Нет, — ответила она малявке.

— Ну, дело твое.

— Хватит обо мне. Неужели ты сама действительно собираешься уйти из дома? Ведь тогда весь мир узнает о твоём существовании.

— Нет, конечно. Все не так просто. С ума я еще не сошла. Я представляю, что бы тогда началось. Кошмар наяву. Шоу ужасов какое-то... Когда ты такая маленькая, как я, тебе приходится постоянно скрываться и прятаться. Это вполне естественно, а то какой-нибудь верзила обязательно пришибет тебя, спутав с тараканом.

— Так что же ты теперь будешь делать?

Элизабет пожала плечами:

— Сама не знаю. Наверное, попытаюсь найти новый дом, в котором буду спокойно жить. Какое-нибудь уютное местечко, где смогу завести ручного мышонка.

— Можешь оставаться у меня, — предложила Ти-Джей. — Правда, насчет мышонка ничего обещать не могу, но зато предоставляю тебе кукольную мебель и одежду. И кормить, конечно, буду.

— Значит, я стану чем-то вроде твоего ручного животного?

— Нет, ничего подобного я не говорила. Просто я подумала, что так будет удобней и безопасней для тебя. И мне не так скучно.

Элизабет отрицательно замотала головой.

— Нет. Только не это. Ты для меня слишком уж хорошенькая и послушная девочка. Маменькина и папенькина дочка. К тому же я решила всем доказать, что стала взрослой и способна позаботиться о себе сама. В этом и заключался смысл моего побега.

Ти-Джей не стала обижаться на «мамёнкину и папёнкину дочку». Девочка прекрасно понимала, что так оно и было на самом деле. Она слушалась родителей, старалась хорошо себя вести и учиться на «отлично». Она носила аккуратную причёску — волосы до плеч — и, конечно, никогда не позволила бы себе надеть такую коротенькую юбочку, как у Элизабет.

— Но что ты сможешь доказать и кому, если твои переедут отсюда? — поинтересовалась она.

— Глупый вопрос, — фыркнула Элизабет.

Правда, в глазах ее на мгновение блеснуло что-то, напоминающее удивление и сомнение одновременно. Блеснуло и тут же погасло.

— Тебе придется выключить свет, — заявила Малявка. — Я хочу хоть немного поспать перед тем, как утром уйду отсюда.

— Хорошо.

Ти-Джей потянулась к ночнику, но замешкалась:

— Я, наверное, буду еще спать, когда ты уйдешь. Я не очень-то рано встаю. Поэтому хочу пожелать тебе удачи. Надеюсь, у тебя все будет хорошо.

— Как только я уйду отсюда, у меня все сразу станет хорошо.

— А если тебе захочется оставить родителям записку или передать что-то... ну, хотя бы то, что я никогда никому про вас не расскажу... или чтобы они отсюда не переезжали никуда, ты же понимаешь...

— Как будто они стали бы тебя слушать!

— М-да... Наверное, ты права. Ну, спокойной ночи.

— И тебе тоже. Кстати, ты погасишь когда-нибудь свет?

Ти-Джей щелкнула выключателем, и комната погрузилась в темноту.

Она уже почти заснула, как вдруг ей послышалось тихое бормотание Элизабет: «Пусть

ты и маменькина и папенькина дочка, но ты отличная девчонка, и с тобой можно иметь дело».

Возможно, эти слова ей только почудились, потому что именно их Ти-Джей очень хотелось услышать от своей гостыи.

* * *

Когда Ти-Джей проснулась, она обнаружила, что субботнее утро давно началось. Солнце поднялось высоко, а на игрушечном кресле никакой малявки уже не было. Впрочем, не оказалось ее и нигде в комнате. Да и вообще признаки ее ночного посещения в спальне полностью отсутствовали.

«Ты просто спала, и все это тебе приснилось», — решила девочка.

Хотя она чувствовала, что все происходило на самом деле.

Она лежала в постели и вспоминала малявку ростом в пятнадцать сантиметров с голубыми неоновыми волосами, но с таким гонором, что хватило бы и на полдюжины настоящих девчонок.

А здорово было бы, если бы эта гордячка существовала на самом деле!

Ти-Джей еще немного повалялась в постели и встала. Она сразу же прошла к компьютеру и включила его. Пока он загружался, девочка опустилась на колени возле стены, где ночью в плинтусе открывалась крохотная дверца. На этот раз никакой дверцы там не обнаружилось. Ти-Джей удалось найти лишь маленькую щелочку на плинтусе. Но в этом месте заканчивалась одна доска и начиналась следующая. Только и всего.

Она вернулась к компьютеру, вошла в Интернет и в строке поиска напечатала слово «Малявка», Экран очистился, а в следующую секунду на нем появились первые десять ссылок из предлагаемых нескольких миллионов.

Ти-Джей тут же поняла, что по одному слову выяснить ей вряд ли что-нибудь удастся.

Она возобновила поиск, но теперь к слову «Малявка» добавила «народность». Ей тут же предложили посетить всевозможные археологические и этнические сайты и даже продемонстрировали статью о найденных на одном индонезийском острове останках крохотной женщины. Правда, череп ее напоминал по размерам грейпфрут, а значит, к малявкам ее причислить было невозможно. Ти-Джей просмотрела еще несколько страниц, но ничего полезного не нашла. Хотя на этот раз количество ссылок значительно снизилось: их предлагалось уже не миллионы, а тысячи.

Но Ти-Джей не отчаивалась. В следующий раз она напечатала в строке поиска «Маленькие волшебные человечки», и компьютер выдал всего тридцать семь ссылок. Правда, и тут никого похожего на Элизабет она не увидела.

«А чего ты вообще ждала? — мысленно спросила она себя. — Ты хотела, чтобы Интернет показал что-то из твоих собственных снов, что ли?»

Она напечатала «Малявки», но и это не помогло.

Наконец, она выбрала более подробное описание и ввела в строку поиска буквально следующее: «Маленькие человечки, живущие за плинтусом», и очень удивилась, когда на экране вспыхнуло приглашение посетить сайт под названием «Существа, наделенные волшебными силами, призраки и монстры». Поначалу она решила, что там описаны какие-нибудь дурацкие мальчишеские игры, но все же щелкнула мышкой. Оказалось, что сайт принадлежит профессору, когда-то преподававшему в одном из местных университетов, и содержит странную смесь из рассказов очевидцев, научных статей и трактатов.

Пролистав несколько страниц, Ти-Джей дошла и до малявок в разделе «крохотные человечки, прячущиеся от людей». Здесь, как и следовало ожидать, перво-наперво предлагалось вспомнить о литературных персонажах из «Путешествий Гулливера», книг Мэри Нортон и даже из давно забытых комиксов. Кроме того, Ти-Джей нашла упоминания о каких-то «коротышках» и «недомерках», придуманных писателями, о которых она раньше ничего не слышала.

Нашла Ти-Джей и две забавные байки о народце, живущем за плинтусами. В одной рассказывалось о «человечках-пенни», которые превращались в монетки, когда на них падал взгляд человека. Вторая посвящалась малявкам. Их описание совпадало с тем, что успела рассказать ночью Элизабет. Кроме того, оказывается, существовала и детская книжка с картинками. Она называлась «Малявки-путешественники», а написала и проиллюстрировала ее некая Шери Пайпер. Кстати, она, так же как и профессор — обладатель сайта, жила в этом городе.

По словам Пайпер, выходило, что малявки раньше были птичками, но им стало лень летать после того, как они отыскивали другой способ находить себе пищу. В конце концов, у них исчезли крылья, и теперь им приходилось селиться в домах у людей, питаться их пищей и там же добывать себе все необходимое для жизни.

Ти-Джей напечатала в строке поиска имя и фамилию писательницы, но на этот раз ей предложили только перечень букинистических магазинов. Скорее всего, именно эту книгу уже давно не издавали, хотя Пайпер написала и несколько других. Правда, они посвящались уже не малявкам. По крайней мере так показалось Ти-Джей после того, как она промучилась с компьютером еще несколько минут, пытаясь отыскать нужную информацию.

Ти-Джей записала для себя на бумажке имя и фамилию автора, а также название интересующей ее книги, чтобы позже спросить о ней в библиотеке. После этого она отправилась принимать душ и завтракать.

* * *

Когда она вошла на кухню, мама как раз собиралась выпустить Оскара на улицу.

— Не выпускай его! — закричала Ти-Джей. — Нельзя!

А вдруг он почует запах Элизабет и выследит местечко, где она сейчас прячется?

«Воображаемый запах», — тут же мысленно поправила девочка сама себя, стараясь рассуждать логически.

— Почему нельзя? — удивилась мама.

— Потому что... я... я сначала хочу расчесать его.

Мама вопросительно посмотрела на Ти-Джей, как будто хотела поинтересоваться: «И с каких пор ты стала добровольно ухаживать за котом?»

— Ну, пусть он пока побудет дома, ладно? — умоляющим голосом произнесла Ти-Джей. — Я сейчас позавтракаю и расчесу его как следует.

— Что ж, раз ты хочешь взять на себя ответственность за внешний вид кота, я возражать не стану, — согласилась мама.

Ура!

И кот остался дома. Он жалобно помяукал, глядя на дверь, потом бросил на Ти-Джей осуждающий взгляд, словно понимал, кому он обязан временным заточением, и гордо удалился из кухни.

Ти-Джей налила себе стакан апельсинового сока, достала из буфета пачку сухих завтраков и под села к матери за стол.

— У нас молоко кончается, — сообщила мама. — Так что советую забрать его прямо сейчас, пока папа не вылил остатки себе в кофе.

— Хорошо.

— А ты почему сегодня так рано встала? Надеюсь, не специально для того, чтобы расчесать кота?

По утрам в субботу все члены семьи отсыпались «по полной программе», за исключением мамы. А вот там, на ферме, Ти-Джей поднималась рано. Но сейчас ей не нужно было ухаживать за Огоньком, поэтому у девочки выработалась привычка в пятницу вечером засиживаться допоздна, зато потом спать, сколько влезет.

Ти-Джей неопределенно пожала плечами:

— Может быть, я решила начать новую жизнь. Так сказать, с чистого листа.

— Что ж, приятно слышать. Я за тебя рада.

Ти-Джей насыпала в миску хлопьев и, протянув руку к пакету с молоком, обратилась к матери:

— Послушай, а когда ты была маленькой, у тебя никто не отнимал того, кто был тебе очень-очень дорог?

Мама тяжело вздохнула:

— Ти-Джей, прошу тебя, не надо. Я же прекрасно понимаю, как тяжело тебе было прощаться с Огоньком. Поверь, я тоже очень переживала. Но нам следовало переехать сюда, хотели мы этого или нет.

— Да нет, я сейчас о другом. Мне интересно узнать, как ты поступала в таких случаях. Что ты при этом делала? Как справлялась с трудностями? Как заставляла себя двигаться по жизни дальше?

«Не придумывала ли ты себе малявок ростом в пятнадцать сантиметров, чтобы хоть как-то скрасить собственное одиночество и немного успокоиться?» — мысленно добавила Ти-Джей.

— А почему ты решила спросить меня об этом именно сейчас?

— Сама не знаю. Я...

Ти-Джей знала, что нельзя говорить о малявках. С одной стороны, она дала слово молчать. С другой, мама подумает, что дочка спятила. Поэтому пришлось сочинять прямо на ходу:

— Просто я вчера познакомилась с одной девочкой там, в парке, — начала Ти-Джей. — Ну, мы и разговорились о... всякой ерунде. И тут выяснилось, что она решила сбежать из дома, потому что ненавидит своих родителей. А причина тому... ну, как я поняла, главная причина... в том, что они заставили ее избавиться от... м-м-м... любимой собачки. А девочка этого песика очень любила. Вот мне и стало интересно, а не случилось ли с тобой...

— Как зовут эту девочку? — насторожилась мама. — Мы должны обязательно рассказать обо всем ее родителям.

— Нет, мамочка, не надо. Это вообще не наше дело.

Но мама строго покачала головой:

— Иногда приходится вмешиваться в чужую жизнь. И при этом не важно, хотят ли этого другие люди.

— Ну, я-то, в общем, ничего про нее и не знаю. Мне даже не известно, где она живет. Может быть, даже в другом городе. Я встретила ее в парке, а она уже сбежала из дома.

— Ти-Джей, все это очень серьезно. Понимаешь?

— Конечно. Но она ведь уже сбежала. И, кстати, я завела этот разговор совсем по другому поводу.

Мама смотрела на дочку несколько секунд, после чего негромко спросила:

— Ты тоже ненавидишь нас?

Ти-Джей отчаянно замотала головой:

— Нет. Я, конечно, злюсь оттого, что нас разлучили с Огоньком, и когда я вспоминаю, как все это происходило, но... Из-за этого же нельзя возненавидеть родителей.

— Ну, слава Богу, хоть так.

— И дело даже не в том, что мне не нравится тут жить.

— Мы же тысячу раз говорили, почему все так произошло.

— Я знаю. Я просто вспомнила об этом, потому что ты сама подняла эту тему.

Мама с удивлением посмотрела на дочку.

— Ну, хорошо, — быстро согласилась Ти-Джей. — Эту тему подняла я. Но ты мне еще ничего не ответила.

— А что именно тебя так беспокоит?

— Не стану ли я вас ненавидеть так же, как Элизабет — своих родителей. Вот почему мне стало интересно, не происходило ли с тобой что-либо подобное в детстве.

— Нет, — уверенно произнесла мама. — Никогда. И ты не думай, что мне или папе

был приятен такой поворот событий. Мы прекрасно понимали, как ты любила свою лошадку.

— Огонька. Его звали Огонек.

Ти-Джей пришлось опустить глаза в миску с хлопьями и часто заморгать, чтобы не расплакаться. Мама взяла дочку за руку.

— Я все понимаю, милая моя, — негромко произнесла она. — И мне очень жаль, что все вышло именно так.

— Я тебе верю.

— Мне кажется, что ты не будешь ненавидеть нас. Я надеюсь на это, Бог свидетель. И если мы с тобой сейчас спокойно разговариваем на эту тему, я полагаю, с нами пока все в порядке.

«Нет, мама, — подумала Ти-Джей. — Не все. По крайней мере, лично со мной явно не все в порядке».

Она не испытывала ненависти к родителям. Но только в ее сердце, которое раньше заполнял Огонек, теперь зияла огромная дыра.

* * *

Ти-Джей, как и обещала, тщательно расчесала Оскара сразу после завтрака. Эта необходимая процедура не нравилась им обоим. Когда взаимные мучения закончились, девочка нехотя выпустила кота на улицу. Она надеялась лишь на то, что Элизабет должна была кое-что знать о кошках, а потому найти себе такое укромное местечко, куда коту не забраться. Но это, конечно, при условии, что Элизабет вообще существовала в действительности.

Кстати, о действительности... Как только Ти-Джей закрыла за котом входную дверь, она снова отправилась в свою комнату и встала на колени возле того самого места, где вчера в плинтусе открылась малюсенькая дверца.

— Я не знаю, может быть, ты до сих пор там, — осторожно начала девочка, — и веришь ты мне или нет, но все твои тайны останутся со мной навсегда. И при этом неважно, что может случиться. Кстати, о таких, как вы, уже написана целая книга, про вас можно прочитать в Интернете. Лично я тут совершенно ни при чем. Я уже наврала маме насчет тебя. Мне было ужасно неприятно это делать хотя бы потому, что раньше я всегда говорила ей только правду. Но я хочу, чтобы ты помнила: я всегда держу слово.

Ответа из-за стены не последовало.

Впрочем, Ти-Джей ни на что и не рассчитывала. Просто ей хотелось выговориться, пусть даже и в пустоту.

* * *

Прошла неделя, а за ней другая. Ти-Джей больше не слышала звуков за стеной. Не видела она и крошечных человечков, да и никаких признаков их существования найдено не было. Правда, ей удалось разыскать в библиотеке книгу «Малышки-путешественники». Из нее девочка не узнала о малышках ничего нового. Писательница рассказывала о том же, что уже успела сообщить ей Элизабет или она сама разыскала в Интернете. Книжка была написана для малышей, но Ти-Джей понравились картинки. Малышки, изображенные на них, казались какими-то несовременными, но в хорошем смысле. Милыми старомодными человечками из позапрошлого века.

«Маменькина и папенькина дочка», — вдруг вспомнила Ти-Джей слова Элизабет.

Может быть, ей сделать себе какую-нибудь модную стрижку?

При одной этой мысли Ти-Джей расхохоталась.

Но вот что самое странное. Хотя сама Ти-Джей на девяносто пять процентов была уверена, что все это ей только приснилось, воспоминания об Элизабет не стирались из памяти, как это обычно случается со сновидениями. Ти-Джей постоянно ловила себя на

мысли, что волнуется за Элизабет, переживает за нее. Ну, как она там одна, в этом большом мире, без друзей? И что теперь будет с ее семьей? Как они все это переживут? Может, они уже съехали с квартиры? Скорее всего, да, потому что за стенами теперь не раздавалось ни звука. Да и Оскар перестал смотреть на плинтусы.

Или они все поняли и теперь стали *по-настоящему* осторожными?

В библиотеке нашлось еще несколько книг Шери Пайпер, и Ти-Джей очень удивилась, что одна из них также посвящалась малявкам. Она называлась «Мистер Грошик и его крылья». В ней рассказывалось о том, как малявки снова научились превращаться в птичек. Ти-Джей сразу подумала, а знают ли обо всем этом Элизабет и члены ее семейства?

Правда, речь шла всего лишь о детской книге. Это ведь не означало, что все описанное в ней можно было считать правдой.

То есть оставалось под сомнением само существование малявок. Просто какая-то писательница сочиняла про них книги. И ничего более.

* * *

Ти-Джей сдержала слово и не стала никому ничего рассказывать. Правда, разговаривая по телефону с Джули, она испытала некоторое чувство вины. Раньше у нее не было никаких секретов от подружки, а вот теперь появилась большая тайна!

Хотя, может быть, именно это и происходит с лучшими подругами, когда их разделяет огромное расстояние. Поначалу ты держишь все при себе, потом вы начинаете перезваниваться все реже и реже. И вот настает такой момент, когда вы уже не считаетесь лучшими подругами. Ти-Джей надеялась, что с ними этого никогда не произойдет, но на прошлой неделе выдался день, в течение которого она ни разу не позвонила Джули. И даже не написала письмо по электронке.

От одной этой мысли у Ти-Джей стало тяжело на сердце. Она начала вспоминать Джули, а закончила тем, что снова представила себе, как они провожали Огонька до трейлера, увозящего лошадь к новому хозяину.

Правда, спустя неделю после встречи с Элизабет Ти-Джей чуть было не проговорила подруге. Неожиданно для самой себя она вдруг спросила:

— А ты когда-нибудь видела какое-нибудь маленькое существо, обладающее волшебной силой?.. Я говорю про эльфов, гномов и фей.

— Конечно. У Дункана отец такой.

— Правда?! Как это?

— Ну, не знаю. Мне Мелисса рассказывала. Только не надо на этом заикливаться. Гей, он и есть гей, и ничего тут страшного нет.

— Нет, я сказала не «гей», а «фей», ты меня не расслышала. Я имела в виду волшебных фей.

Джули рассмеялась:

— Каких еще фей, ты что, с ума сошла? С крылышками и волшебной палочкой, что ли? Да, городская жизнь явно не пошла тебе на пользу. А я-то считала, что только деревенщина верит в подобную чепуху.

— Но я до сих пор ощущаю себя деревенщиной.

— И что же, ты теперь стала верить в существование фей? — фыркнула Джули.

«Впрочем, у Элизабет крыльев не было, а следовательно, фей ее назвать нельзя, — логично рассудила Ти-Джей. — Значит, и врать не придется».

— Конечно, нет, — спокойно сообщила она подруге.

— Как у вас там насчет симпатичных достойных парней? Есть кто-нибудь на примете, а?

— Тут их полно, только они почему-то не считают меня симпатичной и достойной.

— Вот идиоты!

— Это точно.

Ти-Джей каждое утро стала регулярно расчесывать Оскара.

Поначалу желание ухаживать за котом было только предлогом, чтобы не выпустить его на улицу. Но постепенно это понравилось и Ти-Джей, и самому коту. Девочка забирала Оскара, усаживалась с ним на крыльце, выходящем на крохотный дворик, где росли клен и три ели, и представляла, что до сих пор живет на ферме. У нее это неплохо получалось — по крайней мере когда она видела перед собой ветви деревьев, а не унылый задний дворик соседского дома.

Ти-Джей медленно проводила щеткой по шелковистой шерсти кота, осторожно расчесывая колтуны. Уже через пару минут довольный Оскар начинал мурлыкать, а Ти-Джей вспоминала те прекрасные времена, когда она в конюшне чистила Огонька.

И вот как-то раз, когда она снова принялась мечтать о прежней жизни, одной рукой поглаживая сонного Оскара, до ее слуха донесся озорной голос Дерек:

— Эй, мелюзга, ты что же, до сих пор в куколки играешь?

Ти-Джей едва успела обернуться, как брат в тот же миг швырнул ей какую-то вещицу. Девочка машинально перехватила ее и зажала в кулаке. Оскар, обиженно мяукнув, соскочил с ее колен и бросился наутек по лужайке.

— Придурок! — выкрикнула Ти-Джей. — Да что ты себе вообще...

Но тут слова застряли у нее в горле. Она увидела, что сжимает в кулаке крошечный рюкзачок. Ти-Джей побледнела, но Дерек, к счастью, этого не заметил.

— Где ты это взял? — взволнованно спросила девочка, поднимаясь со своего места.

— В сарае, там, где у нас кладовка. Или теперь эту развалину нужно называть «кукольный домик»?

— В сарае?!

— Да. Мне нужно было подправить скейт, я отправился за инструментами, и эта штука упала на меня с полки, когда я передвигал коробки. Мне только хочется спросить, ты-то там что делала со своими куклами?

— Ничего.

Дерек удивленно хмыкнул:

— Так эта штучка, выходит, не твоя, что ли?

— А ты ее открывал?

— Да. Там полно всякой кукольной одежды.

«Разумеется, так и должно было быть. Все правильно, — подумала Ти-Джей. — И эта одежда принадлежит Элизабет. Значит, малявка настоящая. Так сколько же времени она живет в сарае? И не раздавил ли ее случайно Дерек тяжеленными коробками?»

Дерек продолжал вопросительно смотреть на сестру, ожидая объяснений. Чтобы как-то скрыть существование Элизабет, Ти-Джей пришлось на время позабыть о собственной гордости.

— Конечно, это мой рюкзачок. Просто я... Ну, ты же понимаешь...

Дерек глупо расхохотался:

— Нет, не понимаю. И не желаю понимать.

Покачав головой, он усмехнулся и пошел прочь.

Ти-Джей выждала, пока брат завернет за угол дома и скроется в гараже, после чего бегом бросилась в сарай. Тут было темно, пахло машинным маслом и еще бензином для газонокосилки. Этот сарай напоминал ей прошлую жизнь на ферме.

— Элизабет, — негромко позвала Ти-Джей. — Ты здесь?

Ответа не последовало.

Господи! Значит, ее сожрал кот. Или... ласка или еще кто-то.

— Элизабет, скажи хоть что-нибудь, ну, пожалуйста.

Ти-Джей обыскала весь сарай, но так никого и не нашла. Тем более девочку-малявку

ростом в пятнадцать сантиметров с ярко-голубыми волосами.

* * *

Ни о чем другом Ти-Джей думать уже не могла.

Она дважды возвращалась в сарай, но ее поиски не увенчались успехом. В ту ночь девочка никак не могла заснуть. Поворочавшись в кровати, она, наконец, встала, оделась и снова отправилась в сарай-кладовку, предварительно сунув в карман куртки маленький кукольный рюкзачок.

Ти-Джей никогда не боялась темноты, но сейчас на заднем дворе было страшнее, чем обычно. Дверь сарая противно скрипнула, когда девочка открывала ее, и Ти-Джей затаила дыхание. Однако в доме никто не проснулся, и она, включив карманный фонарик, шагнула внутрь.

Девочка тут же направила луч света на пол.

— Слава богу, ты цела, — выдохнула она.

— Убирайся отсюда.

— Что?

— Я говорю, убирайся отсюда. Я не нуждаюсь в твоём идиотском сочувствии. Да, со мной все в полном порядке. Теперь ты довольна?

— Но почему ты до сих пор находишься здесь?

— А может быть, мне тут нравится.

Ти-Джей никогда не любила влезать туда, куда ее не просят. Наверное, поэтому ей было так трудно завести себе подруг в районе и в школе. Поначалу ей захотелось сразу же уйти из сарая, но тут девочка вспомнила слова мамы: *«Иногда приходится вмешиваться в чужую жизнь. И при этом не важно, хотят ли этого другие люди»*.

— А я так не считаю, — решительно заявила она. — Господи, и чем ты тут питаешься?

Она не стала вдаваться в подробности и уточнять, что Элизабет не мешало бы, кроме всего прочего, принять ванну и вымыть волосы.

Элизабет презрительно пожала плечами:

— Я нашла тут пакет с птичьим кормом и подставила маленький тазик, куда собирала дождевую воду.

— Ты должна вернуться со мной в дом. Я тебя накормлю по-настоящему.

— Значит, они все-таки смылись, да?

— Ты имеешь в виду свою семью?

— Нет, твою задницу. Конечно же, я говорю о своих.

— Не знаю, — честно призналась Ти-Джей. — Может быть, они просто ведут себя очень тихо.

— Нет, они съехали.

— Наверное...

— Тогда какой смысл мне возвращаться туда? Было бы кошмаром признаваться им в том, что я оказалась не права: «Понимаете, я-то, на самом деле, как выяснилось, одна не способна существовать...» Но их там теперь уже нет.

— А какой смысл тебе оставаться здесь? — поинтересовалась Ти-Джей.

Элизабет только пожала плечами:

— Значит, так мне и надо. Я заслужила это. Не нужно было вести себя по-идиотски.

— Теперь ты сама говоришь какую-то ерунду.

Элизабет сердито сверкнула глазами:

— Помнишь, что я предложила тебе сразу же, как только ты здесь появилась? Оставь меня в покое и уходи к себе.

По Ти-Джей не двинулась с места.

— Послушай-ка, — продолжала Элизабет. — Ты ведь даже не представляешь себе, что это значит: быть такой, как я. У меня нет подружек. Мне приходится жить там, где мне не

хочется, причем с теми людьми, которые меня совсем не понимают. Все ясно? Поэтому не надо делать вид, будто ты что-то поняла и способна сделать мою жизнь хоть чуточку лучше.

— Ты несешь полную чушь, — спокойно сообщила Ти-Джей.

— Что?

— Ты сама себе противоречишь. Сначала хочешь казаться такой крутышкой, а потом оказывается, что все это время ты просто пряталась у меня в сарае.

— Ты полагаешь, что я не ушла бы при первой возможности? Но ночью тут полным-полно разных сов, кошек, а днем летают ястребы, бегают собаки и — опять же! — кошки. Я пыталась убежать отсюда несколько раз, и меня чуть было не съели заживо!

— И что? Ты думаешь, что ты одна на всем свете, кому стало страшно и кто страдает от одиночества? Может быть, тебе кажется, что вокруг меня бегают стаи мальчишек и девчонок, которым не терпится стать моими друзьями? Или ты считаешь, что я не тоскую по своей ферме и Огоньку?

— Ну, ты, по крайней мере, нормального роста.

— Да-да, конечно. Как будто мне от этого становится легче.

Элизабет внимательно посмотрела на девочку:

— И чего ты так старательно добиваешься?

— Господи, ну как же с тобой трудно иметь дело! — огрызнулась Ти-Джей. — Мне бы, по-хорошему, стоило заклеить тебе рот липкой лентой, засунуть в коробку с дырочками и отправить посылкой куда-нибудь подальше.

Элизабет округлила глаза, а потом широко улыбнулась.

— Вот это да!

— В каком смысле?

— Да ты начинаешь проявлять характер! Вот уж чего никак не ожидала...

Ти-Джей так и не поняла: радоваться ей или обижаться. Она еще не забыла про «маменькину и папенькину дочку».

— Прости, я не хотела. У меня вырвалось... — негромко произнесла Элизабет.

— Что я слышу? Похоже, ты извиняешься?

Элизабет продолжала так, словно и не слышала замечания Ти-Джей:

— У меня сложилось такое впечатление, что о тебя можно вытирать ноги, а ты все равно будешь это терпеть. Причем от всех сразу.

— Ничего подобного. Просто я привыкла приспосабливаться.

— Даже к тому, что тебе совершенно не нравится?

Ти-Джей вздохнула:

— Все гораздо сложнее. Не всегда хорошо то, что тебе нравится. Нужно объективно смотреть на вещи. Разумеется, мне не хотелось переезжать сюда. И уж, конечно, расставаться с Огоньком. Но мы все равно остаемся дружной семьей, а в жизни многое меняется, потому что... меняется, и все. И в этом не было ничьей вины. Просто так получилось.

— И ты смирилась с этим?

— Да. То есть, нет. Я не знаю. Я стараюсь справиться со своим новым положением, извлечь из него пользу. А у тебя все получается по-другому. Ты сердишься на всех, но ничего не делаешь. И каким же образом твоя хандра поможет тебе или еще кому-нибудь?

— Наверное, ты права.

— Ты так считаешь? — искренне удивилась Ти-Джей.

Элизабет неопределенно пожала плечами:

— Ну, во всяком случае, ты сама видишь, куда меня завело воинственное настроение.

Они обе замолчали и несколько минут не произносили ни слова.

— Так ты хочешь вернуться домой? — наконец поинтересовалась Ти-Джей.

— Скорее всего, да.

— Можно попытаться отыскать твою семью, — продолжала девочка. — Или других

малявок. Я могу переносить тебя, чтобы ты никого не боялась.

— Как ручную зверюшку?

Ти-Джей устало закатила глаза к потолку:

— Нет. Как подружку.

— Что ж... можно попробовать.

— А знаешь, оказывается, про малявок написаны книги.

Элизабет кивнула:

— Я слышала только про одну. Мы до сих пор не можем понять, как ей удалось так точно описать и нас, и нашу жизнь. Откуда она все это знает?

— Она написала еще одну книгу.

Элизабет удивленно приподняла брови и насторожилась, а Ти-Джей продолжала:

— Про то, как малявки опять научились превращаться в птичек. Ну, как это делают оборотни или еще кто-нибудь в этом же роде. И при этом им не надо ждать никакого полнолуния.

— Не может быть.

Ти-Джей пожала плечами:

— Не забывай, что это только книжка.

— Вторая, — уточнила Элизабет, — но в ней тоже может присутствовать доля правды. Как в первой.

— Тогда мы должны встретиться с этой писательницей. Она живет где-то рядом. По крайней мере, в нашем же городе.

Элизабет поднялась и попыталась отряхнуть ужасно пыльную и грязную юбку. Правда, процедура оказалась почти бесполезной.

— А я проголодалась, — внезапно произнесла она. — То есть я хотела сказать, что соскучилась по настоящей пище.

— У нас дома еды полным-полно.

— И еще помыться очень хочется.

— Вода тоже есть.

Элизабет кивнула:

— Ну... спасибо, Ти-Джей. Наверное, я все-таки воспользуюсь твоим гостеприимством.

— Ты предпочитаешь... путешествовать самостоятельно?

— Чтобы ты не несла меня, как ручную зверюшку?

— Я имела в виду...

Элизабет улыбнулась:

— Я все прекрасно понимаю. Просто хотелось немного поддеть тебя. А в общем я не возражаю, чтобы меня носили на руках.

Ти-Джей протянула руку к полке, на которой стояла малявка. Когда та перешла к ней на ладонь, девочка чуть согнула пальцы, чтобы Элизабет могла устроиться поудобнее.

— Так где, ты говоришь, живет эта писательница? — спросила Элизабет.

— В библиотеке мне сказали, что где-то в центре города.

— Как ты думаешь, ее трудно будет найти?

— Тише! — прошептала Ти-Джей, выбираясь из сарая-кладовки. — Про тебя же никто не должен знать. Ты не забыла?

— Может быть, ты переправишь меня по почте?

— Ш-ш-ш!

— Посылкой. В ящике с ватой, а в стенках сделаешь дырочки для воздуха...

— Помолчи немного, я серьезно прошу.

— Представляешь, как вытянется ее физиономия, когда она откроет посылку, а оттуда выпрыгну я?

И подружки, не сдержавшись, расхохотались. Что касается Ти-Джей, то она так и не смогла успокоиться, пока не подошла к дому.

Голубоглазая девочка

Ти-Джей должна была сразу догадаться, что незаметной Элизабет долго оставаться не сможет.

Девочка почему-то не беспокоилась, что Дерек может без стука вломиться к ней в комнату. В последние дни он приходил домой только поесть и поспать. Все остальное время ее братец проводил с новыми друзьями. Он часто тусовался вместе с ними на автостоянке возле огромного торгового центра, который занимал целый квартал и состоял из массы маленьких магазинчиков, расположенных один за другим, как на взлетно-посадочной полосе. В обиходе местные жители называли его просто «Полоса». Там и собиралась обычно молодежь среднего пошиба. Крутые туда, конечно, не заглядывали. Кроме того, Дереку с друзьями удалось сколотить ансамбль, и теперь они подолгу репетировали.

Из рассказов брата Ти-Джей могла сделать свои выводы о том, чем на парковке занималась молодежь в этом городе. Они курили, пили пиво и на машинах ловко скрывались от охранников, патрулировавших автостоянку. Некоторые парни уже успели попробовать наркотики и теперь искали себя в самых разных музыкальных направлениях, включая хип-хоп, рэп и электронную музыку.

Дерек и его друзья редко контактировали с этой толпой. Они предпочитали более спокойные мелодии, ближе к блюзам. Что же касается заводных хитов, то они тяготели к классике, например, к группе «Лед Зеппелин» или Джими Хендриксу. У одного из приятелей Дерек был свой автомобиль, поэтому они тоже могли тусоваться возле «Полосы». Но больше всего их интересовали свои собственные репетиции, которым они посвящали почти все выходные. Кстати, у них неплохо получалось, хотя до недавнего времени их попытку создать ансамбль Ти-Джей считала глупой и пустой затеей. Звездой в группе был чернокожий певец Рег. Голосом он напоминал Роберта Планта или даже Джека Уайта, но терпеть не мог, когда ему говорили, что из-за цвета кожи он просто обязан исполнять только соул или, на худой конец, рэп.

Элизабет была в восторге от этой группы, и, когда Дерек с друзьями репетировали у него дома, она пряталась в той же комнате и упивалась их музыкой. Она попыталась уговорить Ти-Джей прихватить ее с собой на «Полосу», но девочка даже не стала обсуждать эту безумную затею. Не исключено, что будь Элизабет нормальных размеров, она вписалась бы в эту тусовку, но учитывая ее крохотный рост... Нет уж, спасибо. Дело могло кончиться весьма печально, а потому Ти-Джей просто отмалчивалась, и Элизабет пришлось вскоре отказаться от своей идеи.

К тому же, если родители позволяли Дереку вести себя довольно свободно, то Ти-Джей они никогда бы не разрешили околачиваться возле круглосуточной забегаловки.

С недавнего времени у Ти-Джей усложнились отношения с ними, и это было связано с существованием Элизабет. Ее нужно было тщательно прятать от любопытных глаз, а родителям (учитывая события последнего года) Ти-Джей уже полностью доверять не могла. В особенности, когда речь шла об очень важных вещах. Но они по крайней мере стучались в дверь ее комнаты и громко объявляли, что пришли к дочери. При этом Элизабет всегда успевала где-нибудь спрятаться. Девочки привыкли разговаривать очень тихо, или же Ти-Джей включала музыку, чтобы их голоса не были слышны. Мама Ти-Джей несколько раз замечала, что из кухни пропадает еда, когда девочка уносила продукты для Элизабет. Сама же Ти-Джей чувствовала себя виноватой и выглядела не очень уверенной. Ее родители знали, что она не употребляет наркотики и даже не пыталась их пробовать, и все же у них сложилось впечатление, что их дочка что-то скрывает.

Но настоящей проблемой для девочек стал Оскар.

По своей кошачьей логике он справедливо считал дичью и объектом охоты всех, кто меньше его и шевелится. Он отважно защищал свою территорию даже от случайно забредавших во двор соседских собачек, и ему невозможно было втолковать, что Элизабет, в

отличие от животных, не является ни едой, ни игрушкой. Поэтому во время отсутствия Ти-Джей Элизабет предпочитала удаляться в старую квартиру, расположенную между стенами. Ту самую, которую так поспешно покинула ее семья.

Разумеется, такая жизнь не очень правилась малявке, и она часто жаловалась на свою незавидную участь. Ей приходилось постоянно прятаться, никаких интересных мероприятий она не посещала, в город не выходила. Да еще этот страшный кот, представлявший собой смертельную опасность в прямом смысле слова. В ту ночь, когда девочки болтали в сарае, они здорово сблизились. Теперь они чувствовали себя в обществе друг друга гораздо комфортнее. И все же Ти-Джей понимала, что Элизабет по-прежнему остается своенравной капризной девчонкой, требующей от хозяйки дома слишком многого. Знала она и то, что вряд ли сможет соответствовать образу, созданному для нее малявкой.

Дело было не только в том, что Ти-Джей наотрез отказалась брать малявку на тусовки возле «Полосы». Элизабет не слишком сильно переживала, что никуда не выходит и ничего не видит. Но, по ее мнению, Ти-Джей ничего не делала для исполнения их плана по поискам Шери Пайпер. Той самой писательницы, которая сочиняла книги о малявках.

На самом деле эта задача оказалась не такой уж простой.

Сначала выяснилось, что телефона Шери Пайпер в городском справочнике нет. Не владела она и собственным сайтом в Интернете, поэтому войти с ней в контакт можно было только через ее издателя, что оказалось попросту нереальным. По крайней мере так сказала Ти-Джей мисс Стюарт, школьный библиотекарь, когда девочка обратилась к ней за помощью.

Ти-Джей раньше никогда не писала таким серьезным людям, как Шери Пайпер. Она прекрасно знала, как нужно составить письмо и какие вопросы задать, чтобы не показаться глупой. И все равно можно было себе представить реакцию Пайпер на такое послание. Скорее всего, она сочтет Ти-Джей свихнувшейся малолеткой, чокнутой поклонницей ее таланта, которая с трудом отличает действительность от художественного вымысла. Может быть, она даже не станет ей отвечать. А если и ответит, это будет простой официальной отпиской. Что-то вроде: «Благодарю вас за проявленный интерес...» И так далее.

Этой Пайпер, наверное, письма килограммами носят каждый день.

И вряд ли она сама читает все, что присылают ей многочисленные поклонники.

Ти-Джей вздохнула. Дело показалось ей чрезвычайно трудным, практически невозможным. А ведь они еще не сделали и первого шага.

— Придется искать ее старым надежным способом, — высказалась Малявка.

Ти-Джей удивленно взглянула туда, где на заваленном одеждой кресле, возле монитора, приютилась Элизабет. Она устроилась таким образом, что никто, внезапно вошедший в комнату, не смог бы сразу заметить ее. Сегодня она надела джинсы, обтягивающие ее ножки, и футболку, на которой жирным маркером вывела: «Ненавижу мальчишек-малявок».

— Это каким же? — заинтересовалась Ти-Джей.

Элизабет неопределенно пожала плечами:

— Ну, например, самой немного поработать детективом, произвести розыскные работы.

— Я даже не знаю, с чего начать.

— Зато я знаю. Я пересмотрела почти все телешоу. Придется подежурить возле издательства, а когда Пайпер оттуда выйдет, проследить ее дорогу до дома. Так мы узнаем ее адрес.

— Это не так-то просто сделать, — резонно возразила Ти-Джей.

— Ну, придется постараться.

Ти-Джей задумалась. Ей хотелось доказать взбалмошной и своенравной гордячке, насколько малы были шансы выследить писательницу таким образом. Прикинув, с какими трудностями ей предстоит встретиться, она уверенно начала:

— Издательство, выпускающее книги Шери Пайпер, расположено в Нью-Йорке, и мне

почему-то кажется, что писатели навещают своих издателей далеко не каждый день. В будние дни я хожу в школу, и родители вряд ли отпустят меня на выходные в Нью-Йорк. Кроме всего прочего, я могу себе представить, сколько стоит билет на самолет. Учитывая незавидное финансовое положение моей семьи, пусть и временное, не думаю, что мне выделят эти деньги.

— Значит, поедem автостопом. Что, слабо?

— Про это забудь сразу же. На «слабо» меня не поймаешь, но лично я никогда и никуда автостопом не поеду.

— Подумаешь, какая цаца!

— Да ты меня, похоже, и слушать не хочешь! Я говорю еще и о том, что раньше никогда надолго из дома не уезжала. Да я с ума схожу от одной мысли, что мне придется самостоятельно ехать в центр нашего города! Разумеется, если мы раздобудем адрес Шери Пайпер. Меня все это очень сильно беспокоит.

— Не слишком ли ты переживаешь?

Ти-Джей упрямо мотнула головой:

— Нормально. А вот тебя, кажется, вообще ничего не волнует.

Они немного помолчали.

Ти-Джей проверила свой электронный почтовый ящик, но новых писем от Джули в нем не обнаружилось.

— Что же, по-твоему, мы должны теперь делать?

Ти-Джей внимательно посмотрела на Элизабет:

— Я думаю, попытаться отыскать твоих родителей или других малявок.

— Ах, да, конечно. Я уже про это и забыла.

— Ну, лучших идей у меня пока не появляется.

И тут им на помощь пришел его величество случай.

Раньше Ти-Джей никогда не читала газет, но на этот раз в школе им дали необычное задание. Нужно было взять в газете, в разделе новостей, заметку и переделать ее так, как в далеком будущем об этом написали бы в учебнике истории.

Ти-Джей это показалось ужасно глупым. Как можно узнать, что через много лет будет считаться настолько важным, чтобы об этом упомянули в учебнике? Тем более, что на этой неделе не происходило ничего интересного. Во всяком случае отец ни разу не начинал за столом лекций (которым, разумеется, никто не внимал), начинавшихся со слов: «И куда катится наш мир?»

И все же, когда родители прочитали газету, прилежная ученица Ти-Джей утатила ее в свою комнату. Устроившись на кровати, она принялась тоскливо перелистывать страницы. Наверное, она не заметила бы ничего примечательного в отделе «Искусство и развлечения», но уж больно нудными оказались все остальные статьи. Взгляд ее случайно упал на ту самую страницу...

— Посмотри! — воскликнула Ти-Джей, обернувшись к Элизабет. — Скорее! Она будет здесь, у нас. Совсем рядом!

— Кто будет? Где рядом? — нахмурилась Элизабет.

— Шери Пайпер. Она приедет к нам в торговый центр, в «Полосу». В книжном магазине «Варне и Ноубл» в субботу утром она будет читать отрывки из своих книг, отвечать на вопросы и подписывать свое последнее издание. Наверное, там соберутся одни малыши, но мы все равно можем попытаться встретиться с ней и поговорить. — Ти-Джей подпрыгнула на кровати от радости. — Ну, например, мы перехватим ее на пути в магазин. Или уже потом, когда ее выступление закончится.

— Или когда ей приспичит выйти в туалет.

Ти-Джей поморщилась.

— А что тут такого? — пожала плечами Элизабет. — Туда-то люди всегда ходят поодиночке.

— Не сомневаюсь. Но самое приятное заключается в том, что мероприятие назначено

на субботу. Значит, родители обязательно отпустят меня. Это выходной, и к тому же торговый центр находится не очень далеко. Может быть, они даже разрешат мне поехать туда на велосипеде.

Элизабет кивнула:

— Здорово. А мы знаем, как выглядит эта писательница?

— Да. Я скачала в Интернете ее фотографию.

— Наверное, десятилетней давности.

— Неважно. Мы все равно увидим ее, как только ее представят и она начнет лекцию.

Похоже, все идет как по маслу.

Может быть, именно поэтому все у них пошло совсем не так, как они предполагали.

* * *

Правда, начало не предвещало ничего плохого.

Наоборот, казалось, что все идет отлично. Родители не стали возражать против поездки Ти-Джей в торговый центр на велосипеде.

— Только будьте поосторожнее, юная леди, — предупредил отец и даже выдал немного денег, чтобы дочка купила себе новую книгу Пайпер и что-нибудь перекусить.

По вечерам девочки усердно трудились. Они переделывали плюшевого медвежонка Ти-Джей в защитный костюм-спальник для Элизабет, чтобы малявка могла спокойно путешествовать в рюкзаке Ти-Джей, не опасаясь получить травму от удара. Вернее, работала только Ти-Джей, а Элизабет давала советы. Когда мишка был готов, малявка осмотрела его с таким гордым видом, будто принимала непосредственное участие в работе.

— Неужели ты не хочешь залезть в него прямо сейчас? — удивилась Ти-Джей.

— А разве надо?

— Ну конечно. Надо же проверить, что у нас получилось. Весь смысл и заключался в том, чтобы сделать его удобным для тебя.

— Тебе легко говорить. А вот лезть в него придется мне.

— Если не хочешь, можешь никуда не лезть. Просто подождешь меня дома, а я отправлюсь на встречу и потом, когда вернусь, все тебе перескажу. Согласна?

— Ни за что.

Элизабет с легкостью забралась внутрь медвежонка, и Ти-Джей ловко закрыла ее на «липучку». Конечно, просторным помещением эту мягкую камеру назвать было трудно, но зато малявке теперь не были страшны никакие удары извне. Она даже кое-что видела в отверстие, проделанное в пасти медведя. Через эту же дырочку внутрь поступал воздух.

— Да так и клаустрофобией заболеть недолго, — фыркнула Элизабет.

Писклявый голос едва доносился до Ти-Джей, и ей пришлось прильнуть ухом к мордочке медвежонка, чтобы разобрать слова малявки.

— Скажи лучше, как тебе там дышится? Нормально?

— Кажется, да.

— А теперь я переложу тебя в рюкзак, — предупредила Ти-Джей.

— Только аккуратнее! — напомнила Элизабет.

— Я представлю себе, что у меня в руках яйца.

— Причем сырые, — уточнила малявка. — Не вареные вкрутую, заметь, а именно сырые.

Ти-Джей ничего не ответила, решив проигнорировать не слишком остроумную шутку.

— Итак, поехали! — сообщила она.

Девочка осторожно подняла медвежонка и поместила его в рюкзачок, который тут же почти полностью закрыла на молнию. Надев рюкзак на спину, она несколько раз прошлась с ним по комнате, затем сняла его и снова положила на кровать. Как только она расстегнула молнию, из сумки, как сумасшедшая, выпрыгнула Элизабет. Ее внезапное появление так изумило Ти-Джей, что девочка чуть не свалилась с кровати.

— Ой, подумаешь как страшно! — презрительно фыркнула Элизабет. — А кого еще ты хотела увидеть? Чего ожидала?

— Я вообще ничего не ожидала. Я собиралась сама достать медвежонка из рюкзака.

— А мне хотелось проверить, смогу ли я самостоятельно оттуда выбраться. Так, на всякий случай.

Ти-Джей понимающе кивнула:

— Просто от такой неожиданности я и перепугалась.

— Надеюсь, с тобой не случится припадок, когда ты будешь держать меня на коленях в торговом центре?

Ти-Джей долго и пристально смотрела на малявку.

— Ну, а теперь что произошло? — недовольно произнесла Элизабет.

— Я ни за что не соглашусь держать на коленях плюшевого мишку. Я же буду выглядеть полной идиоткой.

— А как же я увижу, что там будет происходить?

— Да никак. Ничего тебе там видеть не нужно. Просто сиди тихо, чтобы о твоём присутствии никто не узнал, и все.

Элизабет отрицательно замотала головой:

— Ну уж нет. Я не собираюсь сидеть взаперти внутри этого зверя.

— Тогда я тебя вообще никуда не возьму.

* * *

На следующее утро спор продолжился. Кроме того, они не сошлись во мнении, что именно должна надеть Ти-Джей, отправляясь в торговый центр. Элизабет настаивала на вызывающем наряде в стиле панков: коротенькая юбочка, плотно облегающий топик и — ну, ради всего святого! — хотя бы немного косметики. Ти-Джей планировала надеть любимую футболку, джинсы и кроссовки. В таком виде она и предстала перед малявкой. Ведь даже если бы она согласилась с Элизабет, она все равно не смогла бы выполнить всех пожеланий новой подруги. У Ти-Джей просто не нашлось юбки такой длины, которая устраивала бы Малявку и считалась действительно коротенькой.

— Но ты ведь уже не живешь в деревне, — напомнила Элизабет. — А если ты продолжаешь одеваться так, словно приехала из захолустья, то крутые парни к тебе никогда не подойдут. Теперь мне все становится понятно. Они с тобой даже разговаривать не станут!

— А я и не хочу, чтобы они со мной разговаривали. Мне не нужны друзья, которые будут постоянно принимать меня за того, кем я на самом деле не являюсь.

— Ну, городские ребята все равно никогда не станут дружить с деревенщиной.

Ти-Джей не понимала, как тот, кто прожил всю жизнь за стеной, словно мышь, кто получал образование только дома и, кроме своей семьи, никогда ни с кем не общался, может судить о том, кто крутой, а кто нет. Но малявка, безусловно, была крутой. Возможно, она сама шила себе одежду из тряпочек и лоскутков, неизвестно где добытых, но ее наряды самодельными не казались. И при этом каждая вещичка была на удивление модной.

Ти-Джей разрывалась на части. Где-то в глубине души ей тоже хотелось стать похожей на тех уверенных в себе девчонок, которые проходят по школьным коридорам с гордо поднятыми головами, а потом во дворе встают в такие позы, словно они супермодели и сейчас находятся на подиуме во время показа мод. Но, с другой стороны, это было бы самым настоящим предательством. Если не ее самой, то Огонька, и Джули, и всех тех, кого ей пришлось оставить на ферме. Правда, у них в старой школе тоже встречались такие девчонки, но Ти-Джей и Джули поклялись, что никогда такими не станут, какие бы перемены ни происходили в их жизни. Никогда не допустят, чтобы тряпки, косметика и прически стали для них самым главным.

Но Элизабет сейчас выступала в роли Змея, который нашептывал под яблоней Еве на ухо весьма опасные вещи.

— Я не пытаюсь тебе внушить, что ты должна целиком и полностью посвятить жизнь заботе о внешности, — пожимала плечами Элизабет. — Но если ты добавишь себе немного секса и гламура, тебя это что, испортит?

«Очевидно, нет, — мысленно согласилась Ти-Джей. — Напротив, некоторые мальчики могут тут же проявить интерес к моей персоне». Правда, здесь тоже имелись свои «но». Городские мальчики сильно отличались от тех, с кем она училась когда-то на ферме. Да и вообще, в городе все было другое. Все как будто двигалось быстрее, энергичнее. Иногда Ти-Джей казалось, что ей не хватает времени, что ей некогда передохнуть. Нет, такой неловкости и таких противных чувств она в деревне никогда не испытывала.

— Это называется гормоны, — пояснила Элизабет, когда Ти-Джей поделилась с ней своими мыслями. — Это происходит практически с каждым. Просто прислушивайся к своему сердцу, поступай так, как оно тебе велит, и не ошибешься.

— Тогда зачем ты пытаешься изменить меня? — удивилась Ти-Джей. — Почему ты хочешь, чтобы я стала похожа на кого-то, кем я не являюсь?

— Да потому, что ты сама еще не знаешь, кем ты являешься. Тебе только известно, кем ты была недавно. Теперь наступает время расти, меняться и пробовать что-то новенькое. Стать самой собой, а не оставаться младшим членом семьи.

«Ну, конечно, со своей семьей ты быстро разделалась, без церемоний», — язвительно подумала Ти-Джей, но вслух таких жестоких вещей говорить не стала.

Девочка понимала, что доля истины в словах Элизабет, безусловно, присутствует. Она знала, что все люди меняются, изменится и она сама. Когда-нибудь она проснется, подойдет к зеркалу и обнаружит, что старой, знакомой Ти-Джей больше нет. Но пока она не была к этому готова. Не исключено, что этого не произойдет никогда. Ну, откуда человек может об этом знать?

— Я вовсе не младший член семьи, — решительно заявила она. — А в торговый центр я поеду в той одежде, которую выбрала для себя сама.

— Но...

— А ты либо будешь сидеть у меня в рюкзаке и вести себя прилично...

— Вести себя прилично? — взвилась Элизабет. — Я тебе не какая-нибудь...

— Либо, — перебила ее Ти-Джей, повышая голос, — ты вообще никуда не поедешь. А я, когда вернусь домой, все тебе расскажу.

— Разве нельзя пойти на компромисс?

— Не знаю. А разве нельзя здраво мыслить?

Элизабет громко, по-театральному вздохнула. Это у нее получалось великолепно. Но ее мнимые страдания не произвели на Ти-Джей никакого впечатления. Она молча стояла, грозно сложив руки на груди, и ждала. Наконец, Элизабет сдалась и согласилась на все условия, предложенные хозяйкой дома.

— Ладно уж, — буркнула она. — Запихивай меня в медведя, потом засовывай в рюкзак. Скорее всего, ты бросишь его под стул, и тот вредный тип, который сядет рядом с тобой, будет в течение всей лекции упорно пинать меня ногами. А ты будешь потягивать газировку, хрустеть чипсами и слушать увлекательную речь Пайпер. Обо мне можешь не беспокоиться.

— Хорошо, не буду, — отозвалась Ти-Джей, чем привела малявку в замешательство. Та уже не знала, что нужно отвечать в подобных случаях.

— Ну, так залезай в своего мишку, — добавила Ти-Джей. — Нам пора трогаться.

* * *

Ти-Джей, конечно, была строга с Малявкой, но она в то же время и переживала за нее. Девочка легко могла представить себе, как это ужасно — очутиться внутри плюшевой игрушки, да еще в чьем-то рюкзаке в придачу. Разумеется, во время поездки и бесконечной тряски кого угодно могло замутить. Вот почему Ти-Джей была предельно осторожна с

рюкзаком. Когда она понесла его на кухню, то старалась держать руку уверенней, избегая даже его малейшего раскачивания.

— С тобой все в порядке? — встревожилась мать.

— Конечно.

— Просто ты идешь как-то неестественно, словно напряглась вся.

— Я... работаю над осанкой, — тут же нашлась девочка.

Она была довольна своей выдумкой, потому что маму как раз беспокоила сутулая фигура дочери.

— Ну, ладно. Желаю тебе хорошо развлечься и отдохнуть.

— Постараюсь.

— И осторожней там!

— Ну, мам...

Мама строго приподняла брови, и Ти-Джей быстро добавила:

— Я буду очень осторожна.

— Внимательней на перекрестке, следи за светофором. Не разговаривай с посторонними. Кстати, того маньяка, который пристает к девочкам возле «Полосы», до сих пор не поймали.

— А как же сама Пайпер? Для меня она тоже посторонняя, — резонно заметила Ти-Джей. — Но мне очень хочется поговорить с ней.

— Ты опять за свое?

— Это шутка. Но я пока еще кое-что соображаю, поэтому с незнакомыми мужчинами никаких общих дел иметь не собираюсь.

Мама одобрительно кивнула и даже попыталась улыбнуться. Правда, улыбка у нее получилась вымученной, и сразу стало ясно, что она продолжает волноваться за дочь.

— Я знаю. Просто мне хотелось кое-что напомнить тебе. А вообще-то мне положено постоянно ворчать и быть недовольной. И еще, как говорится, предупрежден...

— ...Значит вооружен, — закончила мысль Ти-Джей.

— Вот именно. — Мама поцеловала девочку в макушку. — Мы еще увидимся днем. Кстати, мобильный телефон с тобой?

— Разумеется.

Наконец, Ти-Джей выбралась в гараж. Она выкатила велосипед и закрыла за собой дверь. Оглянувшись по сторонам, чтобы убедиться, нет ли кого поблизости, она негромко произнесла, глядя на рюкзак:

— Как ты там? Все в порядке?

— Все отлично! Я чувствую себя как на лучшем курорте, — донесся до Ти-Джей приглушенный голосок Элизабет. — Сама-то ты как думаешь?

Ти-Джей улыбнулась, оседлала свой велосипед и, уверенно работая педалями, покатила по улице.

* * *

Ти-Джей сочувствовала Элизабет не только из-за абсурдного способа перемещения, которым та была вынуждена воспользоваться сегодня. Не только плюшевый медвежонок и рюкзак создавали неудобства для малышки. Ей приходилось торчать в доме целыми днями, а когда Ти-Джей уходила в школу, постоянно опасаться появления в комнате Оскара. Несмотря на то, что в распоряжении Элизабет имелся телевизор, ей было очень скучно. Сама Ти-Джей с ума бы сошла, не имея возможности выходить на улицу. Но она не могла помочь Элизабет больше, поэтому именно сейчас она направлялась на встречу с писательницей, кое-что знавшей о жизни малышек.

Через пять минут Ти-Джей добралась до перекрестка, удачно миновала его и покатила по широкой, обсаженной деревьями аллее. Ехать было легко, дорога почти всегда шла под уклон. Скоро перед ней открылся следующий перекресток. Ти-Джей так и подмывало

поскорее свернуть в нужном направлении, не дожидаясь, когда светофор сменит свет на зеленый. Ведь мама же никогда об этом не узнает! Но она все же решила сдержать данное матери слово и не нарушать правил движения. Когда, наконец, девочка подъехала к торговому центру, она приковала цепью велосипед в ряду других таких же и с замирающим сердцем вошла в просторный корпус книжного магазина.

Ти-Джей приехала слишком рано, в зале еще только ставили стулья для предстоящей лекции. Девочка принялась бесцельно бродить между рядами, как вдруг ей показалось, что из рюкзака раздаются какие-то приглушенные звуки. Она испуганно огляделась по сторонам, но тут же успокоилась: рядом никого не было.

— Подожди минуточку, — прошептала она через плечо.

Она поспешила в туалет и, убедившись, что тут тоже никого нет, зашла в кабинку. Положив рюкзак себе на колени, она быстро расстегнула молнию. Из головы плюшевого мишки показалось озабоченное лицо Элизабет.

— Что случилось? — встревожилась Ти-Джей.

— Мне надо пописать, — сообщила малявка и протянула Ти-Джей кукольную бутылочку, которую девочка наполнила водой перед поездкой. — И воды еще налей.

— Неудивительно, что тебе хочется писать. Ты же выдула целую бутылку!

— Здесь очень жарко.

— Понятно. Ну, ладно... М-м-м...

Ти-Джей замолчала. Она не нашлась, что сказать. Раньше она никогда не видела, чтобы Элизабет ходила в туалет. Впрочем, они и не поднимали эту тему. Ти-Джей могла только догадываться, что у малявок там, за стеной, был свой собственный туалет или что-то вроде того. И когда Элизабет требовалось посетить его, она просто уходила за стену. Но вот сейчас...

— А в чем, собственно, дело? — в свою очередь удивилась Элизабет.

— Ну, и как мы... справимся с этой проблемой?

— Ты немного поможешь мне, чтобы я не потеряла равновесия, и тогда я, наверное, смогу воспользоваться унитазом.

Ти-Джей представила себе эту картинку и поморщилась. Подобная перспектива ей явно не улыбалась.

— Нет, так не пойдет.

— Ну, самой мне страшновато становиться на него. Он очень скользкий, и я, чего доброго, рухну вниз.

— Да, но...

— Ладно, поставь меня в раковину.

— А если сюда кто-нибудь войдет?

— Послушай, Ти-Джей, мне действительно очень надо.

— Ну, я даже не знаю. Просто...

— Хорошо, тогда вынеси меня на улицу. Там ведь должен быть какой-нибудь газон, а на нем — трава и кусты.

Ти-Джей кивнула.

— Ну, так пошли туда, — попросила Элизабет.

Ти-Джей уже собиралась застегнуть рюкзак, как малявка протянула ей кукольную бутылочку и напомнила:

— И не забудь наполнить водой вот это.

* * *

Позади книжного магазина оказался даже не газон, а самая настоящая просторная поляна, похожая на поле и уходящая куда-то вдаль, туда, где ходила электричка. Дойдя до конца тротуара, Ти-Джей быстро огляделась по сторонам и только после этого шагнула в сторону кустов. Здесь она сняла рюкзак и поставила его на землю, а сама отвернулась и

принялась изучать мусорные контейнеры возле магазина, пока Элизабет делала свои дела.

— Вот и все, неженка и чистюля, — сообщила Элизабет уже через несколько секунд. — Можешь поворачиваться. Голую попку я тебе не покажу. Кстати, я уже снова забираюсь в свою плюшевую тюремную камеру.

Закрыв медвежонка на липучку, а рюкзачок — на молнию, Ти-Джей отправилась в обратный путь. Она не обращала внимания на группу мальчишек, бездельничавших возле прикованных на цепи велосипедов, пока один из них не преградил ей дорогу.

Мальчишки оказались похожими один на другого. Непричесанные, неухоженные тинейджеры, одетые непонятно как. Спортивные костюмы скейтбордистов неудачно сочетались у них с атрибутикой любителей тяжелого металла.

— Простите, — непонятно за что негромко извинилась Ти-Джей и попыталась обойти нахального подростка.

Но он шагнул в сторону вместе с ней, отрезая девочке путь к магазину.

— Простите! — пропищал подросток, передразнивая Ти-Джей.

— Эй, а что у тебя там, в рюкзаке? — поинтересовался другой мальчишка.

В этот момент вся компания дружно двинулась в ее сторону, и Ти-Джей испугалась уже по-настоящему.

— Пожалуйста, не надо, я не хочу никаких неприятностей, — взмолилась она.

Первый мальчик слово в слово повторил ее просьбу, так же противно попискивая.

Ти-Джей не знала, куда бежать. Парней было много — семь или восемь — и все они намного больше ее.

— А что тут такого? — вступил в разговор рыжеволосый мальчишка. — Мы тебе что же, не поправились?

— Я просто...

Чьи-то руки вцепились в лямки рюкзака. Ти-Джей хотела вырвать его, но в этот миг кто-то с силой толкнул ее. Потом еще и еще раз. Хулиганы снова и снова толкали ее от одного парня к другому и в конце концов стащили рюкзак со спины.

— Нет! Не надо! — в ужасе воскликнула Ти-Джей.

Она хотела отнять рюкзак, но парень отвел руку в сторону, и Ти-Джей, споткнувшись о кочку, растянулась на траве, больно ударившись коленом о землю.

Мальчишки глупо расхохотались. Тот, кто держал ее рюкзак, потряс им прямо перед носом несчастной девочки.

— Вы, кажется, что-то потеряли? — осведомился он.

— Отдай немедленно! — потребовала Ти-Джей, стараясь, чтобы в ее голосе сейчас не прозвучало детской обиды.

— А ты попробуй меня заставить.

Ти-Джей стала подниматься и в этот момент услышала скрип тормозов. Рядом с ними остановилась машина. Мальчишки бросились врассыпную, прихватив с собой рюкзачок. Ти-Джей согнулась от боли в колене, на глаза у нее навернулись слезы. Ей даже пришлось присесть на кочку. Нога жутко ныла, но девочка сейчас думала не об этом. Она волновалась за Элизабет.

— С тобой все в порядке? — раздался над ней чей-то незнакомый голос.

Она подняла голову и увидела мужчину лет, наверное, тридцати с небольшим, одетого в синюю ветровку. Незнакомец протягивал ей руку. Он был коротко подстрижен, а его узкое лицо показалось девочке немного странным. Скорее всего, оттого, что у него почти полностью отсутствовал подбородок.

Она взяла его за руку, но, когда он потянул девочку на себя, чтобы помочь ей встать, она лишь застонала и снова уселась на кочку, потому что колено заныло так, что Ти-Джей не могла опираться на больную ногу. И, что хуже всего, она расплакалась и теперь никак не могла остановиться.

— Не торопись, — посоветовал незнакомец. — Передохни.

Она кивнула и постаралась следовать его советам, хотя это было практически

невозможно. Сердце у нее бешено колотилось, все вокруг плыло и кружилось от сильной боли в колене. Ти-Джей оставалось только жадно хватать ртом воздух и надеяться, что боль постепенно утихнет.

— Не надо спешить, — подал голос мужчина.

Девочка кивнула и понемногу успокоилась. Затем утерла слезы рукавом куртки и мысленно пожалела о том, что у нее не было при себе платка, чтобы высморкаться как следует.

— Они... забрали... мой рюкзак...

Мужчина посмотрел туда, где только что скрылись мальчишки.

— Просто звери какие-то! — покачал головой незнакомец.

— Мне очень нужно получить его назад.

Ти-Джей почувствовала, как силы возвращаются к ней, и, отказавшись на этот раз от помощи мужчины, самостоятельно поднялась на ноги. Мужчина оставался рядом, чтобы поддержать Ти-Джей, если она вдруг оступится или потеряет равновесие.

— Со мной... все в порядке, — выдавила Ти-Джей, хотя чувствовала себя в эту минуту отвратительно.

— Точно? Смотри, а то я бы мог отвезти тебя в больницу...

Но Ти-Джей отрицательно замотала головой. Она огляделась. Люди на автостоянке занимались своими делами, не обращая на них никакого внимания. Интересно, если бы не этот один-единственный добрый самаритянин, что бы с ней стало?

— Мне очень, очень нужно получить назад этот рюкзак...

— Боюсь, что он уже пропал для тебя навсегда.

— Но там была... — начала Ти-Джей и осеклась.

Крошечная подружка ростом в пятнадцать сантиметров. Эх, Элизабет...

— Моя одежда, — успела сообразить девочка.

Мужчина задумчиво посмотрел на нее.

— А ведь я и раньше видел этих мальчишек, — начал он. — Или, возможно, это была другая компания... Трудно сказать, они сейчас все одеваются одинаково. Они обычно шатаются в центре города, возле комплекса «Секит-Сити». — Он указал на свою машину, стоявшую до сих пор с невыключенным мотором. — Если хочешь, я подброшу тебя туда. Поглядим, может быть, удастся выручить твой рюкзак, а?

— Правда?

Надежда вспыхнула в сердце Ти-Джей. Может быть, если они поспешат, то еще успеют спасти Элизабет. И когда мальчишки увидят рядом с ней взрослого мужчину, они обязательно вернут рюкзак.

— Конечно, — пожал плечами незнакомец и открыл дверцу машины со стороны пассажирского места. — Запрыгивай.

Но прежде чем Ти-Джей успела сделать шаг, она услышала резкий крик возле дверей магазина. К ним бежал еще один мальчишка-тинейджер. Правда, этот был прилично одет, а к его рубашке был приколот ярлычок с именем. Мужчина вдруг забеспокоился и попытался впихнуть девочку в машину, схватив ее за руку чуть выше локтя. Не понимая, что делает, Ти-Джей со всей силы ударила его ногой в голень. Мужчина вскрикнул и ослабил хватку, а девочка, освободившись, в тот же миг отскочила в сторону.

На всякий случай она сделала несколько шагов назад, чтобы незнакомец не смог дотянуться до нее. Но он только бросил сердитый взгляд в сторону подбегающего мальчишки, обошел машину, сел за руль и рванул вперед. Дверца со стороны пассажирского места так и осталась открытой. Она несколько раз громко хлопнула по боку автомобиля, пока тот не скрылся за поворотом.

Ти-Джей еще несколько секунд смотрела туда, где только что исчезла машина. Кто-то дотронулся до ее плеча, и она вздрогнула от неожиданности. Это оказался подросток из магазина. У него было доброе лицо и каштановые волосы, растрепавшиеся от быстрого бега. Но ему даже шла такая необычная прическа. Однако Ти-Джей была так напугана, что больше

не собиралась никому доверять.

— С тобой все в порядке? — поинтересовался он.

Но о каком порядке могла идти речь?

Только что на нее напала толпа хулиганов. Пропала Элизабет. И вдобавок ко всему какой-то извращенец попытался ее похитить прямо среди бела дня.

Ей захотелось завопить ему в лицо: «Нет! Со мной не все в порядке!»

Но вместо этого она снова расплакалась и беспомощно опустилась на кочку. Ей было неудобно сидеть, боль стрелой пронзала ногу. Она привстала, чтобы поменять позу, но тут же снова скорчилась от боли в колене. Потеряв равновесие, Ти-Джей чуть было не грохнулась об асфальт, но мальчишка успел подхватить ее. Как только девочка немного пришла в себя, он тут же отпустил ее и присел перед ней на корточки. Она никак не могла унять дрожь, ее буквально трясло.

— Глупый вопрос, — понимающе кивнул парень. — Разумеется, с тобой далеко не все в порядке. Вот, возьми.

Ти-Джей заморгала, чтобы сквозь слезы разглядеть предмет на его ладони. Им оказался мятый носовой платок.

— Он чистый, — пояснил мальчишка. — Просто лежал у меня в кармане, вот и помялся.

Ти-Джей громко высморкалась и хотела вернуть платок владельцу, как тут же спохватилась.

— Ничего страшного, оставь его себе, — махнул рукой парень.

Ти-Джей благодарно кивнула.

— С-с-с... — начала она и тут же поняла, что не сможет ничего выговорить, пока не прокашляется. Она прочистила горло и только после этого произнесла: — Спасибо.

Парень протянул руку:

— Почему бы тебе не зайти в магазин и немного посидеть там? — предложил он.

Ти-Джей позволила ему помочь ей подняться, но в магазин идти отказалась. Хотя колено продолжало нестерпимо болеть, она могла наступать на ушибленную ногу. И неважно, что внутри у нее все дрожало. Ничто не могло остановить ее. Она знала, что нужно делать. Ей было необходимо немедленно вернуть свой рюкзачок.

— Не могу, — честно призналась она. — Мне нужно получить назад рюкзак.

— Ты никогда не найдешь этих ребят, — с сожалением в голосе сообщил парень.

Ти-Джей представила бедную Элизабет в те минуты, когда мальчишки толкали ее вместе с рюкзаком. Как тогда чувствовала себя малявка? Она ведь понятия не имела, что происходит там, снаружи. Потом перед девочкой нарисовалась жуткая картинка. Мальчишки находят медвежонка, замечают отверстие в нем, отдирают липучку и видят Элизабет! Одному только Господу Богу известно, что они с ней сотворят. Может быть, начнут отрывать у нее руки и ноги, как они проделывают это с жуками, безжалостно лишая их конечностей.

— Мне и вправду нужно идти, — настойчиво повторила Ти-Джей и шагнула в том направлении, куда убежали хулиганы.

Парень удержал ее за руку:

— Если ты их отыщешь, то тебе будет еще хуже. Они же снова тебя обидят!

— Ты ничего не понимаешь, — нахмурилась Ти-Джей. — Мне нужно найти их.

Но парень только покачал головой:

— Это же только вещи. Я понимаю, что тебе их жаль, но ты сможешь потом купить новые.

— Нет, я...

— Тебя потрясло случившееся, это понятно. Сначала на тебя нападает целая толпа отвязных ублюдков, потом еще этот маньяк! Он ведь почти затащил тебя в свою машину! Теперь тебе нужно отдохнуть, прийти в себя и все тщательно обдумать.

Ти-Джей долго молчала, внимательно рассматривая парнишку, потом спросила:

— Откуда ты знаешь, что он маньяк? Значит, ты догадывался, что он обязательно схватит меня?

Парень неопределенно пожал плечами:

— Ничего я не знал, только мог предполагать. Я выходил из магазина и увидел, как толпа мальчишек напала на тебя, а уж потом появился он... в общем, этот тип мне сразу не понравился. К тому же, говорят, в районе «Полосы» сейчас орудует какой-то извращенец. Может, ты слышала?

Ти-Джей понимающе кивнула:

— Да, скорее всего, это был он.

— Не хотелось бы думать, что их в городе уже двое, — нахмурился парень. — Какой же я остолоп! Я ведь мог запомнить номер его машины, а мне это только сейчас пришло в голову. Ну, ничего. По крайней мере теперь я знаю цвет автомобиля и его марку.

«А ведь там, в старом доме, такого бы никогда не произошло», — печально подумала Ти-Джей. Видимо, ферме навсегда было суждено остаться ее настоящим домом. Когда она там жила, и мальчишки над ней не издевались, и маньяки не приставали.

— Господи, как же я ненавижу этот город! — заявила девочка.

— Что-что?

Парень странно посмотрел на нее, не понимая, что она имеет в виду.

— Противно тут жить, — пояснила Ти-Джей и зашагала прочь.

— Погоди-ка... Эй, скажи хотя бы, как тебя зовут?

— Ти-Джей.

— А меня Джефф.

«А мне какая разница!» — в сердцах подумала девочка.

— Подожди, Ти-Джей, — попросил Джефф, когда она вновь собралась уходить. — Ты долгое время видела этого урода. Теперь нужно дать описание его внешности полиции.

Но Ти-Джей отрицательно замотала головой:

— Я, кажется, уже говорила тебе, что мне нужно обязательно вернуть рюкзак.

Джефф проводил ее к ряду прикованных возле магазина велосипедов и дождался, пока Ти-Джей наберет нужные цифры и освободит от цепи свой.

— Ну, хорошо, — снова заговорил он. — Я могу понять, почему ты не хочешь идти в полицию. Кому это вообще надо, да? Но если ты отправишься на поиски хулиганов и найдешь их, то пострадаешь еще сильнее. А ради чего? Каких-то тряпок, которые можно легко купить?

— Ты ничего не понимаешь.

— А ты мне объясни.

— Я волнуюсь не из-за тряпок. Дело в том... Просто мне нужно вернуть рюкзак. Такое объяснение тебя устраивает?

Джефф посмотрел в сторону магазина, затем перевел взгляд на девочку:

— В таком случае я отправляюсь вместе с тобой.

— Но я поеду на велике.

Он кивнул куда-то в сторону:

— Мой тоже здесь стоит.

— А как же твоя работа?

— Я потом все объясню, когда вернусь.

Ти-Джей снова подумала о том, как легко она поддалась тому извращенцу. Ведь еще несколько секунд — и она сама забралась бы к нему в машину.

— А с какой стати я должна тебе доверять? — насторожилась девочка.

— Не знаю. Но я знаю другое: я не буду стоять и ждать, когда тебя еще раз обидят. У меня сестренка такая же, как ты. И мне вдруг пришло в голову: а если бы что-нибудь подобное случилось с ней?

Пока они беседовали, Элизабет удалялась от них с каждой секундой.

— Ну, лично я останавливать тебя не собираюсь, — заявила Ти-Джей.

Она села на велосипед и, морщась от боли в колене, направилась в ту сторону, куда недавно убежали мальчишки. В зеркальце заднего вида, приделанном к рулю, девочка увидела, что Джефф уже снимает цепь со своего велосипеда. Через несколько секунд он нагнал ее, и они поехали вдвоем.

«Варне и Ноубл» был последним на улице. Дальше начиналось поле, куда Ти-Джей выносила малявку. Ограниченное с одной стороны железной дорогой, оно тянулось к северу и плавно переходило в небольшой, но самый настоящий лес. На поле встречались деревья, растущие возле каких-то железяк и камней. Видимо, эти руины оставались еще с тех времен, когда здесь располагались фермы. А там, за лесом, как было известно Ти-Джей, начинался новый жилой квартал, похожий на тот, в котором жила сейчас она сама.

Ти-Джей остановилась. Она осознала, что понятия не имеет, в какую сторону нужно ехать.

— Я не знаю, куда теперь, — понуро сообщила она.

Джефф указал на узенькую дорожку, ведущую в поле:

— По-моему, там больше мест, где можно надежно спрятаться.

— Согласна.

— Они решат, что кто-то обязательно вызовет полицию. А полицейские начнут искать их по автомобильным стоянкам возле магазинов.

Что ж, парень рассуждал вполне логично.

Ти-Джей нажала на педали, стараясь ехать быстрее, чтобы не ощущать толчков при наезде шины на очередную колдобину. Кроме того, на скорости боль как будто утихала, хотя окончательно так и не проходила. Ти-Джей смотрела по сторонам, но не находила того, что ее так интересовало.

— Ти-Джей! — окликнул ее сзади Джефф.

Оглянувшись, она увидела, что Джефф пытается пристроить свой велосипед на неровной земле. Тот все время раскачивался, грозясь упасть, но парнишка, наконец, нашел удобное место, где и оставил свой велик.

— Что случилось? — поинтересовалась девочка.

Джефф сделал несколько шагов по высокой траве и нагнулся. Когда он выпрямился, в его руке был рюкзак Ти-Джей.

— Это твой? — спросил он.

Сердце в груди у Ти-Джей бешено заколотилось, только теперь от счастья и облегчения.

— Ты нашел его! — радостно воскликнула девочка.

Она подъехала к тому месту, где стоял Джефф, и, бросив велосипед на траву, поспешила к своему спасителю.

— Но он пуст, — сообщил парень. — Похоже, его успели выпотрошить. Твоих вещей тут больше нет. Посмотри вон туда.

Содержимое рюкзака валялось среди высоких сорняков. Ти-Джей увидела свою записную книжку, бумажник, блестящий футляр губной помады и... ну конечно же — плюшевого медвежонка! Она бросилась вперед и схватила его, но в ту же секунду надежда в ее душе угасла — липучка оказалась раскрытой. Никакой Элизабет внутри игрушки не оказалось. Малявка пропала.

— У тебя были деньги? — поинтересовался Джефф, поднимая с земли ее бумажник. — Я спрашиваю потому, что если и были, то уже нет. Они их украли.

Но девочку не беспокоила пропажа двадцати с небольшим долларов, похищенных мальчишками. Ти-Джей принялась отчаянно вертеться, оглядываясь по сторонам и всматриваясь в высокую траву. С замирающим сердцем она готовилась в любой момент обнаружить где-нибудь поблизости растерзанное, изувеченное тельце Элизабет.

— Что случилось? — заволновался Джефф.

— Ее здесь нет, — не подумав о том, что говорит, выпалила девочка.

— Ее? Кого ее?

Ти-Джей взглянула на Джеффа и только теперь поняла, что проговорилась.

— Я имела в виду спою... м-м-м... ручную зверюшку.

Боже! Как бы разозлилась Элизабет, если бы сейчас слышала эти слова!

— Какую еще зверюшку?

Ти-Джей застыла на месте как вкопанная. Опять она сморозила какую-то чушь. Ну, какой зверек, пусть даже и ручной, станет путешествовать в закрытом наглухо рюкзаке? Ей вспомнилась Люси Кэмпбелл, еще одна ее подруга из прежней жизни на ферме. У этой девочки дома жила действительно не совсем обычная зверюшка.

— Это что-то типа хорька или ласки, — соврала Ти-Джей.

Джефф подозрительно прищурился, но не стал вдаваться в подробности, а только спросил:

— А как ее зовут, эту твою ласку?

— Элизабет.

— И ты что же, везде ее таскаешь с собой?

— Она... ну, в общем, ей очень нравится кататься вместе со мной, причем она обожает сидеть в рюкзаке.

Джефф понимающе кивнул:

— Я где-то слышал, что они любят прятаться в маленьких норках и всегда подыскивают себе укромное местечко. Но больше я о них ничего не знаю. Они на свою кличку отзываются?

— Конечно, — уверенно произнесла Ти-Джей, хотя понятия не имела, как поступают в подобных случаях эти зверьки.

Как вел себя любимчик Люси Кэмпбелл? Выбегал ли он ей навстречу, когда она звала его? Ти-Джей никак не могла этого припомнить. Но она была твердо уверена: если кто-то (неважно, человек или животное) оставался в живых, он обязательно должен откликнуться, услышав собственное имя.

Она тупо уставилась на плюшевого медвежонка.

Бедная Элизабет! Сейчас Ти-Джей чувствовала себя еще хуже, чем при расставании с Огоньком.

Джефф отвернулся от нее и принялся громко звать Элизабет.

Ти-Джей осторожно тронула его за руку.

— Наверное, это должна делать только я сама, — сказала она.

— Ничего, мне не трудно. Я готов помочь тебе.

— Нет, дело не в этом. Элизабет очень пугливая и осторожная. И если она прячется где-то тут, в зарослях, мне будет сложно выманить ее в присутствии посторонних.

При условии, конечно, что она до сих пор жива. А если нет, то как Ти-Джей объяснит Джеффу, чье это крошечное изуродованное тельце и вообще кто такая эта таинственная Элизабет?

Ти-Джей чуть не расплакалась снова, но на этот раз она больно закусила губу и заставила выступившие на глаза слезы обратиться назад.

Как ей показалось, Джефф не заметил этого. Он смотрел на тропинку, уходившую прямо в лес с этой стороны жилого квартала.

— Меня беспокоит, что эти хулиганы могут вернуться сюда, — задумчиво произнес он.

— Со мной все будет в полном порядке. Местность тут открытая, я вижу все вокруг на большом расстоянии и замечу опасность издалека. К тому же у меня есть велосипед. Если они вздумают появиться здесь, я удеру раньше, чем они приблизятся.

— Может быть, мне стоит подождать тебя где-нибудь невдалеке? — предложил Джефф.

«А что? Кажется, идеальное решение вопроса», — подумала Ти-Джей. Ей нужно было остаться одной, чтобы попробовать уговорить Элизабет выйти из своего укрытия. *Господи, прошу тебя, сделай так, чтобы она была жива!* Но, с другой стороны, девочка чувствовала себя более уверенно, сознавая, что кто-то ждет ее рядом и, в случае чего, придет на помощь.

Она ощутила себя такой беспомощной, когда эти негодяи принялись бесцеремонно толкать ее и хватать своими отвратительными ручищами!

— Что ж, это было бы здорово, — призналась Ти-Джей.

— Ну, я тебе уже говорил, у меня сестренка точно такая же, как ты.

Ти-Джей выждала, пока он уйдет на дорогу вместе с велосипедом, и только после этого встала на колени возле того места, где был найден плюшевый медвежонок. Вернее, она попыталась принять такую позу, но ушибленная коленка страшно заболела, когда девочка хотела ее согнуть. Только теперь Ти-Джей поняла, что содрала с нее кожу, потому что на джинсах проступило темное кровавое пятно. Пришлось вытянуть ногу перед собой и сесть на землю.

— Элизабет, — позвала она. — Теперь ты можешь выходить.

Ответа не последовало.

— Элизабет? Ну, пожалуйста, выходи.

Ти-Джей принялась внимательно изучать почву.

Если бы она имела способности своего дядюшки Лени, то сумела бы обнаружить следы малявки. А это бы означало, что она жива и может самостоятельно передвигаться. Следовательно, не отвечает она только потому, что находится далеко от Ти-Джей и попросту не слышит ее. Но, к сожалению, девочка не видела на земле ничего, кроме комьев грязи между сорняками. Там еще были сухие листья и мелкие камешки. Вот, пожалуй, и все.

И если из этих мелочей следопыт мог бы составить целую историю, то Ти-Джей в этом смысле была совершенно безграмотна.

Она решила пойти дальше в поле, но только не знала, какое направление следует выбрать. Девочка не могла себе представить, что за столь короткое время Элизабет сумела отойти на большое расстояние и теперь не слышит ее голоса.

Молчание малявки могло означать две вещи. Либо мальчишки все-таки обнаружили ее и забрали с собой, либо она сейчас находится в таком ужасном состоянии, что не в силах ответить на зов.

Или же она умерла.

Предательские слезы снова выступили на глазах у Ти-Джей. Она сейчас отдала бы все на свете, лишь бы снова услышать голосок Элизабет. Пусть она ругает Ти-Джей, посмеивается над ней или обвиняет ее в дурном вкусе относительно одежды. Вернее, в полном его отсутствии.

Девочка вытерла слезы рукавом и поднялась со своего места. Она решила наугад пройти по полю и время от времени звать малявку. Ей удалось найти еще несколько вещей из рюкзака: ручку, пачку жевательной резинки и открытку от Джули. Но никаких следов присутствия поблизости малявки Ти-Джей так и не обнаружила.

Она посмотрела на дорогу, где ее дожидался Джефф. Он помахал ей, заметив, что девочка смотрит на него.

Ти-Джей помахала ему в ответ, после чего продолжила поиски.

Что ей теперь делать?

Она не могла уехать домой, не отыскав малявку.

Девочка увеличила район поиска, но больше никаких вещей в траве не находилось, и на ее оклики так никто и не ответил.

Ти-Джей поняла, что у нее все равно ничего не получится. Придется признать свое поражение. Она обязательно вернется сюда, но потом. А сейчас нужно было отправляться домой, чтобы, по крайней мере, положить на больное колено лед.

— Я ухожу, — решительно заявила она, обращаясь к пустому полю. — Но я еще вернусь. Наверное, ты сейчас не слышишь меня, Элизабет, но я на самом деле приду сюда еще раз.

Она вывела велосипед на дорогу. Джефф встретил ее сочувственным взглядом.

— Ничего не получилось, да? — спросил он.

Она вздохнула и печально покачала головой:

— Мне кажется, что она здорово перепугалась и удрала куда-то.

— Но ты же можешь вернуться сюда завтра и попробовать еще раз, — попытался успокоить девочку Джефф.

— Да, конечно, но к тому времени на нее могут напасть кошка, сова или еще кто-нибудь и разделаться с ней.

— Я думаю, у нее хватит ума спрятаться от них. Она же не глупенькая!

Ти-Джей так и хотелось воскликнуть: «Точно! А ты-то откуда знаешь? И вообще, какое тебе дело?!» Но она промолчала. Он ведь ни в чем не виноват. Просто пытается помочь, и ничего более. А Элизабет действительно глупышкой не назовешь. Эта хитрюга скорее всего обязательно найдет себе надежное убежище: мышиную норку или что-то в этом роде.

Если, конечно, она еще жива.

И снова слезы заблестели на глазах Ти-Джей.

Джефф неловко похлопал ее по плечу, не зная, как нужно реагировать в подобных случаях.

— Я... я, вообще-то, не плакса, — попыталась оправдаться девочка. — Просто...

— Тебе сейчас очень тяжело, я понимаю. Когда я был маленький, я держал морскую свинку. Когда она убежала, я так переживал, чуть не умер.

— Она потом вернулась?

Джефф помолчал, потом, смущаясь, признался:

— Ну, наверное, это не самый лучший пример, который пришел мне на ум...

— Значит, морская свинка так больше и не появлялась, да?

— Ты угадала, — нехотя согласился Джефф. — Ее сожрал соседский кот.

— Боже мой!

— Но это еще ничего не означает! Совсем не обязательно, что твоего зверька тоже должен кто-то съесть, правда же?

— Я понимаю... Но вот только... вокруг все такое огромное, а Элизабет не привыкла оставаться одна. Тем более на улице.

Вот тут Ти-Джей сказала чистую правду, ничего не приукрасив.

— Можно еще раз попробовать позвать ее, — предложил Джефф.

Но Ти-Джей отрицательно покачала головой:

— Нет, мне пора возвращаться домой, да и на колено нужно положить холод. Я, оказывается, поранила его сильнее, чем подумала сначала. Сейчас оно здорово разболелось.

— Я поеду с тобой.

— Не стоит, в этом нет никакой необходимости.

Но ей было приятно, что Джефф повел себя так, будто и не слышал ее слов. Он просто продолжал идти рядом с ней. Так они и шли, придерживая свои велосипеды, не торопясь садиться на них.

* * *

— Кстати, откуда тебе было известно, что тот тип — маньяк? — поинтересовалась Ти-Джей, когда они ждали на перекрестке зеленого огня светофора.

Джефф вновь неопределенно пожал плечами:

— Я ведь уже говорил тебе, что ничего точно не знал.

— Но ты начал кричать раньше, чем он потащил меня в машину, — возразила Ти-Джей.

— Я вдруг почувствовал что-то неладное, — попытался объяснить свое состояние парень. — Какие-то флюиды, что ли, или вибрации. Смешно звучит, правда? Я слышал, что он выходит на охоту в темное время суток и действует исключительно в уединенных местах. Ну, уж никак не на автомобильной стоянке крупного магазина, да еще среди бела дня.

— Интересно, зачем он так рисковал сегодня? Чего добивался?

— Кто его знает? Наверное, решил испытать судьбу. А вдруг повезет? К тому же

жертва оказалась очень привлекательная. Ты же знаешь, наверное, что ему особенно нравятся симпатичные молоденькие девочки.

Ти-Джей удивленно посмотрела на своего спутника.

Значит, он считает ее симпатичной? Скорее всего, этот парень — единственный, кто так думает. Если не принимать во внимание того извращенца с парковки. Впрочем, Ти-Джей не хотелось развивать эту тему дальше. Сама мысль о маньяке была ей противна.

— А ты знаешь, мне ведь всего четырнадцать, — призналась девочка. — Вернее, через месяц уже будет пятнадцать.

Он улыбнулся:

— Ну, мне не намного больше. Кстати, мой отец старше матери на пять лет.

А это еще зачем? Неужели он начинает с ней заигрывать?

— Они познакомились, когда она еще училась в школе.

Господи! Он точно за ней ухлестывает, не иначе.

И как ей теперь себя вести, позвольте узнать? Итак, у нее появился первый парень. Джефф старше ее, выглядит неплохо, и нет ничего странного, что он заинтересовался ее персоной. Вот только она сама понятия не имеет, что должна теперь говорить и делать.

Как жаль, что рядом нет верной Джули. Ти-Джей ужасно захотелось, чтобы Джули каким-то волшебным образом смогла увидеть все, что происходило с ней сейчас, и прошептала бы подруге на ухо, как нужно себя вести и какие слова произносить. При этом Джули передавала бы советы при помощи некоего магического устройства, наподобие шпионских, поэтому слышать ее могла бы только одна Ти-Джей и больше никто.

Джули наверняка дала бы хороший совет. Она бы все поняла. Ти-Джей была в этом уверена и считала, что, случись нечто подобное с Джули, она нашла бы, что посоветовать подруге. Впрочем, так бывает всегда: когда что-то происходит с другим человеком, а не с тобой, соображаешь гораздо быстрее, и кажется, что все тут ясно и понятно.

Но Джули рядом не было, и она ничего не видела.

Элизабет тоже могла бы помочь в трудную минуту.

Но она пропала.

— А у тебя есть подружка? — внезапно выпалила Ти-Джей и тут же пожалела об этом.

Зачем было спрашивать такую глупость? Теперь он наверняка решит, что она сама заинтересовалась им. Допустим, в этом есть доля истины, но все же ей требовалось сначала отыскать Элизабет, которая была лаской, как он считал. Отлично! Она уже успела наврать ему выше крыши.

— Среди моих хороших друзей есть и девочки, — ответил Джефф. — Но официальной подружки, так сказать, пока нет.

— Понятно.

— А у тебя?

— Есть, но мне пришлось ее бросить, как и все остальное, когда мы переехали жить в город.

Джефф удивленно приподнял брови и улыбнулся, а Ти-Джей почувствовала, как у нее покраснели щеки.

— Я хотела сказать, что она была моей лучшей подругой, — быстро пояснила девочка. — Но ты, наверное, не это хотел спросить. Ты имел в виду, есть ли у меня бой-френд, верно?

Боже! Нет, сегодня она как будто специально постоянно выставляется идиоткой.

Он кивнул:

— Точно. Ну, и как же?

— Нет. Не на самом деле. То есть я...

Ти-Джей тут же прикинула, что не стоит вспоминать Ганса фон Мейера, который постоянно толкал ее на школьной площадке во втором классе, или Джимми Карнса — этот пару раз приглашал ее на танцы, но на вечеринках занимался лишь тем, что болтал с товарищами. Единственным достойным бой-френдом, которого могла упомянуть Ти-Джей,

считался Тони Донателли, но он был вымышленным героем. Они с Джули так устали слушать одноклассниц, постоянно хваставшихся своими мальчиками, что решили немного пофантазировать и придумали себе несуществующих в реальной жизни парней.

История звучала примерно так. Ти-Джей, якобы, познакомилась с Тони во время каникул, а потом они общались только по телефону и через электронную почту. Конечно, это было утомительно, но зато Ти-Джей уже не считалась ущербной и могла поддерживать девчачий разговор о технике поцелуев, о дурных вкусах мальчишек в музыке и об их бесконечных видеоиграх.

Вот так они с Джули и обманывали заносчивых девчонок. Неизвестно, где брала информацию Джули, но сама Ти-Джей черпала необходимые ей знания у Дерека и его приятелей.

Теперь, оглядываясь в прошлое, она посчитала эту затею детской и какой-то жалкой. Правда, сама она иногда забывала, что все это только выдумка, и ей казалось, что у них с Джули и вправду есть парни.

— Как это — не на самом деле? — улыбнувшись, повторил Джефф.

— Я хотела сказать, что у меня никого нет, — быстро поправила себя Ти-Джей. — Во всяком случае, сейчас.

Джефф кивнул, но по выражению его лица Ти-Джей так и не смогла догадаться, доволен он ее ответом или нет.

— Нам зеленый, — сообщил Джефф, и они покатали велосипеды дальше.

* * *

— Наверное, мне лучше зайти одной, — решила Ти-Джей, когда они добрались до дверей ее дома.

Она взглянула на окна, но никого не увидела. Значит, их приезд остался незамеченным. Если повезет, ей удастся проскользнуть в свою комнату, не встретив никого по дороге. Это вовсе не означало, что ее не заставят дать подробные объяснения происшедшему. И все же лучше, если это произойдет завтра. Тогда она успеет привести себя в порядок и тщательно обдумать свой рассказ. Родители увидят, что с ней ничего страшного не случилось, и перестанут волноваться.

Это в том случае, если удача ей улыбнется. Если мама узнает, что на дочку напали хулиганы, то перестанет отпускать Ти-Джей одну в город.

— Ты в этом уверена? — на всякий случай поинтересовался Джефф. — Я, в общем-то, не против того, чтобы познакомиться с твоими родителями. Может, я все-таки зайду?

Но Ти-Джей отрицательно покачала головой:

— Нет, не надо.

Ей и так предстояло тяжелое объяснение, не хватало еще присутствия Джеффа. А вдруг он (конечно, из чистых побуждений) возьмет да и ляпнет что-нибудь про потерянного хорька-ласку, которого никогда и не существовало в реальной жизни?!

— Мы с тобой еще увидимся? — не отступал Джефф. — Можно я тебе позвоню?

Все это было как-то дико и очень непривычно. Тем не менее Ти-Джей кивнула.

— Да, только теперь у меня нет телефона. Ты не забыл?

— Ах, да...

— Но я могу дать тебе свой электронный адрес. У тебя есть куда записать и чем?

Он стукнул себя указательным пальцем по голове:

— Мне не нужны ни бумага, ни ручка. Я обладаю уникальной памятью.

Она назвала свой адрес, и Джефф скороговоркой повторил его.

— А ты знаешь, что такое «полный атас»?

— Это когда на тебя нападают два раза за день, да притом ты теряешь любимого ручного зверька?

— Да, все это тоже можно приплюсовать, конечно. Но в итоге я упустила шанс

побеседовать с Шери Пайпер. Собственно, только из-за этого я и приехала в торговый центр.

— Это точно. Мы оба прозевали ее выступление. Мне самому очень хотелось с ней познакомиться.

— Правда?

— А почему ты так удивилась? — спросил Джефф. — Я люблю читать, поэтому и пошел работать в книжный магазин. А встречи с авторами, пожалуй, самое интересное в моей работе.

Ти-Джей не терпелось узнать, какие именно книги предпочитает Джефф, но она понимала, что это долгий разговор и вопрос придется оставить до следующего раза.

— Буду надеяться, это произойдет очень скоро, — улыбнулся он, когда девочка поделилась с ним своими мыслями. — Может быть, мы сможем как-нибудь встретиться и выпить по чашечке кофе.

— Не откажусь.

Она наблюдала за тем, как он садится на велосипед и уезжает по переулку. Когда Джефф скрылся за поворотом, Ти-Джей закатали велосипед в гараж. После этого она тихо, как мышь, намеревалась прокрасться в свою комнату, но не тут-то было. На кухне ее уже ждали мама и Дерек.

— Ти-Джей, — обратилась к девочке мать. — Что же с тобой случилось?

— Со мной все в порядке, — пожала плечами Ти-Джей. — Просто... возле магазина меня окружила толпа мальчишек, и они долго не давали мне проехать. Вот и все.

Мама только рот раскрыла от изумления, а Дерек среагировал моментально:

— Ты узнаешь их, если снова встретишь кого-нибудь из этой группировки?

— Наверное, — пожала плечами Ти-Джей. — А что?

— Я отмолочу их так, что им и не снилось.

— Ты не посмеешь! — строго заявила мама.

Но Ти-Джей посмотрела на брата так, словно он вышел из летающей тарелки, прибывшей на Землю с неизвестной планеты. Как правило, он либо игнорировал младшую сестренку, либо выдумывал очередной способ помучить ее. Что же с ним произошло?

Мама решительно подошла к девочке, положила ей одну руку на плечо, а другой пригладила волосы, убирая спадавшие на лицо пряди.

— Они тебя не обидели? — заволновалась она, оглядывая дочку. И тут ее взгляд упал на окровавленное пятно, проступившее на джинсах Ти-Джей в области коленки. — Боже мой!

— Да нет же, со мной действительно все в порядке, — не моргнув, соврала Ти-Джей, хотя колено не переставало болеть, а судьба Элизабет оставалась неизвестной. — Они просто толкали меня, а потом отобрали рюкзак. Но он все равно остался у меня. Джефф, парень, работающий в книжном магазине, помог мне и вдобавок проводил до самого дома.

Мама подозрительно посмотрела на дверь, ведущую в гараж.

— Он вернулся на работу, в магазин, — пояснила Ти-Джей.

— Но что у тебя с коленом? — вернулась мама к самому главному вопросу.

— Ерунда. Обыкновенная царапина. А эти типы забрали у меня деньги, которые вы мне сегодня дали, и еще мобильник.

— Надо немедленно его заблокировать. И обязательно позвонить в полицию.

— Ну, мам...

— Это очень серьезно.

«Слава Богу, что я про маньяка ничего не ляпнула», — резонно решила девочка.

— Я понимаю, — кивнула она, — но что полиция сможет сделать?

— А ведь она права, мам, — снова подключился к беседе Дерек. — Они ничего делать не станут. Заполнят нужные бумаги да и спрячут их куда-нибудь подальше. Это ведь не то, что было у нас там, дома.

Ти-Джей уже во второй раз одарила брата удивленно-восторженным взглядом. Значит, она не одна в семье считала старую ферму своим настоящим домом.

— Откуда ты это можешь знать? — насторожилась мама.

— Знаю. Я же газеты читаю. Никогда полиция ничего не делает. Они ведь до сих пор не поймали того извращенца, который караулит девочек возле торгового центра. Почему ты считаешь, что на этот раз они поведут себя иначе?

Ти-Джей наклонила голову, и непослушные пряди тут же упали ей на лицо. Меньше всего ей хотелось, чтобы кто-то из родных узнал про маньяка. Вот тогда-то ее уж точно никуда больше не отпустят, и она уже не сможет отыскать Элизабет. Как правило, ей никогда не удавалось ничего скрыть от мамы. Все, буквально все, о чем только шла речь, слишком явно отражалось на лице девочки. К счастью, на этот раз мама была увлечена беседой с Дерекком и поэтому не обратила внимания на дочку, внезапно закрывшую лицо волосами.

— Я полагаю... — начала мама, обращаясь к Дерекку, но он не дал ей договорить.

— Ни о чем не волнуйся, — серьезно заявил он. — В следующий раз, когда ей понадобится отправиться в город, я обязательно буду ее сопровождать. — Хотя... — добавил он, поглядев на сестренку, — не помешало бы тебе обзавестись друзьями и проводить время в их компании. Тогда ничего подобного с тобой больше не произойдет.

Ти-Джей кивнула в знак согласия:

— У меня уже есть знакомый. Это Джефф.

— Он работает в книжном магазине, если не ошибаюсь? — спросила мама.

Ти-Джей еще раз кивнула.

— А сколько ему лет?

— Семнадцать.

— Ну, я даже не знаю, — засомневалась мама. — По-моему, для тебя он очень уж большой.

— Ну, ма-а-ам. Он просто мой знакомый. Я же не собираюсь ходить к нему на свидания.

— Вот именно. Кому бы пришло в голову приглашать ее на свидание? — рассмеялся Дерек и вышел из кухни.

Вот вам, пожалуйста! Ти-Джей сразу же узнала своего братца. Все вошло в норму. А то она подумала, что инопланетяне выкрали настоящего Дерекка и подменили его замаскированным под человека пришельцем.

— Придется покупать тебе новый телефон, — вздохнула мама.

— Мне самой жаль, что все так вышло. Может быть, удастся немного подработать, и я тоже внесу свои деньги на его покупку.

— Милая, ты же ни в чем не виновата. Я рада, что ты у меня цела и невредима.

Мама принялась возиться на кухне, задавая дочке ничего не значащие вопросы. Ти-Джей пришлось некоторое время побыть с ней, прежде чем она наконец-то очутилась у себя в комнате. Ей хотелось поскорее принять душ, одеться во все свежее и составить план поисков Элизабет. И хотя Джефф отошел от нее в поле на значительное расстояние, Ти-Джей хорошо понимала, что если бы Элизабет увидела их вместе, она ни за что бы не подала голоса и потом, когда Ти-Джей осталась одна. Малявка все равно сидела бы в укрытии и помалкивала.

А может, так оно и лучше. Если бы Элизабет вышла ей навстречу, Ти-Джей не знала бы, что делать дальше. Ведь тогда Джефф обязательно бы захотел посмотреть на потерявшуюся ласку-хорька. А это, в свою очередь, означало, что Ти-Джей пришлось бы врать уже во второй раз.

Кто-то (кажется, папа) говорил ей, что ложь имеет одну очень нехорошую особенность — размножаться и, соврав однажды, ты уже не можешь остановиться. Это напоминает беременную крольчиху. Сегодня у тебя один кролик, но ты и оглянуться не успеешь, как весь двор будет в кроликах.

Да и вообще, обманывать плохо. И если ты не можешь не врать, то, возможно, стоит оглянуться на свою жизнь и подумать, что в ней можно и нужно изменить. Даже если все

вокруг врут, лгунишек не любит никто.

Ти-Джей их точно терпеть не могла. И уж, конечно, не хотела сама становиться обманщицей.

А еще ей понравился Джефф. И не только потому, что он был первым и единственным парнем, обратившим на нее внимание с тех пор, как они переехали с фермы в город.

Ти-Джей подумала о том, не пора ли ей проверить электронную почту, как в коридоре дорогу ей преградил Дерек. Он бросил быстрый взгляд в сторону кухни, затем обнял сестру за плечи и вместе с ней прошествовал в ее комнату.

— А ведь я говорил вполне серьезно, — начал Дерек. — Ну, насчет этих ребят. Покажешь мне их в школе, если они там будут. И тогда уж я им докажу, что обижать мою сестренку нельзя ни при каких обстоятельствах.

— Дерек, но их там было человек шесть или даже семь...

— Ну и что? У меня тоже приятели найдутся.

— Ничего не понимаю. Вроде ты раньше никогда не заботился...

Он поднял вверх руку, и девочка замолчала.

— Иногда ты действительно бываешь несносной девчонкой, — поморщился Дерек. — Ну и что с того? Это же не значит, что я не смогу заступиться за тебя. Ты все-таки моя младшая сестра.

— Я понимаю, но...

Она замолчала, потому что Дерек отчаянно замотал головой:

— Никаких «но» здесь быть не может, — заявил он.

И удивил ее уже в третий раз за один день. Уходя из ее комнаты, он с нежностью прижал Ти-Джей к себе и сказал ей напоследок:

— Прошу тебя, будь осторожней. Здесь все не так, как было у нас там, дома.

Вот вам опять! Дерек назвал ферму домом. Но прежде чем девочка успела раскрыть рот, брат исчез в коридоре.

Дверь медленно закрылась за ним, а Ти-Джей все никак не могла отвести от нее глаз. Какой странный день! Она прошла к кровати, поставила рюкзак на тумбочку, а сама присела рядом.

Конечно, девочка была потрясена всем случившимся и до сих пор никак не могла прийти в себя. Колено продолжало болеть, и требовалось положить на него лед, но это можно было даже не считать за проблему. Самое ужасное — это чувствовать себя совершенно беспомощной и уязвимой, когда эти противные мальчишки толкают тебя от одного к другому. Конечно, в кухне она расхрабрилась, да и с Джеффом разговаривала достаточно смело. На самом же деле ей было страшно, и теперь она даже не знала, как она отправится в поле одна искать Элизабет.

Эти хулиганы... да еще тот маньяк...

Но если долго об этом думать, то все в голове начинает путаться, и вот ей уже начинает казаться, что все: ее сердце, ее мозг и вся ее жизнь — как будто разбито пополам. Одна половинка принадлежит той девочке, которая живет в деревне. Слишком сильны воспоминания о старой жизни, да и боль в сердце от разлуки никак не утихает. Но зато другая половина ощущает себя так, словно странной и ненормальной можно назвать как раз ту жизнь, на ферме. И вовсе не эту, где на тебя нападают хулиганы, а маньяк готов в любую минуту среди бела дня затащить тебя в автомобиль. И никто ничего с этим поделать не может.

Но как же всего несколько часов могли изменить так много в ее жизни?

Ти-Джей скинула туфли и растянулась на кровати. Она так устала, что не находила сил пойти под душ. Несмотря на то, что рядом с ней, в своей комнате, обитал Дерек, а на кухне до сих пор возилась мама, девочка почувствовала себя очень одинокой.

Впрочем, легко можно было догадаться, отчего ей стало так тоскливо.

Из-за исчезновения Элизабет.

Ти-Джей быстро заморгала, ощутив, как на глаза наворачиваются слезы. Как ей теперь

отыскать Элизабет и вернуть ее в дом?

Она услышала легкий шлепок о дверь. После второго удара дверь отворилась и впустила Оскара. Он гордо прошествовал в комнату и неторопливо обошел ее кругом, пытаясь обнаружить малявку. Правда, лишь для того, чтобы потом демонстративно ее игнорировать, как он обычно это делал. Не найдя Элизабет, он ловко запрыгнул на кровать и заглянул Ти-Джей в глаза, словно спрашивая: «Ну, хорошо, я сдаюсь. Куда ты ее запрятала на этот раз?»

— Все просто ужасно, — сообщила Ти-Джей коту. — Ужасно и отлично в одно и то же время.

Она села на кровати и усадила Оскара себе на колени.

— Я познакомилась с очень симпатичным парнем, — начала она рассказывать свою историю. — В этом заключается все хорошее. Зато все остальное просто ужасно. И плохие новости еще не закончились. Тебе, наверное, наплевать, но я не могу оставить Элизабет одну там, в поле.

Она повернулась и посмотрела в окно.

— Боже, скоро стемнеет, и что же тогда произойдет с ней?

Девочка оставила Оскара на кровати, а сама все-таки приняла душ и переоделась. В ожидании ужина она приняла таблетку от боли и положила на разбитое колено лед.

Ти-Джей понимала, что другого выхода у нее нет. За ужином, конечно, ей придется выслушать комментарии отца по поводу ее дневных приключений, но зато потом, когда все улягутся спать, она обязательно отправится в поле, расположенное за книжным магазином.

* * *

После ужина время как будто остановилось. Минута тянулась за минутой так медленно, как это бывает только в одном случае, когда у тебя нет другого выбора, кроме как запастись терпением и ждать. Некоторое время Ти-Джей провела в гостиной вместе с родителями. Они смотрели какой-то новый фильм на DVD, который отец прихватил по дороге домой. Когда приступили к просмотру дополнительных эпизодов, не вошедших в основную версию ленты, Ти-Джей сделала вид, будто ей очень хочется спать. Она подумала, что, поглядев на ее сонную физиономию, родители тоже решат не засиживаться долго и уйдут к себе.

Чтобы убить время, девочка включила компьютер и заглянула в почтовый ящик. Здесь она обнаружила кучу всяческого спама и забавное послание от бывшей подруги Триш, писавшей ей из Австралии. Кроме того, было письмо от Джули. Она рассказывала о мальчишках и девчонках, которых Ти-Джей уже начала забывать. С каждым днем пропасть между бывшими подругами росла. Они становились чужими, и это чувство усилилось с тех пор, как Ти-Джей пошла в школу. К тому же теперь Ти-Джей приходилось скрывать от Джули все связанное с Элизабет. А ведь раньше никаких секретов между девочками не было, да и быть не могло. Вот почему Ти-Джей чувствовала себя неуютно, словно она провинилась в чем-то перед подружкой.

Она вздохнула и перечитала письмо, надеясь, что новости о старых друзьях хоть немного заинтересуют ее. Но из этого у девочки ничего не получилось. Она решила ответить Джули завтра и кликнула мышкой по следующему посланию. Оно оказалось от Джеффа. Ти-Джей улыбнулась и выпрямилась на стуле.

Привет, Ти-Джей. Надеюсь, дома у тебя все в порядке и тебе удалось объяснить происшедшее. А у меня для тебя есть хорошие новости. Пайпер будет снова выступать завтра днем, правда, на этот раз в другом книжном магазине, в центре города. Я мог бы заехать за тобой, если ты не против прокатиться на старой развалюхе моего отца. Дай мне знать, согласна ли ты на такое предложение. Мне нужно будет подъехать к твоему дому к двум часам, чтобы мы вовремя успели на выступление.

Джефф.

Хорошо. Хотя ни о каких чувствах в письме не упоминалось, было очень похоже, что он назначает ей свидание. Ну, может быть, не свидание в прямом смысле этого слова, но все равно Ти-Джей было приятно прочитать такое письмо. Что еще лучше, она могла подробно расспросить Шери Пайпер о малявках и рассказать ей об Элизабет. Кто знает, может быть, Пайпер подскажет ей, как найти ее или, по крайней мере, с чего начать поиски.

Ти-Джей кликнула мышкой на кнопку «ответить» и начала печатать:

Новости действительно приятные, Джефф. Мне нужно будет спросить разрешения у родителей, и тогда тебе уже точно придется познакомиться с ними. Нет, они меня не держат на привязи, просто они с ума сойдут, если я уйду, не предупредив их. А ведь я рассказала им только про то, как мальчишки меня окружили и немного потолкали. Разумеется, я пожалела родителей и не стала заострять внимание на маньяке. Сейчас они спят, поэтому придется ждать до утра. Тогда я с ними переговорю, но все же надеюсь на нашу встречу.

Ти-Джей задумалась: может быть, стоит написать ему, чтобы он не вздумал вспоминать про «ласку-хорька», но потом решила оставить все это до завтрашнего дня. Потом она некоторое время размышляла, как бы пооригинальнее ей подписаться. Может быть, даже чуточку сексуально? Но в голову лезли какие-то пошлости и вообще всякая чушь. Поэтому она напечатала просто «Ти-Джей» и отправила письмо адресату.

Девочка очень надеялась, что родители отпустят ее. А если они не захотят доверить дочь Джеффу, то она попросит их самих сопровождать ее. Она редко о чем-либо просила родителей, поэтому они не должны были отказать ей. Ти-Джей очень рассчитывала на встречу с Пайпер. Ведь только писательница могла рассказать ей о малявках и, возможно, помочь в поисках Элизабет.

Кстати, об Элизабет...

Ти-Джей тихонько открыла дверь и, высунув голову в коридор, прислушалась. Из гостиной не доносилось ни звука, а дверь в спальню родителей была закрыта.

Интересно, Дерек уже вернулся домой?

«Впрочем, это не так уж и важно», — справедливо решила девочка. Вряд ли ему придет в голову врываться в ее комнату с проверками после встречи с друзьями-музыкантами. Правда, это означало, что мама будет спать некрепко, ожидая его возвращения.

Ти-Джей взглянула на часы. Они показывали почти одиннадцать. Дерек, скорее всего, появится в половине первого или даже в час ночи. Так долго Ти-Джей ждать не собиралась. Значит, нужно было рисковать прямо сейчас.

Оставив дверь открытой, она надела кроссовки. Прихватив с собой свитер и куртку, девочка осторожно, на цыпочках прокралась по коридору к кухне. К счастью, в коридоре лежал ковер, а на кухне пол был выложен кафелем. Единственным опасным моментом оставалось проникновение в гараж. На этот раз удача улыбнулась Ти-Джей, и она оказалась там без всяких приключений.

Несколько секунд она неподвижно стояла в темноте, прислушиваясь, не поднялась ли в доме тревога, затем быстро облачилась в свитер и накинула сверху куртку. Пока все шло по плану. Она достала фонарь, всегда лежавший возле папиного ящика с инструментами, открыла дверь, выходящую на задний дворик, и аккуратно вывела наружу велосипед. Закрыв за собой дверь, Ти-Джей снова застыла на месте и прислушалась.

Тишина.

Ти-Джей выкатила велосипед на улицу. Она не садилась на него до тех пор, пока не добралась до шоссе, а затем принялась отчаянно работать ногами, набирая скорость. Волосы шлейфом развевались за ней, а она ехала все быстрее и быстрее. Колено сразу же дало о себе знать тупой болью, но это Ти-Джей могла пережить. У нее бывали ссадины и посерьезней, когда она жила на ферме и от безделья лазила по деревьям или экспериментировала с

папиными инструментами.

Ти-Джей постаралась убедить себя в том, что если не обращать внимания на боль, то она пройдет сама по себе. Нужно было сосредоточиться на чем-то другом. Сделать это оказалось несложно, потому что на улице похолодало. Особенно это чувствовалось на большой скорости. Все вокруг было спокойно, огни в домах уже погасли. По ночам, когда в доме уже все спали, Ти-Джей часто выбиралась на задний дворик, чтобы полюбоваться на звезды. Но сегодня она впервые осмелилась покинуть территорию двора и уехать так далеко.

Когда Ти-Джей подъезжала к перекрестку, у светофора уже выстроилось несколько машин. Девочка решила немного подождать. Кто-нибудь из любопытных водителей мог заметить ее и поинтересоваться, что она делает здесь в столь поздний час. Когда машины скрылись из виду, она быстро перебралась на другую сторону улицы, испытывая некоторое чувство вины за то, что не стала дожидаться зеленого сигнала светофора.

Тут Ти-Джей тихонько рассмеялась. Ведь, если ее поймают и маме станет все известно, она рассердится на дочку, отправившуюся ночью неизвестно куда, вовсе не за то, что та посмела нарушить правила движения и проехала на красный свет.

Очутившись на другой стороне улицы, Ти-Джей прибавила скорости. Она быстро добралась до автостоянки, преодолела ее и проехала мимо книжного магазина, надеясь не встретить по пути машину ночной охраны. Правда, могло произойти нечто гораздо худшее. А вдруг маньяк снова вышел на охоту и караулит здесь очередную жертву? Сейчас рядом с ней нет Джеффа, который помог бы ей справиться с извращенцем. Но ей повезло и на этот раз, и на поле она выехала без происшествий.

В лунном свете девочка сразу же нашла тропинку, хотя всякие мелочи, вроде самой малявки, могли оказаться невидимыми. Вот почему Ти-Джей и захватила с собой фонарь. Она надеялась, что ей удастся найти то самое место, где хулиганы отобрали у нее рюкзак.

Аккуратно положив велосипед на траву, она медленно побрела по тропинке в поле.

Время от времени девочка поглядывала то на книжный магазин, то на деревья, растущие вдоль улицы, чтобы сориентироваться. Когда ей показалось, что нужное место находится уже неподалеку, она пошла медленнее и принялась выкрикивать имя Элизабет.

Ответа не последовало.

Ти-Джей подумала, что, может быть, она идет не в том направлении. Поле было слишком большим, а Элизабет — крошечной, и найти ее тут казалось невозможным. Если малявка не объявится сама, отыскать ее будет невыносимо.

А что если она не может подать голос?

Что если она ранена? А вдруг она сломала ногу и не может подбежать к тому месту, где находится сейчас Ти-Джей, или хотя бы туда, откуда будет слышен ее голосок. А вдруг она сейчас лежит где-нибудь без сознания... А вдруг...

Ти-Джей упорно отгоняла от себя самую страшную мысль, но та настойчиво лезла ей в голову.

А вдруг она умерла?!

Ти-Джей долго прожила на ферме и знала, насколько хрупкой может оказаться жизнь. Лисы и ласки с легкостью расправлялись с цыплятами. А одного котенка у них унесла сова.

«Ну, пожалуйста, только не умирай!» — взмолилась Ти-Джей.

Девочка так увлеклась своими поисками, что не услышала рядом с собой чьих-то шагов. Она и представить себе не могла, что кроме нее тут кто-то есть, пока в лицо ей не ударил ослепительный луч света.

Ти-Джей машинально включила и свой собственный фонарь, направив его луч на неизвестного, и почувствовала, как бешено заколотилось сердце в груди.

Перед ней стоял мальчишка, один из тех самых хулиганов, которые напали на нее и отобрали рюкзак.

Не называйте меня Тетти

Мне ужасно жарко, я страшно устала и теперь жалею о том, что согласилась тащиться с Ти-Джей в такую даль на встречу с этой писательницей. Начинается самое неприятное. Все происходит в считанные секунды. Как мне кажется, одновременно происходит сразу сто разных событий. Меня начинает бешено трясти внутри плюшевого медвежонка — это раз, и внутри всего рюкзака в целом — это два. Я не понимаю, что случилось, я совершенно беспомощна и ничего не могу поделать. Это бесит больше всего.

Впрочем, мне не впервой испытывать нечто подобное. Я принадлежу к малявкам, и это непросто — адаптироваться к миру верзил. К тому же я всегда чувствую себя на удивление беспомощной, когда приходится сталкиваться с верзилой поближе. От них всегда ждешь каких-нибудь неприятностей. Свяжешься с ними — и тогда пеняй на себя. Не нужно долго изучать верзил, чтобы понять: больше всего им нравится все усложнять, а потом преодолевать препятствия, ими же самими созданные. Причем в своем провале они будут винить кого угодно, только не себя. Как правило, все шишки достаются тем, кто меньше и слабее их.

Ти-Джей является единственным исключением из их племени. По крайней мере, других таких верзил мне видеть еще не приходилось.

Поэтому я ничуть не удивляюсь, когда хулиганы начинают толкать и пихать ее. Вот только жаль, что у нее не хватает духа хорошенько наподдать кому-нибудь из них, чтобы другим было неповадно. Ей нужно носить с собой нож, как поступают все малявки. Правда, если ударить таким ножом верзилу, он подумает, что его укололи булавкой, но мы всегда точим их, и вы можете удивиться, узнав, сколько неприятностей может устроить малявка с таким ножиком. Вам никогда не приходилось проводить пальцем по острию бритвы?

Если бы у Ти-Джей был с собой ножик, отточенный, как у малявок, то эти мальчишки очень скоро отстали бы от нее. Но верзилы слишком сильно отличаются от нас. Они наивно полагают, что их законы и социальные границы смогут защитить их от несправедливости. Они забывают, что злодеи и хулиганы игнорируют такие вещи. Так было всегда. И не надо быть малявкой, чтобы понять эту истину. Для этого нужно только иметь мозги.

Итак, она не режет их ножиком, а они толкают ее. Вы не представляете, что при этом творится со мной. Меня начинает тошнить, а рюкзак все прыгает и прыгает и никак не может остановиться. Я не вижу, что происходит, но примерно могу себе представить. Видимо, мальчишки отнимают у нее рюкзак, потому что у меня вдруг начинает резко кружиться голова. Я догадываюсь, что какой-то отвратительный тип раскручивает рюкзак над головой.

Тошнота и головокружение никак не проходят, а эти гады убегают прочь вместе с рюкзаком, идиотски хохоча и выкрикивая какие-то мерзкие словечки. Они продолжают веселиться, перекидывая рюкзак от одного другому, а ведь внутри него, между прочим, нахожусь я. Состояние у меня ужасное, и я едва сдерживаюсь, чтобы меня не стошнило прямо здесь же, внутри плюшевого медвежонка.

Да, дела мои плохи, очень плохи мои дела, очень...

Именно эти слова всегда повторяет Плинки Дур, когда у него начинаются неприятности. Это вымышленный персонаж из книжки для малышей. Про него малявки рассказывают сказки своим детям. Занятно узнать, о чем вы думаете в критический момент. Вот я, например, в возрасте семнадцати лет начинаю цитировать детские книжки.

Но я чувствую себя маленькой и беззащитной, как ребенок. И меня при этом ужасно тошнит. Должна признаться, мне жутковато. Даже очень. Потому что, когда эти мальчишки перестанут перебрасывать рюкзак от одного к другому, они обнаружат меня. И вот тогда-то я узнаю, что такое «плохи мои дела» в действительности. Я ведь размером с большого жука, а мальчишки, как правило, суют в жуков булавки. Или отрывают им лапки. Или давят их пальцами.

У меня нет никакой возможности сбежать от них. И еще я стараюсь сдерживаться, чтобы меня не стошнило.

Мальчишки куда-то бегут, и этому, похоже, не будет конца. Когда они останавливаются, то сразу бросают рюкзак на землю. У меня кружится голова, я не могу

сообразить, где нахожусь, и меня снова начинает тошнить.

Но по крайней мере они уже никуда не перемещаются.

У меня нет времени даже перевести дыхание.

Они открывают рюкзак и сразу же находят мое маленькое плюшевое убежище.

— Фу! — презрительно произносит один из моих похитителей. — Эта малютка не забыла прихватить с собой плюшевого мишку.

Мне приходится пережить очередной приступ головокружения, поскольку медвежонок тут же летит куда-то в сторону. Несмотря на плюш, который немного смягчает мое падение, своими косточками я очень хорошо чувствую, как он ударяется о землю. Наверное, в этот момент я все же ненадолго теряю сознание. Но меня больше никто никуда не передвигает, и одно это уже успокаивает.

— А вот и ее телефончик, — говорит кто-то. — Эй, Рон, у тебя нет знакомых в Японии? А то можно им позвонить на халяву.

— Да брось ты, Рики, — отвечает другой. — Не надо. И вообще, лучше оставить все ее вещи в покое и ничего не трогать.

— С чего бы это? Она твоя подружка, что ли?

— Нет, но просто...

— Расслабься, Вега, — советует Рики. — Считай, что это тебе урок: как нужно жить. Все делай очень быстро, времени думать у нас нет. Сильные выживают, слабые проигрывают. Вот так все и происходит. И спроси себя, кем ты хочешь быть в этой жизни? Победителем или лузером, сыном садовника?

— У меня отец — дизайнер по ландшафту.

— Да какая разница?

— И неважно, кем я стану, — заявляет Вега, — в любом случае, я останусь сыном своего отца.

— Ну, это уже твои проблемы.

— Эй! — кричит кто-то. — У нее в бумажнике целых двадцать три доллара.

— Вот здорово!

— Ребята, подождите... — пробует урезонить их Вега.

— Перестань, Вега. Ты, похоже, хочешь оставаться слабаком, а это начинает меня раздражать.

— Это все неправильно.

— Ну, видишь ли, взяточничество и коррупция — тоже не очень правильно, однако все это встречается в нашей жизни на каждом шагу.

И мальчишки злорадно смеются.

— Нет, я говорю вполне серьезно, — настаивает Вега. — Она же еще совсем маленькая.

— Зато богатенькая.

— Это нам не известно.

Я понимаю, что настало время потихоньку улизнуть от них. Нужно только аккуратно раскрыть маленькие квадратные кусочки липучки, пришитые к брюшку плюшевого медвежонка, и отползти куда-нибудь подальше. Но я не знаю, где сейчас лежу: видят меня мальчишки или нет. Да и вообще, я вымоталась во время тряски, и у меня остается сил только на то, чтобы спокойно лежать внутри игрушки и молиться, чтобы эти хулиганы больше не обращали внимания на мишку. Вернее, на то, что находится внутри него.

— Видишь ли, дело вот в чем, — назидательно начинает Рики. — Тут совсем не важно, богатая она или бедная. У нас есть ее вещички, а у нее их больше нет, поэтому мы можем делать с этим барахлом все, что только захотим.

— Отдайте мне телефон, — требует Вега.

— А почему бы и нет? Папочка тебе уж точно такого никогда не купит.

— Пошли отсюда, — предлагает кто-то, и его слова встречают возгласы одобрения.

— Действительно, пора уходить, — поддерживает предложение Рики. — Этот Вега

весь кайф сломал. У меня даже настроение испортилось. Может, рванем к Эрику и потусуемся у него? Эй, слушай, твои предки еще не вернулись домой?

— Нет, но там оставалась сестра.

— Она не помешает. Мне твоя сестра даже нравится.

— Господи, а меня сейчас стошнит!

Голоса стихают, и у меня снова появляется надежда. Возможно, я смогу пережить этот кошмар. Ну, разумеется, напоследок кто-то со всей дури бьет ногой по медвежонку. От этого у меня резко захлопывается челюсть и начинают болеть сразу все зубы. Пару секунд я пребываю в состоянии невесомости. Но это недолго, и тошнота не успевает вернуться. Зато падение оказывается таким тяжелым, что я снова теряю сознание.

Но и на этот раз я довольно быстро прихожу в себя. Я прислушиваюсь, но никаких звуков извне не улавливаю, а потому расстегиваю медведю живот и выбираюсь наружу. Затем я осторожно оглядываюсь по сторонам. Похоже, я тут совсем одна.

Я еще очень слаба, и мне приходится прислониться к медвежонку, чтобы не упасть. Мне хочется улечься на мягком плюше, свернуться калачиком и проспать так с неделю, ни о чем не думая. Но я понимаю, что этого делать ни в коем случае нельзя. Мальчишки могут вернуться в любую минуту. Да и не только они могут появиться здесь. И так, я осталась совершенно одна на улице в незнакомом месте. Как известно, малявки очень редко чувствуют себя уверенно, поэтому я понимаю, что ни о какой безопасности здесь и речи быть не может.

Я делаю несколько глубоких вдохов, чтобы прийти в себя, затем ныряю назад в медвежонка, но только для того, чтобы прихватить сумку, в которой лежат веревка с крюком и бутылочка с водой. Потом я направляюсь прямо в высокую траву и заросли сорняков, туда, где вдалеке видны высаженные в ряд клены и березы.

Я перехожу на легкий бег, и в голове у меня постепенно все проясняется. Первая моя задача — найти себе надежное убежище. Я понятия не имею, где нахожусь. Очевидно, неподалеку от книжного магазина, но оставаться в поле я не могу. Я начинаю нервничать, а потому продолжаю бег. Не хватало еще сейчас в небе появиться какому-нибудь ястребу, который сразу же заметит меня. А еще можно наткнуться на кошку, которая вышла на свежий воздух и теперь представляет себя львицей в саванне. Разумеется, ей захочется поиграть в «охотника и жертву».

Я осознаю еще и то, что мне сейчас очень не хватает Ти-Джей. Конечно, есть в ней многое от маменькиной и папенькиной дочки, но сердце у нее доброе, и она знает, что делает. За это она достойна восхищения. А что самое главное (учитывая мое нынешнее положение), рядом с ней я всегда чувствовала себя в безопасности. Ну, по крайней мере, до того момента, когда к ней пристали эти мерзкие мальчишки. Но она не виновата в том, что теперь я осталась одна и должна буду сама заботиться о себе. Вот ведь дурочка! Не надо было настаивать на своем и напрашиваться на эту поездку. И зачем мне только понадобилось ехать в этот книжный магазин?

Интересно, что же произошло с ней самой? Надеюсь только, что мальчишки не поранили ее, когда так грубо толкали.

Если бы только я была верзилой и видела все это, я хорошенько проучила бы этих негодяев!

Я смотрю вверх, пытаюсь определить, насколько я продвинулась к цели, и замечаю, что деревья уже совсем близко. Здесь есть кедры, и это очень хорошо для меня. У них грубая кора и ветви начинаются достаточно низко. Значит, на них легко вскарабкаться, чтобы добраться до более безопасных верхних веток.

Я перешла на быстрый шаг. Через несколько мгновений я уже оказываюсь среди деревьев. Оглядываюсь назад, но мне видна лишь высокая трава и густые сорняки. Впереди я замечаю железную сетчатую ограду. Подхожу к ней, пролезаю под нижней планкой и начинаю подыскивать местечко для ночевки.

Еще не стемнело, но сумерки в это время года наступают рано. Ночью будет холодно, и

я жалею, что не надела более теплой курточки, чем та, которая сейчас на мне. Но с этим уже ничего не поделаешь. А сейчас мне перво-наперво нужно найти безопасное место.

Самым лучшим выбором будет кедр. Ветви у него густые, поэтому сова до меня не доберется. Атак как я собираюсь ночевать высоко, то вряд ли стану добычей кошек и лис. Как правило, они ищут жертву на уровне земли и не глядят вверх. Отыскав уютное местечко, я привяжу себя к ветке на ночь. Конечно, мне захочется есть, но я и раньше подолгу обходилась без еды, так что голодать мне не впервой. Зато у меня есть бутылочка с водой. Может быть, мне удастся соорудить гнездо из листьев, если будет очень холодно.

Ветер дует от деревьев в поле, а это плохо. Это значит, мой запах почувствуют все ночные охотники, обладающие хорошим обонянием. Я машинально наклоняю голову вбок. Мне чудится чей-то голос. Похоже, что кто-то кого-то зовет. Но этот голос раздается с самого края поля, а это теперь от меня очень далеко.

Поэтому я отворачиваюсь и снова начинаю размышлять.

На каком же дереве мне переночевать?

Я остановила свой выбор на старом кедре с искривленным стволом и толстыми ветвями, как вдруг... Нет, этот звук очень тихий, и я, скорее, не слышу, а чувствую, что позади меня кто-то есть.

Я медленно оборачиваюсь, и сердце замирает в груди.

Я вижу огромную кошку. Она припала к земле и не шевелится. Она готовится к прыжку, и только кончик ее хвоста нервно подергивается. Взгляд ее темных хищных глаз направлен на меня. И я понимаю, что удача, которая сопровождала меня с того момента, как на Ти-Джей напали мальчишки, решила отвернуться.

Я тоже не шевелюсь, потому что еще в детстве хорошо заучила одно из основных правил: движение всегда привлекает внимание кошек. Но у меня нет выбора. Кошка очень большая. Если вы хотите приблизительно знать ее величину по сравнению со мной, то вообразите, что испытал бы верзила, увидев кошку размерами с автобус.

Вот именно!

Я осторожно перемещаю руку к поясу, где хранится мой нож.

Я не очень храбрая по натуре. Ноги трясутся так, что я еле удерживаю равновесие. Горло перехватило, и я с трудом дышу. Но, клянусь честью, просто так я не сдамся и еще покажу этой твари, на что я способна. В лучшем случае, конечно, мне удастся выколоть кошке глаз. Скорее всего, это будет моим последним предсмертным подвигом. На большее надеяться не приходится.

Не знаю, сколько времени мы оставались неподвижными — кошка, готовящаяся к прыжку, и я, остолбеневшая и с крошечным ножиком в руке. Вдруг рядом со мной раздается негромкий мужской голос. Я сразу же поняла, что это говорит мужчина-малявка.

— Пока ты все делаешь правильно. Теперь я попрошу тебя отступить ко мне. Только медленно. Медленно, как только сможешь.

Я и понятия не имела, кто бы это мог быть. Кошка повела ушами, но не отвела от меня взгляда.

— Давай же, у тебя все получится, — настаивал голос. — Ты справишься.

Я нервно сглатываю, во рту пересохло.

«Мы же с тобой не знакомы, — проносится у меня в голове, — откуда тебе знать, с чем я могу справиться, а с чем — нет?»

Но, неизвестно почему, его голос вселяет уверенность, и я очень осторожно делаю шаг назад.

Кошке это явно не нравится. Она прижимает уши к голове и припадает еще ниже к земле. Мышцы ее сгруппированы для прыжка.

— Вот умница, — продолжает позади меня таинственный малявка. — Продолжай в том же духе.

«Нет, не могу, ничего не выйдет», — думаю я, но тем не менее отвожу ногу назад, нащупывая твердую почву, делаю следующий шаг, а потом еще один. Я знаю, что кошка уже

давно готова к прыжку. Я так крепко сжимаю нож в руке, что пальцы начинают неметь.

— Еще несколько шагов, — подсказывает незнакомец.

Тем временем кошка подкрадывается все ближе, и делает это так аккуратно, что глаз не замечает ее перемещения. Животом она прижалась к земле, глаза-щелочки уставились на меня. Копчик хвоста снова нервно дергается.

«Боже мой, боже мой, боже мой!» — раздастся в голове голосок Плинки Дура.

Ноги скользят по земле, я делаю еще два шага.

У меня создается впечатление, что между мной и кошкой существует телепатическая связь. Я чувствую, как напрягаются ее мышцы. Я знаю, что она сейчас прыгнет.

И тут я ощущаю на плече чью-то руку, которая в следующее мгновение резко толкает меня в сторону. Я валюсь с ног, и вот уже малявка, руководивший движениями, стоит передо мной. Все это происходит так быстро и неожиданно, что мы с кошкой не успеваем сообразить, в чем дело.

Незнакомец поднимает руку вверх. С того места, где я лежу, мне видно, что в руке он держит кнут. Он ловко щелкает им прямо перед носом у кошки, и та отскакивает назад как ужаленная. Мужчина подходит к зверю и щелкает кнутом еще раз. Затем раздастся третий щелчок, и я понимаю, что именно сейчас должно произойти что-то серьезное.

И вот — чудо из чудес! — кошка разворачивается и удирает прочь.

Мужчина еще некоторое время смотрит в заросли сорняков, где только что исчезла кошка. Кнут малявки стелется по земле. Когда он поворачивается, я уже успеваю немного перевести дыхание. Однако я чувствую, что ноги еще слабы, а потому остаюсь сидеть на земле. Малявка подходит поближе.

Он подает мне руку, затем снова оборачивается, чтобы проверить, не вернулась ли кошка. Я поднимаю нож, вытираю с лезвия грязь и укладываю его в ножны, крепящиеся на ремне у меня на поясице. После этого неспешно поднимаю упавшую на землю сумку.

— Вот это да! — восхищенно произношу я. — Похоже, ты уже и раньше такое проделывал.

Он небрежно пожимает плечами:

— Проживи с мое на природе, и ты тоже кое-чему научишься.

«А ведь он не шутит», — думаю я.

Теперь я начинаю понимать, кто он такой. Его выдает еще и одежда: куртка и штаны, сшитые из шкурок крота или землеройки.

— Ты ведь дикарь, да? — высказываю я свою догадку.

Большинство малявок обитает в домах или других зданиях. Держатся они маленькими семьями, чтобы их не заметили верзилы, владельцы домов. В то же время они селятся там в достаточном количестве, чтобы помогать друг другу и не испытывать одиночества. Но среди малявок всегда были и такие, кто предпочитал жить на природе, не желая сковывать себя четырьмя стенами. Их называют дикарями. Именно такой дикаркой хотела стать я сама, пока не убедилась в отсутствии навыков, необходимых для жизни в лесу.

Два или три раза в год к нам приезжали дикари и гостили по несколько дней. Они рассказывали нам новости о других малявках, делились последними сплетнями, а платой за это были домашние кушанья и наше общество. Мы с братом Тэдом восхищались дикарями. А почему бы и нет, собственно говоря? Мы были детьми, а свободная жизнь дикаря-путешественника всегда казалась нам полной романтики.

Правда, в течение целого года дикари к нам почему-то не заходили, а этого мужчину я вообще раньше не видела.

— Мы предпочитаем, чтобы нас называли лесничими.

Я улыбаюсь.

— Понятно. А я вот хотела бы иметь рост в два метра, а не пятнадцать сантиметров, но что делать?

Он внимательно смотрит на меня, и на его лице тоже расцветает улыбка.

Ему примерно столько же лет, сколько и моему отцу, под пятьдесят, но лицо его все в

морщинах, кожа выдублена ветром. Свои длинные волосы он завязал в «конский хвост».

— Я никогда раньше не видела, чтобы малявка победил кошку, — признаюсь я.

— Нам с тобой повезло. Это была домашняя кошка, ты же видела на ней ошейник, верно? У нее свои инстинкты, но охота на малявку для нее только игра. Дикая кошка сразу бы придушила тебя, ты бы и глазом моргнуть не успела.

Меня передергивает от одной только мысли об этом.

Он наклоняет голову вбок и принимается изучать меня.

— Ты, должно быть, Тетти Вуд, — говорит он. — Меня предупредили, чтобы я приглядывал за тобой.

Мне не нужно долго раздумывать, чтобы догадаться, кто именно дал ему такое задание. Мои родители, должно быть, повстречались с ним, когда подыскивали себе новое жилье.

— Не надо называть меня Тетти, — говорю я.

— Но это ведь твое имя.

— Нет, на самом деле меня зовут Элизабет.

Он понимающе кивает:

— И ты сама выбрала его для себя.

— А тебя в этом что-то не устраивает?

— Да нет. Просто... Тетти — очень хорошее имя для малявки.

— А я не хочу хорошее имя и вообще не хочу быть хорошей: следовать всем правилам без исключения, как какая-то глупая овца.

— В общем-то, овцы не такие уж и глупые.

— Ну, ты понял, что я имею в виду.

— Конечно. Именно поэтому я и ушел в лесничество, а не стал жить в доме, как это привыкли делать вы, домовитые.

Я не сдерживаюсь и хохочу от души. Я раньше думала, что название «домовитые» можно встретить только в книжке. Однако именно так следует называть мое семейство и других малявок, с которыми мне приходилось встречаться раньше. За исключением, конечно, дикарей и вот этого чудака в куртке и штанах из шкурок крота.

— А как зовут тебя? — спрашиваю я.

Он снова улыбается:

— Какое имя тебя интересует? То, которое мне дали при рождении, или то, которое я выбрал сам?

«Ну, хватит уже этих загадок и вообще всякой таинственности», — с легким раздражением думаю я.

— То, на которое ты будешь отзывать, — нахожу я нужный ответ.

— Зови меня Бакро.

Я киваю.

— Ну, и что же теперь? — интересуюсь я. — Тебе случайно не сказали, что ты должен вернуть меня родителям?

— Никто не может указывать мне, что я должен делать, — твердо произнес Бакро. — Особенно домовитые.

— Но ведь ты сам сообщил мне, что тебе велели приглядывать за мной.

Он улыбается.

— Но не сделать с тобой что-либо после того, как я тебя повстречаю. Так что же ты сама намереваешься предпринять?

— Вернуться в дом к Ти-Джей. Она будет очень волноваться за меня.

— А Ти-Джей — это...

— Моя подруга. Кстати, она верзила.

Бакро чуть-чуть приподнимает брови, но мое объяснение никак не комментирует. Он только спрашивает:

— А где она живет?

— Она... — начинаю я и тут же замолкаю.

Насколько же могут некоторые личности оказаться бесполезными!

— Понятия не имею, — честно признаюсь я.

Потом рассказываю ему о том, каким образом я очутилась здесь, вдали от дома, и почему чуть не стала ужином для кошки.

— А твоя Ти-Джей, — задумчиво начинает Бакро, — она живет в том самом доме, где раньше ты обитала вместе с родителями, да?

Я киваю.

— Что ж, я знаю, где это, — говорит он. — Но нам придется подождать. Когда стемнеет, можно будет отправиться в путь. — Он замолкает на несколько секунд, продумывая наш маршрут. Вскоре добавляет: — Вероятно, на это уйдет даже не одна, а две ночи.

Это кажется мне невероятным. На велосипеде Ти-Джей весь путь занял у нас не так уж много времени, но если мы с Бакро пойдем пешком, то нам потребуется много часов, чтобы одолеть это расстояние.

— А ты, по-моему, даже не удивился, когда я сказала тебе, что моя подружка — верзила, — замечаю я.

— Ты далеко не единственная.

— В самом деле?!

— А откуда, как ты полагаешь, верзилы берут истории про малявок?

— Я об этом как-то не задумывалась, — отвечаю я.

Он снова всматривается в поле, где растворилась кошка.

— Нам надо спрятаться куда-нибудь, пока солнце не село, — предлагает он. — Тебе везет. Я как раз расчищал себе норку, подготавливая место для укрытия. Я вышел на минутку подышать свежим воздухом и вовремя заметил, что ты попала в беду.

В смущении я робко произношу:

— По-моему, я даже не поблагодарила тебя, да?

Он отмахивается.

— Забудь про это.

— Да ты шутишь! Ты ведь спас мне жизнь.

— Нам повезло — только и всего. И давай не будем больше рассуждать на эту тему. Тут дело случая. Но забавно другое...

Он замолкает, а я жду, когда он продолжит. Но проходит несколько минут, а он ничего не говорит. Вдруг он подносит пальцы к губам и издает пронзительный свист. Потом еще и еще раз.

— А теперь успокойся и не нервничай, — предупреждает Бакро.

— А с чего бы мне начать нервничать?

Но вот до меня доносятся странные звуки, как будто к нам кто-то мчится по полю. Но не оттуда, куда убежала кошка, а с противоположной стороны, где высажены деревья. Что-то очень большое пробирается сквозь заросли высоких сорняков. Причем оно развило огромную скорость.

«Боже мой! — думаю я и лезу за ножом. — Сейчас что-то будет...»

И тут я вижу ее — небольшую собачонку. Небольшую — это по меркам верзил, конечно. Она даже немного меньше кошки, которая чуть не напала на меня. Все же она достаточно большая, и мне становится не по себе. Не хотелось бы встретиться один на один с такой зверюгой на открытой местности. Для малявок собаки представляют гораздо большую опасность, нежели кошки или лисы. Может быть, эта собачища съест меня не за один, а за два присеста, но когда она со мной разделается, будет уже все равно.

Я достаю нож, а Бакро осторожно берет меня за руку.

— Не волнуйся, — успокаивает он. — Розы — наш друг.

Как это — друг?!

Собака врывается на полянку, радостно повизгивая и виляя хвостом. Потом она ложится на живот и подползает к Бакро так, что ее передние лапы оказываются по разные

стороны от него.

Я о собаках почти ничего не знаю, только то, что видела по телевизору. В тех домах, где нам приходилось жить, никто собак не держал. Эта зверюга похожа на помесь джек-рассел-терьера и чихуахуа, да наверняка еще и в помете оказалась самой маленькой. Но мне она все равно кажется громадной.

Бакро чешет ей шкурку возле носа:

— Ну, и где тебя носило, когда сюда явилась эта жуткая кошка, чтобы сожрать нас? — интересуется он.

— У тебя есть собака? — удивляюсь я.

Услышав мой голос, Роза поднимает голову. Кажется, она так обрадовалась встрече с Бакро, что меня даже не заметила. Она начинает рычать, пока Бакро не кладет ей указательный палец на нос, привлекая внимание.

— Нельзя, нельзя, — говорит он собаке. — Элизабет — наш друг.

Собака встает, подходит ко мне и начинает обнюхивать, а меня тут же кидает в дрожь. Никогда раньше не приходилось оказываться так близко к большому животному. Напоследок она еще и лижет меня, да так, что я чуть не теряю равновесия.

— Ой! — восклицаю я и невольно отступаю назад.

— Ну, извини, — усмехается Бакро, и я понимаю, что ему сейчас очень весело. — Она только проявляет к тебе дружеские чувства.

Я стираю собачьи слюни с лица рукавом курточки. Собака здоровенная (относительно меня, конечно), так что слюней во рту у нее полно.

Роза снова располагается рядом с Бакро, чтобы ему было удобно почесать ее за ухом. Она удовлетворенно вздыхает, и ее хвост начинает так энергично бить по земле, что поднимается пыль.

— Ну, подойди, погладь ее, — предлагает Бакро.

Мне и хочется ее приласкать, и немного страшновато. Но я все же приближаюсь к ней и глажу ее по спине. Шерсть у Розы короткая и жесткая, совсем не такая, как была у ручного мышонка, который пробыл у меня с пару недель.

— А где ты ее взял? — спрашиваю я и смеюсь. — Боже, *никогда* не слышала, чтобы у малявки была собака.

— Ее бывшие хозяева держали эту бедняжку во дворе на цепи, — поясняет Бакро. — И днем и ночью, сутки напролет. Ей не разрешалось заходить в дом, никто с ней никогда не гулял, не играл, да и вообще они практически не обращали на нее внимания. Ни о какой любви, разумеется, с их стороны и речи быть не могло.

— И ты решил ее освободить?

Он кивает:

— Но это было очень сложно сделать. Она довольно долго не подпускала меня к себе. Когда я появлялся во дворе, она начинала рычать и лаять, натягивать цепь до предела, пытаясь добраться до меня.

— И как же ты поступил?

— А вот как. Существуют две вещи, в которых малявки превосходят всех остальных. Мы очень умные и к тому же исключительно терпеливые. В течение двух недель каждую ночь я ласково разговаривал с собакой и приносил ей гостинцы. Поначалу она и знать меня не хотела, но потом дело пошло на лад. Она, по крайней мере, перестала шуметь и уже не отказывалась от угощения. Затем она позволила погладить себя. Прошла еще неделя, я перерезал ее ошейник, и с тех пор мы с ней не расстаемся.

Мне становится смешно:

— Похоже на сказку из книжки, правда? Как Джек Шпрауль приручил ястреба с алым хвостом.

— Может быть, только нам не приходилось спасать сына вождя, как это сделал Джек со своим ястребом.

— А ты можешь прокатиться на ней верхом, как Джек на ястребе? — интересуюсь я.

В голове рисуется забавная картинка: мы несемся по территории верзил вперед, свободные и счастливые, ветер бьет в лицо, а я скачу на собаке все быстрее и быстрее, и никто не может догнать нас.

Но Бакро отрицательно качает головой:

— Нет. Роза не позволяет ничего на себя надевать: ни уздечку, ни ошейник. Она даже тележку тащить не хочет. Мне кажется, она слишком долго оставалась привязанной на цепи, и у нее плохие воспоминания о сбруе любого типа.

— Но как с ней могли так жестоко поступить? — удивляюсь я, поглаживая жесткую спинку Розы.

Бакро только пожимает плечами:

— А почему верзили вообще делают много такого, что поражает нас?

Его вопрос кажется мне риторическим, но он ждет ответа.

— Потому что они могут это сделать, — отвечаю я. Мне это не раз объясняли родители с самого детства.

— Вот именно. И все малявки знают это.

Я сразу догадываюсь, зачем он напоминает мне об этом. Может быть, чуть раньше он и не стал ничего говорить по поводу дружбы с Ти-Джей, но сейчас дает понять, чтобы я была с ней поосторожнее. Неважно, какие отношения связывают нас, она все равно остается верзилой. Ей требуется лишь один раз серьезно рассердиться, чтобы посадить меня в стеклянную банку. Или расплющить в лепешку, особенно над этим не задумываясь.

Я, конечно, не утверждаю, что она поступит именно так. Скорее всего, этого никогда не произойдет. Но дело в том, что в принципе она *физически в состоянии это сделать*.

Бакро гладит собаку в последний раз, после чего подзывает меня к себе.

— А теперь посмотри вот на это.

Он поворачивается и тут же исчезает в ворохе сухой травы. Я следую за ним, а он уже ждет меня у входа в кроличью норку, вырытую между корней кедра. Роза стоит позади нас, но я уже не нервничаю, и мне приятно сознавать, что я могу попросту игнорировать ее присутствие.

— Ты здесь живешь? — спрашиваю я.

— Не совсем так. Мне нужны запасные норы, где я мог бы спрятаться, если меня кто-нибудь увидит и захочет поймать. У меня в этой местности полно таких убежищ. Я убираюсь в них и оставляю там свечи и запас хвоста.

Все это хорошо, но зачем ему шататься по ночам, тем более в таком месте? Я осторожно осведомляюсь:

— А разве не опасно ночью оставаться на улице?

— Если ты хочешь избежать контакта с верзилами, то нет.

— А мне всегда приходили на ум только хищники, которые могут съесть меня в любую минуту, — признаюсь я. — Вроде той кошки, которая приняла меня за аппетитную закуску.

Но он со мной не соглашается.

— Если ты много времени проводишь на природе, вероятнее всего, с тобой ничего плохого не случится. Кроме того, у меня есть Роза. — Заметив недоверчивое выражение на моем лице, он тут же добавляет: — Она, как правило, не отходит от меня надолго.

Я вспоминаю весь ужас встречи с кошкой. Роза мне не кажется надежной защитницей. Ведь кошка могла бы уже придушить меня и наполовину съесть, прежде чем появилась Роза.

— А что делать, если тебе нужно выйти на открытое пространство? Ну, скажем, перейти поле или очутиться на другой стороне улицы?

Я спрашиваю об этом, потому что до дома Ти-Джей придется перейти немало улиц.

Бакро улыбается:

— В этом случае нужно быть предельно осторожным. Ты зайдешь внутрь?

Я с сомнением разглядываю кроличью норку.

— Там полный порядок, — добавляет он. — Я уже закончил уборку.

Внутри действительно здорово. Я убеждаюсь в этом, как только следом за Бакро

захожу в норку. Поначалу мне кажется, что здесь очень темно, но, когда мы заворачиваем за поворот, норка расширяется. В ее конце горят свечи, освещая путь. Спуск не слишком крутой. Мы с Бакро передвигаемся свободно, нам даже не приходится пригибаться, а вот Роза испытывает некоторые неудобства, пробираясь внутрь.

В норке пахнет землей, но не сыростью, как я предполагала раньше. С потолка этого странного жилища торчат корни кедра, и мне забавно смотреть на дерево снизу вверх. Оказывается, у деревьев корни растут примерно так же, как и ветви, но только об этом никто не задумывается, потому что редко кому посчастливится увидеть дерево с такого необычного ракурса.

На полу расстелено сено. В углу я даже замечая кровать. Хотя нет, это не то, что вы подумали. Это соломенное ложе с веточками, которые придают ему определенную форму и поддерживают ее. Тут же свалена охапка хвороста, о котором он говорил, а рядом лежит его рюкзак. Роза подходит к кровати и устраивается рядом с ней. Она некоторое время смотрит на Бакро, потом кладет голову на передние лапы и закрывает глаза.

— Ну, и что ты скажешь? — вопрошает Бакро, испытывая гордость за созданное им жилище.

— Здесь... интересно, — замечая я. — Простовато немного.

Он хохочет:

— Но я ведь здесь не живу. Это только убежище, чтобы спрятаться в случае опасности.

— Верно, я забыла, — смущаясь я и судорожно соображаю, что нужно сказать, чтобы замять промах. — Но где же очаг?

— А тут его вообще нет как такового. Зато имеется запасной выход. Вон там, видишь?

Он указывает на более узкое отверстие, которое я поначалу и не заметила. По тому, как расставлены свечи и как они освещают комнатку, я понимаю, что запасной выход находится в самом темном ее месте.

— Видишь, тут воздух продувается, и если бы я захотел выстроить очаг, это было бы возможно. Гаснуть он не будет. Тяга здесь хорошая, а вот сквозняка не наблюдается.

— По-моему, ты продумал все до мелочей.

Он пожимает плечами.

— Каждый лесничий должен иметь такие местечки, где он всегда может спрятаться. На тот случай, если его кто-нибудь прогонит из его основного жилища.

— А вдруг эту норку займет какое-либо животное?

— Перед тем как мы уйдем отсюда, я надежно закрою оба входа, и сюда никто не проникнет.

— Потрясающе.

Мы садимся на соломенное ложе, и я начинаю изучать свои туфли, соображая, как можно еще поддержать беседу. Но ему, кажется, не требуется постоянно говорить. Иначе он никогда не стал бы лесничим и не жил в одиночестве. Но на меня тишина почему-то действует угнетающе.

— А разве ты не скучаешь по телевизору и другим чудесам техники? — интересуюсь я.

Он улыбается.

— А ты не скучаешь по бесконечному небу и птичьему пению?

— Не знаю. Я к их песням, в общем-то, никогда и не прислушивалась. Кстати, про мир верзил я знаю только то, что мне удалось подслушать в доме, да еще из телепередач. Я неплохо разбираюсь в современной музыке и последней моде.

— Моде, — повторяет он.

В его голосе я не чувствую неодобрения, но мне кажется, что он просто не может понять, почему мода вообще важна для кого-то.

— Да-да, и представь себе, что это очень нелегкий труд — сшить для себя какую-нибудь вещь из последней коллекции известного модельера, которую видела всего раз, да и то по телевизору. Учти, я могу рассчитывать только на тот материал, который мне самой удастся раздобыть. И вот что меня больше всего бесит в Ти-Джей. Она ведь верзила. Она

может просто прийти в магазин и купить себе самую модную, самую сексуальную одежду, какую только ей захочется. А ей этого не надо, она носит только джинсы и футболки.

— Может быть, ей так удобнее?

— Скорее всего. И все равно мне кажется, что она зря не пользуется огромными возможностями. Уж я бы не стала ограничивать себя джинсами и футболками.

Я замечаю, что эта тема, больше подходящая для девчачьего разговора, его совсем не интересует, а потому заставляю себя замолкнуть. Но возникшая тишина снова начинает действовать мне на нервы. Ему и Розе, похоже, нравится вот так отдыхать, развалившись, и ни о чем не думать. Но мне требуется постоянное действие, движение. А уж если нет возможности перемещаться, то мне просто необходимо с кем-нибудь болтать. Или слушать кого-нибудь. Кажется, что тут должен присутствовать еще какой-то звук, кроме мирного посапывания Розы.

Наверное, это происходит потому, что я очутилась в замкнутом пространстве. Точнее, в *незнакомом* замкнутом пространстве. Я привыкла к маленьким помещениям. В конце концов, я же малявка. Но при этом мне обязательно нужна свобода передвижения в них. Да, вот я какая неугомонная. Мама называла меня непоседой, а я и на самом деле не могла спокойно усидеть на одном месте даже несколько минут. Теперь вам понятно, почему я чуть с ума не сошла, когда очутилась в рюкзаке Ти-Джей.

Но прежде чем я нахожу нужные слова, чтобы заполнить тишину, Бакро спрашивает меня:

— Эта женщина в книжном магазине... писательница. С чего ты решила, что она сможет помочь тебе?

Я пожимаю плечами.

— Это был единственный пункт нашего с Ти-Джей плана. Я не знаю, где найти других малявок. А у нее я бы спросила, куда переехали мои родители. Если учесть, какие книги она пишет, она может это знать. Писательница мне скажет: «По-моему, я начинаю кое-что понимать». И я отвечу: «Ну, вот мы и повстречались. Вы же знаете, куда подевались мои родители, так ведь?»

— Мне известно, где они были несколько недель назад, — говорит Бакро. — Но когда я увидел их в следующий раз, они переезжали на новое место. А куда именно, они мне не сказали.

— Но с ними было все в порядке? Они хорошо выглядели?

Он кивает.

— Да, похоже, что так. Только они очень волновались за тебя.

— А чего им за меня переживать? Подумаешь... — фыркаю я. — Ти-Джей вообще о них разговор не заводила. Я прожила с ней долго, но она никому про меня не рассказала. Ни единой живой душе, даже самой лучшей подруге. А я знаю, как это тяжело.

— Ну, мы вообще-то не привыкли доверять верзилам.

— Я не говорила, что доверяю верзилам, — вставляю я. — Но я верю Ти-Джей. Хотя тебе и моим родителям на это наплевать. По вашему мнению, ребенок вообще не должен иметь собственного суждения. Я угадала, да?

Бакро отрицательно качает головой:

— Иногда дело бывает совсем не в том, доверяем мы кому-то или нет. И даже не в суждениях, не важно, справедливы они или не совсем. Да и возраст тут совершенно ни при чем. Существуют другие причины, причем довольно веские. Нужно просто их знать.

— Какие причины? Например?

Он колеблется, но всего лишь секунду, и спрашивает:

— Отец когда-нибудь рассказывал тебе про своего брата Джоджи?

— Я даже не знала, что у него был брат.

Бакро понимающе кивает:

— Да, это было давно, еще до того времени, как он и твоя мама стали домовитыми. Я могу понять, почему они не говорили тебе о нем.

— Значит, мои родители когда-то были дикарями?

— Не совсем так...

— Ах, ну да. Прости, я хотела сказать «лесничими».

Но он отрицательно качает головой:

— Нет. Твои родители были путешественниками и большими весельчаками. Они принадлежали к ремесленникам. Лудили, паяли... в общем, чинили всякие бытовые мелочи. Они объездили все стороны света. Иногда занимались мелкой торговлей, но в основном платили за ночлег тем, что ремонтировали домовитым всякий старый хлам.

Я смотрю на него вытаращенными глазами и не могу произнести ни слова. Наконец, ко мне возвращается дар речи:

— Послушай, а ты уверен, что мы с тобой имеем в виду одних и тех же малявок? Моих родителей зовут Ласло и Мэйла Вуд. Они самые настоящие обыватели, по уши увязшие в быту. И ничего необыкновенного в них нет.

— Ну, ты к ним немного жестковата, — замечает Бакро.

— Да перестань ты. Я же знаю своих родителей. Они ужасные зануды и не более того. С ними одна тоска.

— Я думаю, ты принимаешь за тоску и занудство то, что сами они считают заслуженным отдыхом после жизни, полной странствий и тяжелых испытаний.

— Ты со мной спорить решил?

— Послушай, ты мне дашь возможность рассказать тебе эту историю, в конце концов?

Я быстро киваю:

— Конечно. Про дядю, о существовании которого я ничего не знала.

Он бросает на меня многозначительный взгляд.

— Хорошо-хорошо, я уже все поняла и заткнулась. Но только вот еще что... — добавляю я, не в силах удержаться. — Я почему-то считала, что путешественников больше не существует. И что последние из них исчезли много-много лет тому назад. Остались одни только... — я чуть было не сказала «дикари», но вовремя опомнилась, — ...лесничие.

— Путешественников не слишком много, — поясняет он. — Во всяком случае, в наших местах при таком климате. Здесь довольно суровые зимы, поэтому им трудно передвигаться, оставаясь незамеченными.

— Теперь попятно, — радостно киваю я. — Значит, именно из-за случайных встреч с ними у верзил возникли сумасшедшие идеи насчет существования таинственных маленьких волшебных человечков, обитающих в лесу и в самых дальних уголках садов.

Но Бакро недовольно качает головой:

— В этом мире существует много такого, что мы и представить себе не можем. Не стоит также недооценивать рассказы о феях, эльфах, гномах и других волшебных существах, равно как и о Первых Людях, которые могут превращаться в животных. Не нужно торопиться с выводами.

— Но мне как-то трудно поверить в их существование.

— Это мне говорит малявка, принадлежащая — напомнить тебе? — к тому самому племени, которое произошло от птиц, а потом...

— Знаю, знаю, — отмахиваюсь я. — Потом они потеряли крылья, потому что растолстели и стали ужасно ленивыми. Наше птичье происхождение объясняет, почему у нас такие легкие кости, почему мы незаметно проникаем в мир верзил и отлично в нем ориентируемся. Поверь, я прослушала немало лекций на данную тему. У меня даже есть футболка, на которой малявка нарисован рядом с птицей. Это все понятно, но как можно верить в существование фей, сирен, эльфов и так далее?

— А почему бы и нет?

— Как я полагаю, тебе посчастливилось встречаться с ними, да?

Бакро неопределенно пожимает плечами:

— Да, мне приходилось видеть такое, что не поддается никакому логическому объяснению, — признается он. — Кроме того, мне попадались на жизненном пути люди и

звери, которые в действительности представляли собой нечто большее, чем казались. Внешность обманчива.

Я бросаю быстрый взгляд на Розу.

— Жаль, что она не умеет разговаривать, — вздыхаю я. — Тогда мы смогли бы объяснить ей, что поездка верхом на ее спине означала бы только дружескую помощь. Никто ее при этом унижать или обижать не собирается. Это не порабощение и не каторга. А нам бы это очень пригодилось. Ну, что ей стоит прокатить нас?

— А вдруг она все прекрасно понимает, — отвечает Бакро, — но предпочитает не помогать нам именно таким образом?

— Но она тебе обязана. Она твоя должница, ведь ты подарил ей свободу и избавил от жестоких хозяев.

— Нет, — мотает головой Бакро. — На моем месте так поступил бы каждый. Вернее, так *должен* был бы поступить каждый, кто столкнулся с несправедливостью. Вот почему она мне ничего не должна.

Когда до меня доходит смысл его объяснений, я начинаю чувствовать себя неуютно из-за того, что вообще подняла эту тему. Чтобы избавиться от неловкости, я напоминаю ему:

— Ты, кажется, собирался рассказать историю про моего дядюшку.

— Про Ласло и Джоджи Вуд — твоих отца и дядю. — Он замолкает на секунду, и я киваю, давая понять, что знаю, о ком он говорит. — Они осиротели очень рано, а потому выросли диковатыми. Когда умерли их родители, малышкой взяла к себе пожилая тетюшка, сестра бабушки по материнской линии из рода Ловелл. Но они прожили у нее недолго. Если не ошибаюсь, она была чересчур строга с ними. Она жила в одном и том же месте и никуда не переезжала. Что же касается путешественников и лесничих, то она не имела к ним ни интереса, ни уважения.

— Вот-вот, этим-то все и закончилось. По крайней мере, что касается моих родителей, — киваю я, вспоминая, какие они нудные обыватели.

— Я думаю, что ты могла бы проявить чуточку терпения и относиться к их привычкам с юмором.

— Легко говорить! Сам бы попробовал пожить с такими родителями.

Бакро улыбается:

— Нет уж, спасибо большое.

— Так что же там произошло? — я возвращаю его к прерванному рассказу. — Почему мой отец так резко изменился?

— Причина банальная. Несчастный случай. Кстати, твой отец был настоящим храбрецом по сравнению со своим братцем. В те далекие дни он был готов отправиться в любое путешествие, полное риска и неизвестности. Вот какой он был, Ласло Вуд. Про его приключения можно написать целую книгу. А в какие только истории он не вляпывался! Джоджи, конечно, в смелости тоже нельзя было отказать, но, когда дело доходило до неоправданного риска, он проявлял благоразумие и осторожность. Как-то раз они познакомились с одним малявкой по имени Ренни Катер и стали дружить втроем. Эта веселая компания одно время обладала кукольной мебелью, шиковала и жила тем, что ремонтировала предметы быта для домовитых.

— И все же мне трудно поверить в то, что ты рассказываешь, — признаюсь я.

Бакро бросает на меня недовольный взгляд.

— Молчу-молчу, — тут же добавляю я. — Уже и сказать ничего нельзя... Продолжай, пожалуйста.

— Спасибо за разрешение.

Я устраиваюсь поудобнее на соломенном ложе, положив локти на его жестковатую поверхность, и слушаю увлекательный рассказ.

* * *

— В общем, бизнес у этой троицы шел довольно хорошо. Можно сказать, что они процветали. Вещи тогда делали не из пластика и прочей ерунды, как сейчас. В те дни еще существовала настоящая деревянная кукольная мебель, сделанная мастерами-краснодеревщиками. Горшки и сковородки использовались не только в декоративных целях, на них действительно готовили еду. Сейчас такие предметы можно найти разве что в музеях или частных коллекциях, владельцы которых дрожат над каждым своим экспонатом. Они-то сразу увидят, когда у них пропадет хоть одна ложечка. С каждым годом малявкам становилось все сложнее приспосабливаться к переменам в жизни. Особенно это касается тех малявок, которые обзаводятся домашней утварью самостоятельно, без посторонней помощи.

Но я отвлекся. Итак, в один прекрасный день наша троица подружилась с мальчиком-верзилой. Ренни протестовал против такой дружбы, но братья Вуд ему воспротивились. Особенно возмущался твой папочка — Ласло Вуд. Кстати, он первым познакомился с этим верзилой и потому больше всех настаивал на тесных отношениях с ним. Внезапно у наших малявок появилось все, о чем раньше они только мечтали. Включая, между прочим, и безопасность. Мальчик обеспечивал их всем, что только они могли пожелать. Он носил им всевозможную еду: пирожные и печенье, жареное мясо, сыр, хлеб и даже деликатесы с праздничного стола своих родителей. Впрочем, делать это ему было нетрудно. Пропажу с кухни крохотных кусочков еды никто не замечал, зато малявки могли пировать по-королевски хоть каждый день.

Отец у мальчика был доктором, а у его двух старших сестер оставалось со времен их детства с полдюжины кукольных домиков, которые давным-давно перенесли на чердак, после чего об их существовании благополучно позабыли. У малявок появилось роскошное жилье, каждый из них обладал собственным коттеджем и множеством игрушек, с которыми весело проводить время. У них было трудное детство. Даже можно сказать, что из-за постоянных лишений они вообще его не имели. А теперь им на голову свалилось такое счастье: у них было все, да еще и верзила, выступающий в роли не только товарища по играм, но еще и защитника.

Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Так произошло и в нашем случае.

Дждджи и мальчик как-то раз играли в футбол на письменном столе верзилы. В наше время для этой игры использовали сухую горошину и просто отмечали границы воображаемых ворот. Но у мальчика нашелся настоящий мячик. Верзила «бил» по мячу пальцем, стараясь попасть в «ворота» Дждджи, а тот должен был отбить мяч ногой, отражая атаку противника.

Как все случилось, точно не знает никто. Может быть, мальчик слишком сильно запустил мяч или Дждджи стоял слишком близко к краю стола. Скорее всего, нужно принять во внимание и то, и другое. Как бы там ни было, но Дждджи после этого удара свалился со стола и, упав на пол, сломал себе шею. Погиб он мгновенно.

Двое оставшихся в живых малявок замерли от ужаса и не могли пошевелиться. Мальчик тоже перепугался, но при этом способности передвигаться не потерял. И прежде чем Ласло и Ренни смогли раскрыть рты и обсудить, что им делать дальше, мальчик схватил мертвого малявку с пола и рванул вместе с ним прямо в кабинет отца, горько плача и прося его о помощи.

Конечно, он только хотел, чтобы все было хорошо. Он никому не желал зла, хотя Дждджи уже никто не смог бы помочь. Но никто не рассчитывал на то, что мертвое тело бедняги Дждджи попадет в руки верзилам. Особенно врачу, с его прирожденной любознательностью и желанием во что бы то ни стало докопаться до истины.

Можешь себе представить, что творилось в доме доктора тем вечером.

Спасти Дждджи доктор, естественно, не мог, так как тот уже скончался. Внимательно изучив крохотное тельце малявки, доктор не придумал ничего лучшего, как уложить его в полиэтиленовый пакет и поместить в морозильную камеру холодильника, чтобы сохранить ткани тела. Потом врач обратил все внимание на сына, засыпав его вопросами. Откуда взялся

этот человечек? Как долго он находился в их доме? Есть ли где-нибудь поблизости такие же человечки, но только живые?

Крик стоял жуткий. Отец мучил мальчика, а тот только плакал и отнекивался. Дело кончилось тем, что мальчик был отослан в свою комнату, но отец недвусмысленно пообещал «выяснить все до конца завтра утром, иначе будет плохо». Чуть позже двое оставшихся в живых малявок услышали, как доктор говорил супруге о возможности взлета по карьерной лестнице из-за этой удивительной находки. Он намеревался на следующий же день перенести тело из морозильной камеры в университетскую лабораторию. Там он собирался расчленить его и препарировать, причем предполагалось, что каждый этап его работы будет сфотографирован и официально задокументирован.

Ласло понял только половину из услышанного, но он знал одно: его брат должен быть похоронен так, как полагалось каждому малявке, тайно и с почестями. Вот только как достать его тело из морозильной камеры? Трудно представить себе место, куда не мог бы добраться отчаянный малявка. Но морозильная камера с тяжелой дверцей, да еще и расположенная так высоко, в верхней части огромного агрегата, оказалась недостижимой. Если бы у них было время подумать, они, конечно, смекнули бы, как им поступить. Но все дело заключалось в том, что времени у них практически не оставалось.

— Мы должны заставить мальчика выкрасть его, — заявил Ренни.

Ласло с мрачным видом кивнул, выражая молчаливое согласие.

Они выждали, пока все в доме заснуло, потом прокрались в спальню к мальчику и все ему объяснили. Надо отдать должное этому верзиле: он осознал свою глупость и потому был готов нести за нее полную ответственность. Он, конечно, прекрасно понимал, какие неприятности ждут его утром. Тем не менее он спустился в кухню, аккуратно извлек тело Джоджи из морозильной камеры и передал его малявкам.

Пока мальчик провожал малявок до выхода, он все время просил у них прощения. Но Ласло не мог его успокоить, потому что был погружен в свое горе, а Ренни — потому что с самого начала был категорически против дружбы с верзилой. Малявки исчезли на заднем дворе, не произнеся ни слова и даже ни разу не оглянувшись.

Они похоронили Джоджи в надежном укромном местечке. После этого случая пути-дороги Ласло и Ренни разошлись.

О судьбе мальчика я ничего не знаю.

* * *

На этом он замолкает, и долгое время мы с ним не произносим ни слова. Я задумываюсь над услышанным. Эта история теперь объясняет мне, почему мой папа всегда нервничал, когда я заговаривала о возможном контакте с верзилой. Но почему бы ему просто не рассказать мне о том, что случилось много лет назад? Может быть, ему стоило посвятить нам с братом немного времени и открыть часть семейной истории? Мне до сих пор не верится, что у меня когда-то был родной дядюшка, о котором я раньше ничего не знала.

— Откуда тебе известна эта история? — спрашиваю я.

Бакро пожимает плечами:

— Мне рассказал ее тот самый Ренни Каттер, который был приятелем твоего отца и покойного дяди. Когда-то давно мы вместе с ним путешествовали целых два сезона. Кстати, он же поведал мне и о знакомстве Ласло с дочерью Любы Фахер и об их свадьбе. А уже потом они выбрали для себя оседлую жизнь и стали самыми настоящими домовитыми.

Кстати, моя бабушка Люба относится к тем родственникам, о которых в семье предпочитали не вспоминать. Мы с Тэдом знали лишь ее имя, а больше ничего.

— Значит, моя бабушка тоже была путешественницей, да? — задаю я очередной вопрос.

Бакро кивает:

— Семейство Фахер — известные путешественники. Твои родители никогда ничего не

рассказывали про нее?

— Они иногда произносили ее имя. Правда, с таким выражением, будто с ней произошло что-то очень страшное, а когда я начинала их расспрашивать, они тут же меняли тему разговора.

— Да, трагедия действительно имела место, — подтверждает Бакро. — Но только в отношении твоих родителей. Люба так и не согласилась жить вместе с ними и стать домовитой.

— Так, получается, что она жива до сих пор?

— Вполне возможно. В последний раз я видел ее в полном здравии, а после этого ничего про твою бабулю не слышал.

— Теперь мои родители снова превратились в путешественников.

— Ну, до этого дело не дойдет, как мне кажется, — успокаивает меня Бакро. — Наверняка они уже подыскивали себе подходящий дом и спокойно обживают его.

— А ты бы мог найти их?

— Можно поспрашивать по округе, — предлагает он. — Кто-то должен был видеть, как они заселяются. Но мне показалось, что ты намереваешься вернуться в дом к своей подруге.

— Уже нет. Только не надо делать такой самодовольный вид, — прошу я, замечая его усмешку. — Я так решила совсем не потому, что ужаснулась твоей истории и сделала вывод, что с верзилами нельзя дружить.

— Но ты все же хочешь отыскать родителей.

Он не понимает, какое огромное значение имеет для меня новая информация. Мои родители меня всегда только раздражали. Теперь я тоже сержусь на них. За то, что они скрывали историю семьи. Теперь я понимаю, почему меня и Тэда всегда тянуло путешествовать. Оказывается, это у нас в крови. И родители обязаны были рассказать нам о дяде. Тогда бы мы поняли, почему они так недоверчиво относятся к верзилам. А вместо этого на каждый наш вопрос они отвечали неизменной фразой: «Потому что это говорим мы».

— Я думаю, что настанет время, когда мне действительно захочется найти их, — задумчиво бросаю я. — Но не сейчас, еще слишком рано.

Бакро гладит Розы по спине, но его взгляд устремлен на меня.

— Что же ты намерена делать дальше? — спрашивает он.

— Я хочу поговорить с Шери Пайпер.

— С той писательницей, о которой ты мне рассказывала?

Я киваю.

— А почему ты хочешь с ней поговорить? — не отступает он.

Он молчит, но про себя наверняка думает: «Неужели ты так ничего и не поняла? Она ведь верзила, значит, автоматически становится для тебя опасной». Я игнорирую скрытую часть нашей беседы и объясняю:

— Поначалу я решила, что она поможет мне отыскать других малявок. Но потом...

— Что же изменилось потом? — интересуется он, когда я внезапно замолкаю.

— Ты когда-нибудь слышал о том, что малявки должны учиться снова превращаться в птиц? А потом опять в малявок? Нет?

Он улыбается, и я понимаю, что мои слова звучат для него забавно. Я узнала про это от Ти-Джей, а она, в свою очередь, прочитала в книге Шери Пайпер. Скажем прямо, источник информации не слишком надежный. И все-таки... Если сам Бакро советует мне не делать поспешных выводов насчет волшебных маленьких существ и духов-оборотней... тогда почему бы не поверить и в эти превращения?

— Ты считаешь, что это невозможно?

— В городе всегда рождаются самые разные истории и легенды, — поясняет Бакро. — Эту я уже слышал. Есть еще одна: будто существуют малявки, которые дрессируют крыс, а потом разъезжают на них, как на верховых лошадях.

— И эти слова я слышу от парня, который только что убеждал меня в существовании

фей.

— Я этого не говорил. Я только рекомендовал тебе научиться правильно оценивать подобные рассказы.

— А тебе самому эта идея разве не нравится?

Он вздыхает, потом нехотя кивает:

— Забавная мысль, но я готов подумать на эту тему. В конце концов, считается, что мы все произошли от птиц. Почему бы нам не научиться превращаться в них опять?

Несмотря на его слова, я не могу поверить ему. Он долгое время смотрит на меня, потом говорит:

— Значит, ты собираешься отправиться в город, чтобы отыскать этих летающих малявок.

— Совершенно верно.

— Ну, в этом я не смогу тебе помочь.

— Не сможешь или не будешь помогать?

— Я не захожу в город, это слишком опасно для малявок. Там очень мало мест, где можно спрятаться, вокруг один бетон и сталь. Все имеющиеся падежные убежища уже давно заняты кошками и крысами. Кроме того, там очень ярко светит луна, и вообще полно всяких других неудобств.

— Но я все равно пойду туда.

— Я могу проводить тебя кое к кому, кто поможет отыскать безопасный путь. Хотя лично я не рекомендую делать этого.

* * *

«Кое-кто», упомянутый упрямым Бакро во время разговора, оказывается женщиной по имени Мина. Бакро не собирается знакомить меня с ней, а просто объясняет, как мы сможем разыскать ее. Всю ночь мы путешествуем по полям и канавам и наконец подходим к старому фермерскому домику, стоящему чуть в стороне от торгового центра и жилых кварталов. Поначалу он кажется здесь совершенно неуместным, и только потом начинаешь понимать, что как раз этот домик и стоял здесь всегда, и лишь потом рядом с ним было выстроено все остальное.

Я нервничаю во время всего пути, хотя рядом с нами постоянно находится Роза. Она охраняет нас и все время что-то нюхает, как это умеют делать только собаки. Но все проходит довольно спокойно: ни кошек, ни лис, жаждущих съесть нас, поблизости не обнаруживается.

Бакро подводит меня к какой-то трубе, лежащей в канаве.

— Залезай туда, — инструктирует он меня, — и спокойно иди до самого конца. Там ты увидишь что-то вроде двери, рядом будет висеть шнур. Дернешь за него, зазвонит колокольчик, и Мина услышит тебя.

Я с сомнением смотрю на черную дыру трубы.

— Ни о чем не волнуйся, — успокаивает меня Бакро. — Там чисто и сухо, и труба идет все время прямо, так что заблудиться тебе негде. К тому же у меня имеется фонарь, — добавляет он.

Он снимает со спины рюкзак, кладет его на землю и начинает копаться в его содержимом.

— Разве ты не пойдешь со мной? — интересуюсь я.

Он отрицательно качает головой.

— А почему?

— Я же не городской малявка, — после долгой паузы поясняет Бакро. — У меня не хватит нервов постоянно быть начеку, не позволять себе ни на секунду расслабиться. Нет, я этого не выдержу. В городе всегда кто-то не спит. Всегда кто-то за тобой наблюдает.

— Но малявки все-таки живут здесь.

Он кивает.

— И всегда жили. Но мы отличаемся: есть городские малявки, а есть деревенские. И, кстати... — Он колеблется, потом добавляет: — Мы особо не общаемся друг с другом.

— Так как насчет идеи о том, что малявки могут превращаться в птиц? — напоминаю я. — А вдруг она окажется правдой? Но ты об этом можешь никогда не узнать, потому что ты не общаешься с ними, а они, в свою очередь, с тобой.

— Если бы такое было возможно, — задумчиво произносит он, — тогда... да, они, скорее всего, не торопились бы поделиться этой новостью с нами.

Значит; если бы произошло такое грандиозное событие, городские и деревенские малявки не сообщили бы об этом друг другу?!

Я только качаю головой, но я и не думала разубеждать его. С какой стати? Наверное, у каждого есть что-то такое, в чем он по-глупому упорно уверяет себя. А с упрямыми очень трудно спорить и переубедить их невозможно.

Поэтому я просто благодарю его:

— Спасибо тебе. За все спасибо.

Он снова кивает мне в ответ.

— Желаю удачи, — говорит он напоследок.

После этого они с Розы трогаются в обратный путь, а я остаюсь одна возле туннеля, который ведет к дому Мины.

Все оказывается не так плохо, как я вообразила себе. Сделав несколько шагов по трубе, я осознаю, что здесь действительно сухо и даже уютно. Может быть, чересчур уютно, потому что очень скоро я понимаю, насколько тут душно. Луч света от фонарика Бакро выхватывает из темноты корни растений, проросшие через верх и стенки трубы, а в одном месте мне пришлось даже немного потрудиться, чтобы пробраться через них. Но довольно быстро я приближаюсь к концу трубы, где действительно нахожу деревянную дверь, о которой говорил Бакро. Рядом с ней висит веревка, о чем он тоже предупредил меня.

Я тяну за нее, и где-то вдали раздается звон колокольчика.

Потом я просто стою и жду (проявляя огромное терпение, что для меня совсем не характерно). И вот когда терпению приходит конец и я уже собираюсь потянуть за шнур во второй раз, с той стороны двери раздаются какие-то звуки. Я слышу, как отодвигается засов, после чего дверь распаивается, и поток света проникает в туннель.

— Добро пожаловать, — слышу я женский голос.

Вот так я познакомилась с Миной.

Это миниатюрная сухонькая женщина. Ее даже верзилой не назовешь, она раза в два меньше Ти-Джей. И все же Мина определенно не малявка. При ходьбе она пользуется палкой и сильно сутулится, но даже если бы она выпрямилась во весь рост, то была бы немногим выше метра. Глаза у нее большие и круглые — как у героев японских мультфильмов, да к тому же ярко-голубые, как мне показалось при первой нашей встрече. Лицо у нее избороздили морщины, просто не кожа, а схема неведомых маршрутных линий. Никогда еще не видела, чтобы на лице умещалось такое громадное количество морщинок. Но при всем этом она не выглядит старой. Ну, я надеюсь, вы меня поняли. Даже если внешне она и старая, но дух у нее очень даже молодой.

— Кто же рассказал тебе про меня? — спрашивает она чуть позже, уже после того, как мы с ней познакомимся.

Мы находимся на кухне. Пожалуй, это самая большая комната в ее квартире. Она занимает почти всю заднюю часть дома. В середине стоит огромная железная печь, по стенам расположились деревянные буфеты, и повсюду развешаны сухие травы. Сама она сидит за столом, у которого наполовину отпилены ножки, чтобы ей было удобней. Но для меня, конечно, он все равно очень высокий. Поэтому я сижу на самом столе на удивительно удобном стульчике, который, по словам Миной, она смастерила сама.

Долгое время я колеблюсь, потом, наконец, набираюсь храбрости и выдаю:

— Один парень по имени Бакро.

Мина улыбается:

— Он такой забавный! Он прекрасно осведомлен о том, что я знаю о вашем существовании, но при этом считает, что пока мы с ним не встретились, это можно назвать неправдой.

Я киваю, чтобы показаться вежливой и воспитанной. Конечно, Бакро — весьма своеобразный тип, но он здорово помог мне. Поэтому я не собираюсь сидеть и перемывать ему косточки с верзилой. Конечно, Мина не совсем похожа на верзилу в прямом смысле этого слова. Но, так или иначе, она все равно остается ей.

— Наверное, у него есть на то веские причины, — осторожно предполагаю я.

Мина кивает:

— Вне всяких сомнений. Но, какими бы они ни были, он ими ни с кем не делится. Так что же тебе нужно от меня, Элизабет Вуд?

Я пересказываю ей все то, что уже поведала Бакро, только в более сжатой форме. Я не посвящаю ее в свои отношения с родителями, не упоминаю и о неудачных попытках уйти из дома и стать дика... простите, лесничей. Впрочем, какая разница, как вы их назовете, смысл остается прежним. Я до сих пор путаюсь в том, как кого называть.

— Да-а... — задумывается Мина, выслушав мой рассказ. — Интересно, а ты имеешь какое-нибудь отношение к Вудам из племени Кальдевен?

— Что-что?

— Это старинный род городских малявок. Существует поверье, что Дженки Вуд заключил сделку с верзилой и рассказал ему очень многое из жизни малявок, в том числе и про крылья и свободу. Я не очень поверила в это, восприняв все как сказку, которую можно рассказывать гостям за кухонным столом. Впрочем, я мало общаюсь с городскими малявками. Если не ошибаюсь, верзила из той легенды был писателем.

— Значит, вы все же не исключаете, что это правда?

Мина улыбается и пожимает плечами:

— Что я могу сказать? Я никогда не видела, чтобы малявка превращался в птицу или наоборот, раз уж на то пошло. Но как-то раз мне пришлось наблюдать, как лисица превратилась в рыжеволосого юношу прямо у меня на поле. Вот почему я не могу сказать, что это невозможно.

— Вы и в самом деле это видели? — удивляюсь я.

— Точно так же, как я сейчас вижу тебя за столом, — подтверждает Мина.

Я подаюсь вперед, упершись локтями в колени.

— А он вас заметил? Вам удалось с ним поговорить? А что он стал делать потом?

— Нет, у меня не было возможности даже переброситься с ним парой слов. Он сел в подъехавший автобус и отправился в город.

— Как бы мне хотелось посмотреть на нечто подобное!

Мина улыбается:

— Тут ничего особенного не было. Он зашел в автобус точно так же, как это делают все остальные люди.

— Да нет же, я не то имела в виду... Но вы меня понимаете.

— Конечно. Это было восхитительно. Такие воспоминания лучше золота. Они сияют, они прекрасны, они ни с чем несравнимы всякий раз, когда вы снова и снова «пересматриваете» их своим мысленным взором.

— А вы не могли бы познакомить меня с этим Дженки Вудом? — прошу я.

Но она только отрицательно качает головой:

— Я даже не вижу с городскими малявками, им не нужна моя помощь. Это вы, деревенские жители, частенько звоните мне в дверь.

Никогда не считала себя деревенской, но, наверное, она видит меня именно такой.

— Значит, вы и мне не сможете помочь? — разочарованно произношу я.

— Я этого не говорила. Я могу познакомить тебя с Крысоловом, а уж он сделает для тебя все. Не исключено, что он сумеет разыскать для тебя кого-нибудь из Вудов. Может

быть, даже самого Дженки.

Я долгое время смотрю на нее, не зная, что сказать.

— Как же так получается, — наконец начинаю я, — что меня все почему-то передают один другому?

— Именно так все и происходит в нашем большом мире, Элизабет. Нужно найти именно того, кто сумеет помочь в каждом отдельном случае. Это совсем не так, как в крошечном мире малявок, где все знают друг друга, потому что живут малюсенькими общинами, практически в изоляции.

Мне хочется рассказать ей, что мы не такие уж замкнутые. Кстати, я ведь сбежала из дома. И мы совершенно не изолированы ото всех остальных. Просто малявки могут жить лишь тем, что сумеют раздобыть в доме, где обитают, вот почему мы селимся семьями, а не большими общинами. Когда был выстроен наш дом, в нем жило много верзил. Там можно было раздобыть огромное количество еды, поэтому туда заселилось сразу три семейства малявок. Но потом хозяева дома уехали, их место заняла пожилая пара, и двум семьям малявок — Томасам и Картелям — пришлось подыскивать себе другое жилье. Мы остались только потому, что заняли этот дом первыми.

Потом там появилась Ти-Джей со своими родственниками, и еды снова стало так много, что можно было бы приютить и других малявок. Но это вопрос спорный, конечно. Сейчас в доме пусто, но малявки, подыскивающие себе приличную квартиру, вряд ли поселятся там. Я думаю, мои родители оставили после себя тайные сообщения о том, что это место гиблое и небезопасное для малявок.

Вместо того, чтобы поделиться своими мыслями с Миной, я спрашиваю ее:

— А вот этот Крысолов... он, что же, на самом деле ловит крыс, а потом, как бы это лучше выразиться, ездит на них верхом, да?..

— Как ковбой на родео, объезжающий диких скакунов? — Мина отрицательно покачивает головой и улыбается. — Вряд ли, хотя я тоже слышала рассказы о малявках, катающихся на крысах. Но Крысолов — не малявка. — Она довольна моей растерянностью и, выждав несколько секунд, словно разжигая мое любопытство, добавляет: — Но он и не верзила.

Я настораживаюсь, и мне кажется, что она говорит о самой себе.

— Тогда кто же он такой? — спрашиваю я.

— Он гном.

При этих словах лицо у меня так забавно вытягивается от изумления, что Мина не выдерживает и начинает хохотать.

— Не удивляйся, — успокаивает она меня, немного отдышавшись. — Маленькие существа, наделенные волшебной силой, — феи, эльфы, гномы и другие, встречаются гораздо чаще, чем думают многие.

— Но...

— Но что?

— Они же вымышленные, ненастоящие.

— То же самое можно сказать и о малявках.

— Наверное.

Я внимательно смотрю на нее, размышляя над услышанным, и спрашиваю:

— Значит, вы и есть гном?

Она снова хохочет.

— Вряд ли. Я просто очень маленькая верзила, которая — так уж получилось — живет в сказочном волшебном мире, полном малявок, гномов и так далее. Но самое главное заключается в том, что малявки и маленькие волшебные существа спасли мне жизнь. Я родилась крошечной, лысой, краснолицей, с тоненькими конечностями, как ножки у паука. Моя родная мать выкинула меня в мусорный бак. Это произошло буквально через несколько минут после моего рождения.

— Какой кошмар!

— Подобное, к сожалению, происходит не так уж редко. Люди довольно легко выбрасывают все, что им не нужно. Но моя история имеет счастливый конец. Меня нашел один малявка. Он, в свою очередь, отыскал фею, которая была к тому же и повивальной бабкой. Она забрала меня к себе и воспитала как собственную дочь. Я ни в чем не нуждалась всю жизнь. Единственное, чего мне не хватало, так это человеческого общения. Правда, привлекательной меня не назовешь, так что со мной и общаться-то никто бы не стал.

— Я вряд ли назвала бы это счастливым концом.

— Все зависит от того, с какой стороны посмотреть. Никто не пронзал меня тысячами игл дикобраза, я не варилась в котелке над очагом у гоблина и не жарилась на вертеле. Меня не сажали в ящик так, чтобы торчала одна голова, или же... в общем, меня не постигла печальная участь, грозящая брэнному телу. А ведь это случается, если вовремя не проявлять исключительную осторожность.

Между прочим, я даже не могла представить себе ничего из тех ужасов, которые она только что перечислила.

— Я полагаю... — начинаю я и сознаю, что понятия не имею, как продолжить фразу.

— Но хватит обо мне, тебе этого совершенно не нужно знать, — отмахивается Мина. — Лучше подумаем, как поскорее найти Крысолова.

Это не совсем так. Мне очень даже интересно послушать ее историю. Хочется узнать все и о ее жизни, и о маленьких существах, наделенных волшебными силами, и о том чудесном мире, на который Мина до сих пор только осторожно намекала. Наверное, это в моей крови, ведь я же сама малявка. Между прочим, тот телевизор, который мы с Тедом отыскивали в старом гараже верзил и перетащили к себе, сыграл важную роль в нашей жизни. До этого мы ничем не отличались от всех остальных малявок и обожали слушать всевозможные рассказы, сказки и легенды. Причем, чем длиннее была эта сказка, тем лучше для нас.

Но вот что особенно грустно. Наткнувшись на неиссякаемый источник интересных историй, я не могу силой выуживать их из Миной. Она права. Для меня сейчас важнее отыскать Крысолова, чтобы он помог мне встретиться с летающими малявками. И тут впервые я начинаю верить, что все это вполне реально. Возможно, где-то там, в городе, действительно живут малявки, научившиеся превращаться в птиц, а потом снова в малявок.

— Только скажите мне, что его будет не очень сложно найти, ладно? — прошу я Мину.

Она согласно кивает:

— Сегодня воскресенье, значит, он будет на рынке. Он всегда проводит там выходные.

— На рынке? На Ли-стрит? — настораживаюсь я.

В новостях по телевизору часто показывали репортажи в прямом эфире с рынка на Ли-стрит, так что я примерно представляю себе это место.

— Скорее, он находится *под* Ли-стрит, — уточняет Мина. — Это ведь рынок гоблинов. Но ты не беспокойся, их там не очень много. А те, которые туда приходят, ведут себя вполне прилично.

Наверное, лицо мое выражает крайнее недоумение, поэтому она поясняет:

— Торговое перемирие, понимаешь?

Но я ничего не понимаю. Я чувствую себя так, как Плинки Дур, пытающийся выяснить у таинственного ежа Тамалана, куда ему нужно идти. Тот говорит исключительно загадками, да еще при этом переворачивает все слова задом наперед. Я всегда подозревала, что мир гораздо больше, чем может себе представить малявка. Особенно если принять во внимание верзил с их бесконечным строительством домов и дорог, с постоянным увеличением количества машин и всякой другой техники. Но я и вообразить не могла, насколько он может быть непонятным и загадочным.

— Да не волнуйся ты так, — пытается успокоить меня Мина. — Я же не посылаю тебя туда, не знаю куда, и не прошу принести то, не знаю что.

Я киваю из вежливости, хотя понятия не имею, что она хочет этим сказать. Иногда мне начинает казаться, что лучше бы я осталась с Бакро, а он помог бы мне добраться до дома

Ти-Джей.

* * *

Мина везет меня в центр города. Сначала мы едем на автобусе, потом на метро. Я путешествую в плетеной сумке-переноске для мелких домашних животных.

Это несколько унижительно, но тут гораздо удобней, чем в плюшевом мишке внутри рюкзака Ти-Джей. Кстати, история с плюшевыми игрушками для меня еще не закончилась. Моим соседом по сумке становится весьма реалистичный персидский кот в натуральную величину.

— Понимаете, — осторожно начинаю я, осваиваясь внутри переноски, — никто не поверит, что ваш кот живой. Он сделан, конечно, очень похоже, но он же не шевелится.

— Я с тобой согласна, — кивает Мина. — Но когда люди смотрят на меня, то видят лишь выжившую из ума сгорбленную старушенцию, поэтому никто не удивится, заметив, что я несу сумку с плюшевой игрушкой внутри. Или ты предпочитаешь прокатиться в моем кармане?

— Нет, меня все устраивает.

Как я уже говорила, в сумке довольно удобно. Конечно, я чувствовала бы себя намного комфортнее, если бы Мина не щебетала со мной беспрестанно и когда мы ехали в автобусе, и когда ждали поезд в метро, и в самом поезде. Поглядывая сквозь прутья сумки, я прихожу к выводу, что она совершенно права. Люди лишь мельком смотрят на нее и тут же отводят взгляд, делая вид, что вообще не замечают странную старушку. Мне очень хочется послушать ее рассказы. Кто знает, когда нам представится еще возможность встретиться и поговорить? Может быть, никогда.

Она рассказывает, что ее дом поначалу принадлежал фермерам. Потом земли пошли под строительство жилых кварталов и всевозможных магазинов, торгующих в розницу. Последними хозяевами этого дома были домовые, а сам он предназначался для того, чтобы в нем находили приют всевозможные феи, эльфы, гномы, малявки и все те, кто не относится к верзилам. Кстати, домовые здесь сами не жили, а служили посредниками между людьми и волшебными существами. Когда умер последний человек, присматривавший за домом, фея, приемная мать Мины, предложила ей переехать туда.

С тех пор Мина там и живет.

— Значит, когда вы рассказывали мне о том, как лиса превратилась в юношу, для вас это не было чем-то значительным, а так, пустяком, да?

— В этом деле пустяков не бывает.

Она наклоняет голову и смотрит на меня через плюшевого кота.

— И неважно, какого размера это волшебное существо, большое оно или крохотное, — они все уникальны.

— Ну, вы поняли, что я имела в виду.

Она кивает и снова выпрямляется.

— Конечно, — отвечает Мина. — Но я никогда не устаю от волшебных существ и готова встречаться с ними снова и снова, ведь каждая такая встреча — это настоящее чудо, и я испытываю восторг и удивление, как будто вижу все это впервые.

Поезд подходит к следующей станции, и тут выясняется, что времени на разговоры больше нет, потому что это наша станция. Я хватаюсь за кота, а Мина поднимает сумку со скамейки и выходит из поезда.

По Ли-стрит Мина некоторое время идет пешком, затем ставит сумку на асфальт в начале какого-то переулка. Я высовываю голову наружу, и Мина указывает мне на крошечную металлическую дверь в кирпичной стене прямо перед нами. Я точно не знаю, из чего она сделана, наверное, из меди или латуни. На ней красивыми буквами выгравировано «Рынок».

— По другую сторону двери начинается лестница, — поясняет Мина. — Иди по ней, и

ступени приведут тебя в самую гущу рынка гоблинов.

Я смотрю сквозь прутья, но люди, похоже, не обращают внимания на старушку, сгорбившуюся возле своей сумки и мирно беседующую с плюшевой игрушкой. Отсюда я делаю вывод, что они не станут смотреть и на меня, если я быстро выскочу и юркну в эту дверь. Скорее всего, они даже ничего не заметят, поскольку никто из них не ожидает увидеть тут девочку ростом в пятнадцать сантиметров. Им покажется, что пробежала крыса, или промелькнул голубь, или что-то еще в том же роде.

Я снова внимательно смотрю на дверь.

— А что там за ступеньки? — волнуюсь я. — Они сделаны для малявок? — Мне даже страшно представить свой путь по ступеням, предназначенным для верзил. Это получится не путешествие, а сплошная гимнастика с подтягиваниями и прыжками.

Мина улыбается:

— Это волшебные ступени. Они годятся для всех и сами подделываются под рост того, кто идет по ним. Так же, как и эта дверь — она ведь тоже волшебная.

Она кивает в сторону прохожих.

— Ты думаешь, они видят ее?

— Я об этом как-то не задумывалась.

— Для них она остается невидимой. А вот лично я сейчас вижу дверь, в которую легко пройдет такая женщина, как я.

«Вот оно — началось! — восторженно думаю я. — Настоящее волшебство. Оно совсем близко, и я могу прикоснуться к нему».

Я чувствую, как мурашки бегут по спине.

— Павильон Крысолова найти легко, — продолжает Мина. — Доверься своему носу и иди туда, где пахнет самыми вкусными плюшками на свете.

— Так он пекарь?

— Самый лучший среди волшебников и простых людей.

— Тогда почему же его зовут Крысолов?

— Об этом тебе придется спросить его самого, — загадочно произносит Мина. — А теперь возьми вот это.

Она протягивает мне монетку, похожую на один цент, но я не тороплюсь брать ее. Во-первых, для меня это большая тяжесть, которая сразу пригнет меня к земле. Во-вторых — что можно купить на один цент? Я, конечно, не очень много знаю о мире, раскинувшемся за пределами дома, но уверена: на один цент ничего не приобретешь.

— Не усложняй ситуацию и не глупи, — говорит Мина, словно ей известны все мои мысли. — Это волшебная монетка. Бери ее.

Я протягиваю сразу обе руки, приготовившись принять вес этой денежки, но когда монета попадает ко мне в ладони, она становится маленькой, как будто специально изготовленной для малявок. Я удивленно таращусь на нее.

— Это тебе на тот случай, если понадобится заплатить Крысолову за его помощь, — поясняет Мина. — Ты отдашь ее только ему. Если захочешь использовать ее иначе, прошу: сначала подумай хорошенько. Одним словом, поступай разумно.

— А она... стоит очень много?

— Она стоит ровно столько, сколько стоит, — смеется Мина. — Ни больше, ни меньше.

— Потому что она волшебная.

— Кажется, ты начинаешь кое-что понимать.

— Но она не превратится вдруг в сухой листик или кусочек глины?

Мина снова хохочет:

— Ну и фантазия у тебя!.. Теперь иди, а то здесь может появиться какой-нибудь слишком наблюдательный и любопытный верзила. И если он заметит, с кем я разговариваю, хлопот нам не избежать.

Сделав шаг к двери, я оборачиваюсь.

— Спасибо, Мина, — говорю я. — За все. Не знаю, как я смогу отплатить за ваши старания.

— Сделай добро тому, кто в этом нуждается, — отвечает она. — Лучшей оплаты мне не нужно.

— Обязательно сделаю.

— И вот еще что: со всеми волшебными существами обращайся вежливо и уважительно. Помни: совершенно неважно, как они выглядят и как себя ведут. Они могут даже оскорбить тебя, но ты и на это не обращай внимания. Поняла?

Это был еще один из многочисленных советов, которыми она успела напичкать меня во время нашей поездки. В итоге их оказалось столько, что трудно было запомнить даже половину.

Все же я уверенно говорю ей:

— Я обязательно запомню это.

Я открываю дверь и вижу за ней длинную лестницу с маленькими ступеньками, ведущими глубоко вниз. Я колеблюсь у порога и снова оглядываюсь на Мину. Она кивает мне, и это приободряет меня. Со мной сумка, а монетка надежно спрятана в кармане. Я расправляю плечи, закрываю за собой дверь и начинаю путь вниз по ступенькам.

* * *

Дорога вниз дальняя. Я начинаю считать ступеньки, но сбиваюсь после того, как дохожу до сотни, и решаю, что дело это бесполезное. Лестница прекрасно освещена, но я нигде не вижу ламп. Чем бы ни был этот таинственный источник света, он мне бы здорово пригодился во время путешествий между стенами дома. Интересно, а такие светильники продаются там, внизу, на этом сказочном рынке? Если да, то, значит, там действительно можно приобрести все, что пожелаешь. То есть, если рынок волшебный, там должно быть все, верно ведь? А волшебство существует на самом деле. Вспомните хотя бы про ту крохотную дверь, через которую я попала сюда, потом этот непонятно откуда идущий свет да еще монетку, которую отдала мне Мина — она пока так и лежит в кармане — и которая может сама изменять размеры. Кстати, как и дверь.

Если говорить честно, то у меня есть только одна монетка, предназначенная для Крысолова, поэтому я не могу сказать, что отправляюсь на шопинг в прямом смысле этого слова. И все же...

Проходит какое-то время, и снизу доносятся звуки. Они становятся все громче, но я никак не могу понять, что это все означает, и продолжаю спускаться. Но вот ступеньки заканчиваются, и я оказываюсь на самом рынке.

Это самый настоящий базар. Это смесь тысячи голосов, это звон, бряцание и кляцанье, плюс музыка и бог знает что еще. Весь этот гомон несется вверх, но звуки, как оказывается, ничто по сравнению с открывшейся перед моим взором картиной.

Тот, кто в свое время выстроил этот рынок, скорее всего, своевольно захватил заброшенную станцию подземки со сложными переходами и второстепенными постройками. Потом строители заполнили это место ларьками, палатками и музыкантами. Те, кому не хватило торговых мест, расстилают прямо на полу одеяла и покрывала, разбрасывая на них свое барахлишко.

Я спускаюсь с последней ступеньки и оказываюсь среди таких же созданий, как и я (имеется в виду мой рост). Те же, кто вырос с метр и больше, вряд ли впишутся в эту секцию рынка. Я встречаю тут очень странных существ, ростом в половину меньше моего. Одни из них с крыльями, другие — без. Внешне они похожи на малявок, но только ниже меня, а я никогда не считалась высокой. Есть тут и другие посетители, напоминающие людей, но описать их будет сложновато. Некоторые выглядят так, будто сделаны из палочек и мха, другие имеют части тела зверей, птиц и даже насекомых.

Это не то чтобы дико. Это супердико и никаким определениям не подлежит.

Я уже говорила, что попала на ярус, предназначенный для малявок и им подобных. Уровень, расположенный под ним, отведен для существ больших размеров. Некоторые из них своим видом напоминают людей и, как мне показалось, эльфов. Но остальных даже отдаленно с людьми сравнить нельзя. Можно подумать, что передо мной положили сказочную книгу-атлас волшебных персонажей. Тут есть гномы и хобгоблины, эльфы, феи-козлоноги, полумухи-полулюди, объевшиеся тортами с праздничных столов, и всегда злобные, но ныне спокойные — перемирие все-таки! — таинственные подземные полуадвокаты. Я наклоняюсь вниз, чтобы разглядеть их всех — а тут их очень много! — и у меня начинает кружиться голова от их беспорядочного передвижения. Но тут взгляд мой устремляется еще ниже, и все внутри замирает. Я не могу поверить собственным глазам.

Нижний этаж, тот самый, где располагались бы рельсы, будь это до сих пор функционирующая станция подземки, занят существами столь огромными, что мне удастся рассмотреть их лишь благодаря отдаленному местоположению. Там гордо шествуют огры, тролли, великаны и даже одна прямостоящая свинья с рогами в окружении двух разумных енотов. Если бы я очутилась рядом с ними, то выглядела бы не крупней среднестатистического постельного клопа.

Верзилы кажутся гигантами по сравнению с малявками. Но эти существа, разгуливающие по нижнему этажу, настолько велики, что у меня не хватает слов для описания их размеров.

Я отворачиваюсь от них и переключаю внимание на других посетителей рынка. А их тут такое множество и разнообразие! Источник света, который помог мне спуститься, остается невидимым. Когда я разглядываю пришедших сюда, мой разум отказывается воспринимать их причудливые формы. Я не понимаю и половины того, что вижу здесь.

Я пытаюсь включаться постепенно и воспринимать все понемножечку. Есть тут и то, что для меня постижимо. Это овощи и фрукты, это всевозможные напитки, книги, выпечка, одежда, благовония, сушеные лечебные травы и цветы. Я замечаю сверкающие драгоценности, скорее всего, сделанные из стекляшек, ткани, и прочую ерунду, которой здесь торгуют. Тут можно найти и никому не нужный хлам, например, мотки старой проволоки и пружины из часов, а в воздухе витает аромат вкусной еды, напитков, благовоний и еще табака.

Но, кроме всего, что я уже перечислила, здесь есть и такие предметы, смысл которых мне непонятен. Это маленькие стеклянные шары, наподобие воздушных, но только заполненные жидкостями. Или кабинка, где на продажу выставлена самая обыкновенная пыль. Хотя, возможно, она кажется обычной пылью лишь на первый взгляд.

Но больше всего меня зачаровывают маленькие человечки и крылатые существа, порхающие вокруг них. Два верхних яруса опоясывают пропасть, но большинство покупателей не утруждает себя тем, чтобы обходить ее. Они перелетают с места на место, куда только им заблагорассудится. Некоторые из них забавы ради умудряются при этом выписывать в воздухе кульбиты и пируэты.

Музыканты (а среди них, как среди покупателей и продавцов, встречаются самые разные волшебные существа) располагаются между палатками так, что их музыка не сливается и мелодии не смешиваются одна с другой. Возможно, это место заколдованное. Например, я прекрасно слышу песню, которую исполняет музыкант на лютне рядом со мной, и ее не заглушает шумный современный рок-ансамбль электроинструментов, находящийся неподалеку. Ансамбль играет на совесть, и все те, кто находится в непосредственной близости от него, от души подпевают и пляшут.

Вот еще одна причина, почему я чувствую себя здесь не в своей тарелке.

Мина сказала мне, что я должна довериться своему чутью. Но здесь, как оказалось, вовсе не в одном-единственном месте торгуют свежесдобитыми булочками, плюшками и ватрушками.

Я облокачиваюсь на балюстраду и наблюдаю за порхающими существами, пока ко мне не подходит одна старушка. У нее добрые глаза и приятная улыбка на сморщенном лице. Ее

седые волосы заплетены в тоненькую косичку, а сама она одета в длинное парчовое платье с кружевами.

— Не хочешь ли приобрести крылышки, дорогуша? — осведомляется она. — У Тетушки Фиалки найдутся крылья всех фасонов и размеров, а о цене мы с тобой всегда договоримся.

А ведь я спустилась сюда именно из-за крыльев! Вернее, мне хотелось бы превратиться в птичку, а потом еще иметь возможность снова превращаться в малявку. Мне кажется, что это вполне реально. Тут можно все.

Но я вспоминаю слова Мины, которая разрешила мне общаться только с Крысоловом и больше ни с кем.

— Простите, — вежливо отвечаю я пожилой даме. — Только не сегодня. У меня нет с собой денег.

— Ой! Ну, кто же тебе говорит про деньги? Тетушке Фиалке просто очень приятно видеть людей счастливыми.

Она почему-то говорит о себе в третьем лице, а у меня в памяти вновь всплывают наставления Мины:

Ничего не бери бесплатно. В волшебстве ничего не бывает задаром. Все чего-то стоит, просто цена может быть хорошо замаскирована.

— Мне ничего не нужно, — отвечаю я, вспомнив, что при любых обстоятельствах нужно оставаться вежливой, и добавляю: — Хотя ваше предложение, конечно же, на удивление щедрое.

Тетушка Фиалка задумчиво качает головой:

— Мы могли бы с тобой совершить некий обмен. Тетушке Фиалке очень нравятся такие сделки. Я бы с радостью отдала тебе пару крыльев, скажем... за локон твоих чудесных голубых волос. Это не очень дорого, как ты считаешь? Дорого? Тогда глоток воздуха, что ты вдохнула легкими.

Она достает откуда-то приготовленную заранее бутылочку:

— Только выдохни вот сюда, и тебе больше не придется ни о чем беспокоиться.

В голове снова ясно звучит предупреждающий голос Мины: *«Никогда, помни, — никогда! — и никому не отдавай часть себя самой. Ни локон своих волос, ни обрезок ногтя, ни капельку слюны или даже мочи».*

Я помню, что глупо захихикала, когда она мне все это рассказывала, но только лицо у Мины при этом оставалось абсолютно серьезным.

«И никогда не давай своего слова никому из посторонних, Элизабет, потому что обещание для волшебниц равноценно монете».

— Честно говоря, — сообщаю я тетушке Фиалке, — я пришла на рынок не за тем, чтобы что-то приобретать. Я просто осматриваюсь.

Она хмурится, и черты ее лица тут же начинают меняться. Добрые глаза становятся черными и очень злыми.

— Что?! — с ненавистью восклицает она. — Оказывается, крылья, которые предлагает тетушка Фиалка, уже тебе не подходят? Может быть, тебе по нраву чьи-то другие крылья?!

— Да нет же, дело совсем не в этом, — пытаюсь я успокоить ее. — Просто...

— Считай это предупреждением. Если тетушка Фиалка уличит малютку мисс в том, что она купила крылья у кого-то еще, тетушка Фиалка сожрет ее селезенку в виде начинки для своего пирога. Даже не сомневайся в этом!

«И не позволяй никому обижать себя, — вспоминаются мне слова Мины. — Или угрожать тебе. Какими бы страшными ни казались тебе эти угрозы. Не забывай и о том, что торговое перемирие на рынке работает. Оставайся вежливой и занимайся своими делами».

Я прочищаю горло и осторожно замечаю:

— Да-да, конечно, я буду иметь все это в виду. Спасибо вам большое за то, что потратили свое драгоценное время на беседу со мной.

Она не успевает ничего ответить, а я уже бегу от нее прочь. И поскорей.

Я переступаю некую невидимую границу, и звуки лютни сменяются грохотом рок-ансамбля. Я осторожно оглядываюсь, чтобы убедиться в отсутствии преследования, но тетушка Фиалка уже снова любезно беседует с очередным потенциальным покупателем. На этот раз в ее цепкие лапы попадает некий пенёк с веточками вместо конечностей и птичьим гнездом в качестве головы. Я иду дальше, и вот уже мелодия рок-группы постепенно стихает. Я прохожу зону, где играют волынки, затем миную маленькое существо, пиликающее на синтезаторе под какой-то безумный ритм, и наконец достигаю более или менее спокойного участка, где две молодые женщины упражняются в игре на скрипках.

И тут я понимаю, что до моего носа доносится чудесный аромат.

Это запах божественного хлеба. Выпечки, которая так и умоляет: съешь меня! Это и сахарные рожки, и плюшки, тающие во рту от одного прикосновения к ним языка. И еще пирожки, при мысли о которых начинают течь слюнки.

Я замираю перед этим замечательным павильоном, и глаза мои перебегают от одного великолепного изделия к другому. А выбор тут шикарный: есть и рожки, политые шоколадом, и тарелка с аппетитными квадратными печеньями, от которых исходит приятный медовый аромат. Да всего и не перечислить! Наконец, я перевожу взгляд на гнома, который заведует всей этой красотой. Он увлечен работой, поворачивая на противне овсяные булочки с орехами и при этом еще успевая перекидываться шутками с покупателями. Но руки у него все время чем-то заняты.

А ведь Мина предупреждала меня как раз о том, что нужный мне павильон я смогу отыскать именно по запаху.

Значит, это и есть Крысолов.

Он похож на человека, пузатенький, с тонкими конечностями, но зато у него все части тела в нормальном количестве: один нос, один рот, два глаза, рогов нет и из плеч ветки не растут. Правда, если приглядеться к нему повнимательнее, можно понять, что это все-таки не человек. Лицо у него имеет форму перевернутого треугольника, черты лица тонкие, а длинные уши, торчащие из копны черных, как смоль, волос, имеют заостренные кончики.

В его работе наступает короткая пауза, и гном пристально смотрит на меня. Потом он приветливо улыбается.

— Ты случайно не демонстрируешь новую моду? — спрашивает он, желая меня подразнить.

Я прекрасно понимаю его иронию. Это все из-за старого пальто, которое вручил мне Бакро перед тем, как отправить в дом к Мине. Я ведь не могла путешествовать внутри плюшевого медведя, как это происходило внутри рюкзака Ти-Джей, поэтому Бакро и поделился не очень нужной ему самому одеждой. Это старенькое стеганое пальто пахнет нафталином и выглядит, конечно, ужасно, но я чувствую себя в нем достаточно уютно, и, что самое главное, мне тепло.

— Это все же лучше, чем вообще без пальто, — замечаю я.

— Ты, конечно же, тысячу раз права. Чем могу быть полезен? Чего тебе хочется?

— Ничего. То есть... извини, а ты случайно не Крысолов?

— Точно так, — удивленно приподнимает он брови. — А как зовут тебя?

— Элизабет.

— Хорошее имя, — кивает он. — Королевское.

Я только пожимаю плечами, потому что не знаю, что нужно отвечать на подобные реплики.

Он снова осматривает меня с головы до пят.

— Кто же прислал тебя ко мне? — интересуется гном.

— Мина.

— И она сказала, что я смогу помочь тебе?

Я отрицательно качаю головой:

— Нет, она просто посоветовала поговорить с тобой. Возможно, ты сумеешь мне помочь.

Он улыбается:

— Узнаю Мину. Она если и обещает, то очень осторожно. Но ты выглядишь голодной. Хочешь пирожок?

Конечно, очень хочется получить пирожок, и, хотя Мина прислала меня именно к Крысолову, все же я считаю, что главное правило «ничего не бери бесплатно» действует и здесь. А тратить волшебную монетку на пирожок кажется очень уж неразумным.

Я колеблюсь, а улыбка на лице Крысолова становится еще шире.

— Ты внимательно слушала все ее предостережения, как я погляжу. Это хорошо. Вот что я тебе скажу. Помоги мне немножко с работой и получишь пирожок. А в конце дня мы сможем поговорить о том, зачем я тебе понадобился.

— Но я ведь понятия не имею, чем ты торгуешь и что тут сколько стоит.

И, кстати, мне непонятно, какие тут вообще расценки. Локон волос? Плевок на ладошку?

Он бросает мне фартук.

— Об этом можешь не беспокоиться. Будешь подавать то, что я тебе скажу, и раскладывать по пакетам.

Я машинально хватаю фартук. Прежде чем я успеваю согласиться или отказаться, к нам в павильон жалует новая волна покупателей. Гном больше ничего мне не говорит, а только вопросительно поднимает брови, и я захожу за прилавок. Я снимаю пальто, укладываю его на пол рядом с сумкой и надеваю фартук. Странно, но он приходится мне почти впору. Либо у гнома помощник одного роста со мной, либо (что более вероятно) это волшебный фартук.

Я больше не хочу размышлять на эту тему, иначе у меня заболит голова.

Вместо этого я на один день становлюсь самой настоящей ученицей пекаря.

— Ну, и как тебе понравился заработанный тобой пирожок? — интересуется Крысолов под вечер.

Я смотрю на него, и мне становится неловко от собственной жадности. Подбородок и губы у меня перемазаны яблочным повидлом, руки такие же липкие, потому что в них я до сих пор держу недоеденную часть пирога. После того как первый рабочий день подошел к концу, Крысолов разрешил мне съесть пирожок, в который я вцепилась, как дикарь, не евший несколько дней. Жалкое зрелище, скажете вы. Но сами попробуйте весь день проработать там, где в воздухе витают аппетитные ароматы, упаковывать разные вкусности и самому при этом ни разу не притронуться к еде. Я чуть не умерла.

— Очень вкусно, — умудряюсь я ответить с набитым ртом.

Он ухмыляется. Конечно, я весьма скромна в оценке его таланта, но ему все равно приятно услышать похвалу.

— А ты сегодня отлично справлялась со своими обязанностями, — заявляет он. — Я не раз обращался к самым разным покупателям с просьбой помочь мне, но все они оказывались либо неумехами, либо очень уж неловкими. В общем, помощи от них выходило маловато. А ты очень способная, и все, что я показывал тебе, ты схватывала буквально на лету.

Я откусываю кусочек побольше и с сожалением делаю паузу, чтобы сказать:

— Мне самой понравилось помогать тебе.

— У тебя все очень ловко получается, особенно здорово выходит общаться с покупателями. Жаль, что на той неделе они тебя больше не увидят.

Он молчит несколько секунд, потом добавляет:

— А как у тебя получились пирожки?

— Твои вкусней, — киваю я и вопросительно смотрю на него: — Ты предлагаешь мне работу?

— А если и так, ты согласилась бы?

Вот о чем я никогда не задумывалась. Но раз уж он сейчас спрашивает меня об этом, есть повод для размышлений. Мне и в самом деле понравилась работа. Покупателей тут много, и все разные, поэтому обслуживать их не надоедает. И хотя малявок я здесь не заметила, в павильон к Крысолову приходило немало волшебных крошечных созданий,

которые вышли как будто прямо из сказки.

— Не исключено, — киваю я. — Но сначала мне нужно решить свои проблемы.

— Ах, да. Ты ведь не просто так явилась сюда ко мне. Что же привело тебя на рынок гоблинов, одну-единешеньку, да еще в чужом пальтишке?

Не знаю сама, почему, но я сочла необходимым рассказать ему и о том, что пальто на самом деле принадлежало не мне. Конечно, он и сам не законодатель моды и одет довольно скромно: в вельветовые брюки, ситцевую рубашку и фартук, перепачканный мукой и специями. Я уж не говорю о том, что весь его наряд заляпан всевозможными пятнами от варенья. Кстати, мой собственный фартук выглядит ничуть не лучше.

— Это очень долгая история, — вздыхаю я.

— Тогда начни с конца, и, если понадобится, мы дойдем до самого ее начала, — предлагает Крысолов.

Для малявки это задание почти невыполнимое — начать рассказывать о событиях в обратном порядке, но мне кажется, что я справлюсь. Я оглядываюсь в поисках места, куда можно на время положить недоеденный пирожок, и гном протягивает мне салфетку. Я заворачиваю в нее пирог и кладу его на прилавок рядом с чашкой горячего шоколада, который Крысолов приобрел для меня в соседнем павильоне. Сейчас этот напиток кажется мне самым приятным из тех, что я когда-либо пробовала. Я вытираю липкие руки о фартук.

— Мне хочется разыскать малявку по имени Дженки Вуд, — с ходу сообщаю я. — Или его, или кого-нибудь из его семьи.

Глаза у гнома становятся печальными.

— Что-нибудь не так? — начинаю волноваться я.

— Ты ищешь крылья, — вздыхает он.

— Вроде того. Вернее, мне хочется снова превратиться в птичку.

Он понимающе кивает:

— Потому что это в твоей крови. Как только ты узнаешь забытые слова, твоя кровь вспомнит все.

— Что еще за слова? — недоумеваю я.

— Ты далеко не единственная малявка, которая хочет отыскать свое давно забытое наследие, — говорит Крысолов. — И я могу тебя понять. Иногда мне самому хотелось обзавестись крыльями. Да кто хоть раз в жизни сам не мечтал об этом? Но покупать их тут, на рынке, весьма рискованно. Они с виду, конечно, симпатичные, изготовитель об этом позаботился. Но большинство из них подведут тебя в самый неподходящий момент. Например, взлетишь ты на сотню футов в небеса, начнешь парить в свое удовольствие, а они — фьюить! — и сложатся вдруг сами по себе. И вот у тебя больше нет крыльев, и ты, как тяжелый куль, падаешь на землю.

При одной мысли об этом все внутри у меня переворачивается.

Гном наклоняется поближе ко мне и очень серьезно продолжает:

— То же самое происходит и с малявками, которым снова захотелось стать птицами. Далеко не всегда превращение происходит благополучно. Иногда у них это получается, но тоже не так, как хотелось бы. Например, можно навсегда превратиться в птичку, и назад уже пути у тебя не будет. Или же ты можешь вновь стать малявкой прямо в воздухе, и тогда ты начнешь безумно хвататься за него, пытаясь удержаться, но тщетно!

Заметив, как я погрузилась, он склоняет голову набок и добавляет:

— Ты, наверное, раньше об этом ничего не слышала, да? Ты жила уединенно, и тебе никто ничего не говорил.

— Нам вообще никто ничего никогда не рассказывал, — утвердительно киваю я. — И до встречи с Миной я только краем уха слышала о том, что малявки могут превращаться в птиц. Это было описано в какой-то книге.

Он кивает:

— Все верно. Вы, городские и деревенские малявки, не очень-то общаетесь друг с другом и потому не делитесь новостями.

— Наверное, ты прав. У нас никогда не было друзей. Да и как-то не принято среди наших ходить в гости и дружить.

— А я вот хожу, — с гордостью заявляет гном. — И другим стараюсь помогать. Например, тебе.

— Потому что ты знаешь, что мне нужно. По-моему, об этом известно всем, кроме меня самой.

Он осуждающе качает головой:

— Я только обязан предупредить тебя, что полеты — это очень опасно, вот и все. А делать выбор и принимать решение будешь ты, и только ты.

— Значит, ты не пытаешься отговорить меня от этой затеи?

Он снова отрицательно качает головой:

— Только позволь сказать тебе еще кое-что. Неважно, как далеко ты зайдешь в желании обрести крылья. Помни, что у тебя всегда остается шанс отступить. Даже если ты обретишь способность меняться, тебе вовсе не обязательно использовать ее. Делай это только в том случае, если метаморфозы не будут угрожать твоей безопасности.

— И тут ты тоже прав. Только я не пойму одного: если превращения у нас в крови, почему же все может закончиться трагедией?

— Я и сам не знаю. Я пекарь, а не философ. Но вот что успел заметить: те, у кого вообще ничего не получается, внешне больше всего похожи на людей.

Я смотрю на него пустым взглядом, потому что потеряла нить его мысли.

Он улыбается:

— Тебе, наверное, и самой случалось встречать малявок, которые... больше похожи на птичек, что ли. Они не совсем такие, как ты. У них кругленькие толстенькие тела, очень худые ножки, как лапки у птиц. — Его улыбка становится шире. — Конечно, в этом ничего плохого нет. Многие гномы тоже имеют такие формы.

Я задумываюсь над его словами и понимаю, что он говорит правду. Хотя в моем роду не было похожих на птиц малявок, мне приходилось встречать именно таких, каких он описывает.

— Да, видела я их...

— Мне кажется, они по крови ближе к птицам. Что же касается тебя... — Он подыскивает подходящее слово, потом выдает: — Ты более эволюционированная, что ли.

— Значит, ты полагаешь, что у меня ничего не получится?

— Я этого не говорил. Но если верить моим наблюдениям, скорее всего, тебя ждет разочарование. Тем не менее, — продолжает он, не давая мне вставить ни единого слова, — нельзя полностью отвергать мысль о превращении.

Я задумчиво киваю:

— Значит, я возвращаюсь туда, откуда начала свой путь.

— Ну, извини. Лично я считаю, что каждый должен принимать себя таким, каков он есть. Поэтому не лучше ли оставить эту идею? Вероятно, птичья кровь в твоих жилах мешает тебе спокойно жить...

— Ничего хорошего в этом тоже нет.

Он молчит и ничего не отвечает. Да и что он может сказать?

— И все же мне хочется поговорить с ними, — заявляю я. — Чтобы самой успокоиться. Чтобы выяснить все до конца.

— Конечно.

Я вспоминаю самое начало нашей беседы:

— А что ты говорил насчет забытого слова или забытых слов?

— Неужели тебя так ничему и не научили в школе для малявок? — улыбается гном, и я понимаю, что он снова пытается поддразнивать меня.

— Да нет у нас никаких школ. По крайней мере, лично я в школу не ходила. Может быть, у городских малявок другие правила?

Он кивает:

— Может быть.

— Чему же меня должны были научить в школе?

— Этот язык — самый древний среди всех волшебных заклинаний. Давным-давно существовало целое племя слов, которые оставались невысказанными и жили в полной темноте. Рассказывают, что некий Ворон пробудил эти слова, дремлющие в его котелке, и они распространились по всему свету. Так началась жизнь. В других местах эту легенду пересказывают иначе. Но слова существовали раньше всего остального, и часто их забывали, прежде чем слышали.

— Как можно что-то забыть, если ты даже никогда этого не слышал? — удивляюсь я.

— Хороший вопрос, — кивает гном. — И ответа на него у меня нет. Так гласит легенда, вот и все, что я могу тебе сказать.

— И что же потом случилось с этими словами? — интересуюсь я.

— Они так и остаются забытыми. Но от них исходит слабое эхо, и если кто-то обладает нужными знаниями, владеет мастерством и достаточной волей, то он может использовать это эхо, чтобы изменить То, что уже Существует. Ведь слова обладают большой силой. Это все равно что знать истинное название какой-то определенной вещи. Если ты знаешь его, ты получаешь и власть над ней. И при этом совсем не важно, что это за вещь — камень, дерево или какое-либо живое существо.

— Я про это уже что-то слышала, — киваю я.

— Легенда гласит, будто Дженки Вуд был послан вождями своего племени на встречу с женщиной, которая писала рассказы о малявках. А она, в свою очередь, попросила о помощи древнего духа, многое знавшего об этих забытых словах. Именно он даровал Вуду и его народу способность снова превращаться в птиц.

— Эту женщину зовут Шери Пайпер, — вставляю я.

Он удивленно поднимает бровь:

— Тебе что-то известно о древнем духе?

— Нет, но я кое-что знаю об этой писательнице. Ти-Джей рассказывала мне о ней.

Потом мне приходится подробно объяснять, кто такая Ти-Джей, почему мы с ней расстались и дальше обо всем том, что заставило меня очутиться в городе и искать его самого.

— Она будет очень волноваться из-за меня, — заканчиваю я свой рассказ. — Но, как бы я ни старалась помочь ей, у меня все равно ничего не получится. Я достаточно глупа, потому что не выяснила ее фамилию и адрес. Я не смогу даже сообщить ей о том, что у меня уже все в порядке.

— В этом я как раз смогу тебе помочь, — замечает он. — Ты говоришь, Бакро знает, где она живет?

Я киваю.

— Но только как мы разыщем его?

— Об этом мне расскажет Мина. Она в курсе всего, что происходит к северу от нашего города. До нее доходят все сплетни и слухи. Вы, малявки, считаете, что перемещаетесь незаметно для окружающих, но за вами постоянно следят чьи-то глаза. Это и эльфы, и вороны, и белки. Да мало ли кто еще!

— А ты умеешь разговаривать с животными?

Он улыбается:

— Не все животные оказываются теми, кем видятся нам на первый взгляд.

Мне вспоминается рассказ Мины о лисе, которая превратилась в молодого человека.

— Если бы ты мог передать от меня пару слов Ти-Джей, я была бы тебе весьма благодарна, — замечаю я.

Он только отмахивается, давая понять, что это ему ничего не будет стоить.

— Ну, а теперь займемся делом, — предлагает гном. — Здесь нужно все убрать, а потом посмотрим, удастся ли нам найти твоего родственника Дженки.

— Я не уверена, что он мой родственник, — напоминаю я.

— Он ведь Вуд, и ты тоже Вуд, по-моему, связь тут очевидна.

— Наверное, ты прав...

Мы убираем в пакеты булочки, плюшки и ватрушки, которые не успели продать, и надо заметить, что товара у нас осталось совсем немного. Затем я протираю прилавок, подметаю полы в павильоне и подготавливаю его к следующим выходным.

— Можно мне задать тебе один личный вопрос? — наконец осмеливаюсь я.

Он облокачивается на свою метлу и смотрит на меня:

— Конечно.

— А почему тебя зовут Крысолов?

— Потому что это я делаю лучше всего.

— А я подумала, что ты пекарь.

— Так оно и есть, — кивает гном. — Это занятие мне больше всего нравится. Но я родился Стоурном, в роду которых появлялись самые известные крысоловы. Этим они всегда славились. Мое настоящее имя — Хедли Стоурн, и ты можешь называть меня именно так.

— Я буду называть тебя, как ты захочешь.

— Тогда меня устроит просто Хедли. Так или иначе, — продолжает он, — с понедельника по четверг я занимаюсь одним делом, пятницу пеку, а в выходные торгую здесь.

— А тебе нравится ловить крыс? — интересуюсь я.

Меня всегда и пугали, и восхищали эти зверьки. Не стоит забывать о том, что крысы бывают двух сортов. Те, которые являются малявкам в кошмарных снах, — злющие, с черными глазками, тощие и как будто даже скользкие. Вот уж с кем не хочется встретиться, когда путешествуешь по стропилам или пробираешься между стенами дома. Но есть и другие крысы, о которых рассказывается в сказках. Это, например, мудрый старина Сэмюэль Тэтчет, ученый и советчик, к которому приходят все звери со своими проблемами. Это и кареглазый Рендилли, который помог нарисованной девочке, когда она выпала со своей картинки и чуть не погибла в реальном мире.

— Это самое обыкновенное занятие, — пожимает плечами Хедли. — Не лучше и не хуже любого другого. И в нем тоже имеются свои плюсы и минусы.

— Но крысы такие злые.

Хедли смеется:

— Наверное, для малявок они весьма опасны, но мы, Стоурны, отличаемся тем, что умеем разговаривать с ними. Скорее всего, Крысолов — это не слишком правильное прозвище. Мы на самом деле не отлавливаем их, а поступаем следующим образом. Мы отправляемся в то место, где их разводится слишком много и где они уже мешают жить всем остальным, и уговариваем их переселиться куда-нибудь еще. Так что никакой злости и насилия в моей работе почти и нет.

— Значит, ты их не убиваешь?

— Боже, конечно, нет! Зачем бы мне понадобилось это?

Я только пожимаю плечами:

— Не знаю. По-моему, только так и поступают с паразитами и вредителями.

Мне вспоминается, что именно уничтожение грозит всяким там клопам, тараканам и мышам, если они вздумают поселиться в доме у верзилы.

— Я не стал бы называть их так, — задумчиво произносит Хедли. — Крысы — такие же существа, как и все остальные. У них своя история и язык, семьи и племена, свои традиции.

— Наверное, если ты являешься для них объектом поедания, они ведут себя с тобой по-другому.

— С ними просто нужно найти общий язык. И в этом случае тебя обязательно оставят в покое. Кстати, это правило действует и с настоящими хищниками.

— Ты хочешь сказать, что можно договориться даже с ястребами, совами и кошками?

Хедли вздыхает:

— Вряд ли. Но только потому, что они прирожденные охотники. Они не выживут, если начнут питаться хлебом и овощами, как это делаем мы. Когда они охотятся и убивают, с их точки зрения, они не проявляют никакой жестокости.

— Что ж, мне сразу стало легче, как только я об этом узнала!

Он смеется.

— Ты там уже закончила? — интересуется гном, потому что он сам уже успел подмести свою половину павильона и ссыпать мусор в специальный бак.

— Похоже, что да.

Что ж, с уборкой, кажется, все. Но тут я вспоминаю еще кое о чем. Я сую руку в карман и извлекаю оттуда монетку, которую вручила мне Мина. Я протягиваю ее на ладони гному.

— Что это у тебя? — спрашивает Хедли.

— Волшебная монетка. Ее дала мне Мина. Если не ошибаюсь, это тебе за помощь. Она сказала, что я почувствую тот момент, когда будет нужно ее отдать. Ты был ко мне очень внимателен, позволил помогать тебе с торговлей и ничего не просил взамен. Я думаю, что монета должна по праву принадлежать тебе.

— Ты говоришь, что Мина дала ее тебе специально для того, чтобы ты обменяла ее на мою помощь?

Я киваю, но гном, похоже, не торопится брать монетку из моих рук.

— Что-нибудь не так? — настораживаюсь я.

— А ты знаешь, откуда вообще взялась эта монетка? — интересуется он.

— Я же говорю: мне ее вручила Мина.

— Я понимаю. А перед тем где она была? — подсказывает гном.

Я отрицательно качаю головой:

— Об этом она мне ничего не говорила.

— Ее достали из колодца желаний, — говорит он, и ноздри у него начинают раздуваться, как будто он чует запах монетки, лежащей у меня на ладони. — С самого дна колодца. Это очень старая монета, и она может исполнить любое желание, даже самое сложное.

— Желание? Как в волшебных сказках?

Он кивает.

Я снова робко протягиваю к нему руку:

— Так ты что же, не хочешь ее брать?

Он долгое время молчит; потом начинает:

— Ты и так сделала достаточно. Ты очень здорово сегодня меня выручила. Не кажется ли тебе, что своим собственным трудом ты и так уже заслужила помощь?

— Это было совсем несложно, — пожимаю я плечами. — Мне понравилась такая работа.

Между прочим, ее и работой-то не назовешь. Вот то, что мне приходилось делать дома по хозяйству, — это действительно работа, даже тяжелый труд, я бы сказала. А здесь все происходило совсем по-другому.

— Это прекрасный аргумент, — кивает Хедли, — еще раз доказывающий, что работу нужно искать себе по душе. Занимайся только тем, чем тебе приятно заниматься.

— Ну, ты понял, что я хотела сказать.

— Конечно. И повторю: ты сделала для меня вполне достаточно. А вот если ты отдашь мне эту монетку, я буду в долгу у тебя, причем в таком, с которым, возможно, никогда и не смогу полностью рассчитаться.

Я внимательно смотрю на монетку. Если она стоит так много, почему Мина отдала ее мне?

— Может быть, ты будешь должен не столько мне, сколько Мине, — высказываю я свое предположение. — В этом все дело?

— Не совсем. Мина уже должна мне кое-что, хотя в этом я с ней не согласен. Но она

считает именно так. Могу только добавить, что при помощи этой монетки она пытается отплатить мне свой воображаемый долг.

— Все это так сложно и запутанно, что я ничего не поняла, — признаюсь я.

— Охотно верю тебе.

— Значит, ты хочешь сказать, что долга не было, а теперь она пытается тебя обмануть и на самом деле сделать так, чтобы теперь ты стал ей обязан, да?

— Нет, не думаю, но все может закончиться именно так.

— Ничего не понимаю! Давай рассуждать вот как. Желание — это всего лишь желание и ничего больше. Верно?

Но он качает головой:

— Ты ведь читала много сказок, в которых исполнение желания приводит совсем к иным последствиям. Загадывать его нужно очень аккуратно, а то хлопот не оберешься. Знаешь, как все это происходит?

— Ну конечно. Это я помню хорошо. Бывает, например, что рыбак ловит рыбку и бросает ее обратно в море. И тут выясняется, что рыбка была волшебная, а за свое спасение она готова выполнить целых три желания этого рыбака. Ты это имел в виду?

— Вот именно. Сначала он оказывает ей услугу, а желания даны для того, чтобы рыбка расплатилась с ним. Но если она сначала выполнит твое желание, а ты ей еще ничего хорошего сделать не успел, куда это все может завести?

— Ну... в этом случае я буду обязана этой рыбке. То есть теперь я у нее считаюсь в долгу, так?

Он кивает.

— Но почему это так уж плохо? — недоумеваю я.

— Лично я очень ценю свободу, — заявляет Хедли. — И я не хочу, чтобы надо мной постоянно висел подобный долг. Мне это не нужно.

— Теперь, кажется, понятно, — киваю я. — Ты считаешь, что Мина попросит тебя сделать для нее нечто такое, что тебе будет не слишком приятно?

— Совсем не обязательно. Но этого точно никто не знает, верно? Я, разумеется, ни о ком ничего плохого говорить не собираюсь, но всем известно, что быть в долгу у волшебницы — дело никудышное. И лучше до этого не доводить. Это прописная истина. Надо быть осторожнее, иначе все очень плохо кончится.

— Но Мина говорила мне, что она не волшебница, просто ее воспитывала одна фея.

— Все верно. Но она всю свою жизнь провела в обществе волшебных существ, поэтому, хочет она того или нет, но обманывать других у нее уже в крови.

— Значит, мне нужно вернуть ей назад эту монетку. Мина говорила, что монетку нужно передать только тебе. Она никому больше желаний исполнять не будет. И если ты не хочешь ее брать, она должна снова принадлежать Мине.

Но Хедли отрицательно качает головой:

— Ничего подобного. Она сработает для кого угодно.

— Тогда тот, кому она исполнит желание, тоже будет в долгу у Мины.

— Сейчас она находится у тебя. И пока долг не оплачен, его тяжесть ложится на тебя. Когда ты решишь воспользоваться монеткой и загадаешь желание, ты взвалишь себе на плечи еще больший груз. Как ты понимаешь, я не хочу обременять себя ничем подобным. Жизнь и так коротка, без чудесного исполнения желаний, которое затрудняет ее хотя бы тем, что сокращает нам жизненный путь.

— Да, — соглашаюсь я. — Мне бы тоже этого не хотелось.

Я кладу монетку назад в карман.

— Спасибо, — кивает он. — Ты готова?

Он складывает фартук и прячет его под прилавок. Я поступаю так же, потом надеваю пальто, заворачиваю остатки пирога в салфетку и прячу все это в карман.

— Готова.

— Мы будем передвигаться быстрее, если ты поедешь у меня на плечах.

Я с сомнением смотрю на Хедли.

— Не волнуйся, я тебя не уроню. Только тебе придется время от времени пригибать голову.

Мы отправляемся в путь. Я сижу на плечах у Хедли, а он идет быстрым, размашистым шагом. Сумка хлопает меня по боку. Мы машем на прощание тем продавцам, которые еще не закончили торговлю. Неожиданно Хедли открывает в стене дверцу, которую я раньше почему-то не заметила. Мы идем по ступенькам — нет, это не та лестница, по которой я пришла на рынок, но ступеньки кажутся такими же крутыми и бесконечными. Хорошо, что мне приходится только покрепче держаться за воротник его курточки и глазеть по сторонам, а не карабкаться вверх самой. Источника света по-прежнему не видно, и, когда я спрашиваю об этом у Хедли, он говорит, что это волшебный свет. Как будто это объясняет тут буквально все.

Наверное, так оно и есть.

* * *

— Малявки живут сами по себе, ни с кем не общаются, — тихонько говорит мне Хедли и останавливается. Он наклоняется, давая мне возможность слезть с его плеч, и добавляет: — Но я знаю, что в этих зданиях с обеих сторон живут разные племена малявок, а подземных путей, связывающих их, тут нет. Значит, чтобы ходить друг к другу в гости, они должны либо уметь летать, либо использовать путь, по которому шли мы с тобой.

Я сползаю с его плеч на землю и оглядываюсь по сторонам. Улочка, где мы находимся, ничем не отличается от тех, по которым нам пришлось пройти от рынка гоблинов. Наверное, Хедли знает, что делает. По крайней мере так было до этой минуты. Вот почему я ничуть не волнуюсь, а просто спрашиваю его:

— Здесь нам нужно подождать, да?

Он кивает:

— Только тихо, — предупреждает он по-прежнему едва слышным голосом.

Он садится на кучу плоских картонных коробок, перевязанных бечевкой. Я плотнее укутываюсь в свое пальто, прижимая его ворот к шее — температура снова падает, — и прислоняюсь к картону, кидая сумку на землю у своих ног. У меня в голове рождается тысяча вопросов, которые хочется задать гному, но я набираюсь терпения и жду, что будет дальше.

Я вспоминаю его слова о том, что малявки предпочитают ни с кем не общаться. Я с ним согласна. По крайней мере там, где я жила, все происходило именно так. Но, возможно, только потому, что путешествия — даже из дома в дом — дело очень серьезное и небезопасное.

Раньше мне казалось, что в городе все должно быть по-другому. Но когда я помогала Хедли торговать на рынке гоблинов, то увидела много разных маленьких существ. Некоторых впервые, и я даже не знаю, как они правильно называются, но при этом там не было ни единого малявки! С тех пор, как Мина внесла меня в город в контейнере-переноске для кошек, я вообще не виделась с малявками.

Но тут все меняется.

Я слышу скрип дерева и поворачиваюсь к низенькому окошку здания, напротив которого мы сидим. Рама чуть-чуть отодвигается, и в образовавшуюся щель пролезает малявка. Затем скрип повторяется — это он осторожно закрывает за собой окошко. Конечно, в такое отверстие не пролез бы ни ребенок, ни даже кошка, но малявке требуется совсем мало пространства, чтобы проникнуть куда-либо. И делает он это довольно ловко. Симпатичный и ладненький, как пирожок из печки. Тут я не могу сдержать улыбки. Я всего лишь один день помогала Хедли торговать, и вот теперь сама рассуждаю как самый заправский пекарь.

— Извини, пожалуйста, — вежливо и негромко говорит Хедли.

Малаявка замирает на месте, только глаза его шарят по улице и, наконец, останавливаются на гноме. Сначала ему, наверное, хочется побыстрее удрать. Точно такие же чувства испытала я сама, когда повстречалась с кошкой вчера вечером в поле. Но вот он замечает меня и уже не знает, как ему лучше поступить. В глазах его отражается сомнение.

— Привет! — восклицаю я и машу ему рукой.

— Прошу тебя, не волнуйся, — добавляет Хедли. — Мы только хотим спросить тебя, как пройти кое-куда.

Малаявка ведет себя довольно разумно. Он не спрыгивает назад и не исчезает за окном, но и не торопится приближаться к нам. Он из тех малаявок, которые больше напоминают людей и на птиц не похожи. Он не красавец, но по-своему хорош и после недолгого замешательства начинает вести себя достаточно свободно. Ему еще нет двадцати, одет он с иголочки — во все новенькое и чистенькое, наверняка взятое из наборов для Кена и Барби или кого-то еще из той же компании. Видно, что вся одежда у него фирменная, сшита не вручную. На ногах — кроссовки. У меня когда-то были точно такие же, но они давно сносились. А такие симпатичные брючки, как у него, мне самой сшить ни разу не удавалось.

Он указывает на меня и говорит:

— Иди сюда.

— С какой стати?

— Мне хочется проверить, слабо тебе это будет или нет. А может, тебя никуда не пускают.

Я вопросительно смотрю на Хедли, но он только пожимает плечами. Я отхожу от стопки картона и перехожу через улицу. Когда я подхожу к окну, малаявка предлагает мне руку, чтобы помочь подняться. Я колеблюсь пару секунд, потом вскарабкиваюсь к нему. Он с легкостью поднимает меня вверх, но так всегда происходит у малаявок. Мы сильнее, чем кажемся, и кости у нас очень легкие, поэтому мы без труда взбираемся на любую высоту. Правда, бывают случаи, что малаявка, поскользнувшись, падает, и тогда дело может кончиться переломом или того хуже. Взять, к примеру, моего дядюшку. Ему не повезло, и он сломал шею. В основном при падении мы успеваем сгруппироваться и отделяемся парой синяков, не более того. Если бы не тотальное невезение, кто знает, мой дядюшка был бы жив и поныне.

— Вот видишь? — гордо произношу я, обращаясь к малаявке. — Никто меня не принуждает ничего делать. Я могу ходить куда хочу. А Хедли — мой друг. Он никому не причинит вреда — ни мне, ни тебе.

— Но он ведь гном, а они опасны.

— Малаявки тоже могут быть весьма опасными, — напоминаю я.

Я завожу руку за спину и, прежде чем он успевает среагировать, достаю свой нож и угрожающе наставляю острие ему в живот.

Он долгое время смотрит на меня, потом пожимает плечами.

— Я просто очень осторожный, — поясняет он. — Лучшая защита для малаявки — оставаться невидимым.

— Да знаю я все это, знаю. Но я же тебе говорю, что Хедли — свой. Он пекарь, а еще по совместительству — крысолов, но только крыс он не убивает. Он просто ведет с ними переговоры и убеждает их переселяться в другие районы.

— Ловко!

Я киваю в знак согласия. Потом убираю нож, достаю салфетку с пирогом, разворачиваю, отламываю кусок и предлагаю его малаявке.

— Это Хедли печет, — поясняю я.

Он пробует его, и я вижу, как глаза его наполняются счастьем и радостью.

— Невероятно вкусно! — кивает он. — Просто здорово!

— Такие пироги продаются каждые выходные на рынке гоблинов. Можешь не беспокоиться за свою безопасность, там действует торговое перемирие. И скажу тебе вот что: людишки такого роста, как мы с тобой, самые неувидительные существа из тех, кого

только можно там повстречать.

Он понимающе кивает:

— Меня зовут Ян, — представляется малявка и протягивает мне руку.

— А я Элизабет. Не хочешь ли подойти к Хедли и познакомиться с ним?

Он молчит, потом его лицо расплывается в улыбке:

— Конечно, хочу. Почему бы и нет?

Мы спрыгиваем на землю и направляемся к стопке коробок, на которой до сих пор сидит гном. Когда мы подходим ближе, Хедли протягивает Яну свой палец, и тот его по-дружески пожимает.

— Куда вы хотели пройти? — осведомляется Ян.

— Вообще-то мы ищем малявку по имени Дженки Вуд, — начинаю я.

— Здесь вы его точно не найдете, — отмахивается Ян. — Он подался на юг. С наступлением зимы все летающие малявки отправляются туда.

— Но...

— Подумай сама, — продолжает Ян. — Если у тебя есть крылья, зачем оставаться здесь? Там ведь намного теплее.

— Тогда почему ты сам до сих пор не обзавелся крыльями и не улетел отсюда? — интересуется Хедли.

Ян пожимает плечами:

— Я счастлив быть тем, кем я уже являюсь. И я не хочу порхать в небесах, как птичка. Кстати, это еще не все, что вы слышали о превращениях. Есть малявки, которые стали птицами и принять прежний облик уже почему-то не могут. А бывает и по-другому: можно вновь превратиться в малявку в самый неподходящий момент, когда паришь в небе и между тобой и землей нет ничего, кроме автомобильных выхлопных газов и воздуха.

Я нервно сглатываю. Очень уж неприятная картинка встает перед моим мысленным взором.

— Знаю, мне Хедли уже говорил об этом, — киваю я.

Ян грозно топает ногой:

— Вот где я хочу находиться. Обеими ногами на твердой земле.

— Значит, их уже здесь нет, — печально повторяю я.

— Совершенно верно. Но, если ты задумала обрести крылья, тебе не обязательно общаться с теми, кто уже научился летать. Нужно всего-то пройти к Месту Перемен. Хотя, зачем тебе это понадобилось, я ума не приложу.

— Место Перемен? — переспрашиваю я.

— Это название малявки дали квартире той самой женщины, которая рассказала Дженки о превращениях.

— Ты имеешь в виду квартиру Шери Пайпер?

— Видимо, кто-то уже вплотную занялся исследованиями этого ненормального явления.

Я не собираюсь объяснять ему, откуда мне известны имя и фамилия писательницы.

— Ты мог бы проводить меня к ней? — интересуюсь я.

Он кивает:

— Я могу подвести тебя к ее дому, но сам входить туда не собираюсь.

— Потому что ты... — Я удерживаюсь от слова «боишься», опасаясь обидеть его. — Потому что ты сам не хочешь меняться, да?

Кроме того, я не могу назвать себя очень храброй. Но я проделала огромный путь и теперь должна хотя бы посмотреть на это место.

— Я уже говорил, — вздыхает Ян, — что эти превращения — штука коварная и непредсказуемая. Никто не скажет тебе заранее, как это получится именно у тебя, пока ты не проверишь все на собственной шкуре. Я считаю, что рисковать не стоит.

— Не беспокойся, — замечаю я, — я же не буду тебя просить превращаться.

— Ты хочешь, чтобы я тоже пошел туда вместе с вами? — подает голос Хедли.

Мне, конечно, хочется этого. Но мне еще больше хочется, чтобы он предупредил Тиджей о том, что у меня уже все в порядке. Второе желание перевешивает. И если со мной произойдет что-то нехорошее, то уже после того, как я войду в дом Шери Пайпер. Если, конечно, мне вообще удастся это сделать.

Я объясняю свою позицию Хедли, и он соглашается со мной.

— Я сам поговорю с твоей подружкой, — обещает он. — Надеюсь, ее не испугает, что я гном?

— Ты шутишь! Она обожает волшебство в любом его проявлении.

Он протягивает мне палец на прощание, так же, как и Яну чуть раньше, но я чувствую, как меня разбирают нахлынувшие эмоции, а потому подхожу к нему и от всей души обнимаю. Он наклоняется ко мне, и его бакенбарды на секунду дотрагиваются до моей щеки. Потом он выпрямляется.

— Береги себя, — предупреждает меня Хедли. — Было приятно познакомиться с тобой, Ян.

Мыс Яном отправляемся в путь. Доходим до конца переулочка и сворачиваем в еще более узкую улочку, змейкой пробегающую мимо жилых домов.

— Я даже не ожидал, что он такой, — признается Ян.

— Что ты имеешь в виду?

Он пожимает плечами:

— Сам не знаю. Он, оказывается, такой вежливый. Я и не думал, что волшебные существа бывают такими.

— А я вообще не знала, что они существуют. Вплоть до сегодняшнего утра.

Ян как-то странно смотрит на меня:

— А ты на какой улице раньше пряталась?

— Я из северной части города.

— Правда? Значит, ты первая деревенская малявка, которая путешествует. Раньше я о таких даже не слышал.

— Это потому, что никто нам раньше ничего не рассказывал об этих волшебных превращениях.

— А ведь они происходят на самом деле, — кивает Ян. — Но это не самый лучший выход...

— Я знаю, знаю. Я поддерживаю тебя полностью. И все же мне хочется посмотреть на это место самой.

Он кивает, но я сомневаюсь в том, что он поверил мне. Да я и сама себе не верю. Я понимаю, что это огромный риск. Но ведь это дает возможность обрести неслыханную свободу!

— У тебя больше нет с собой пирога? — с надеждой в голосе спрашивает Ян.

Я улыбаюсь, достаю из кармана оставшийся кусок, делю его поровну и протягиваю половину ему.

Иногда все начинается легко и просто, и ты даже не представляешь, что в один миг все изменится и пойдет совершенно не так, как ты рассчитывал.

* * *

Хедли выжидает, пока малявки скроются за углом, и только после этого поворачивается к куче мусора, сваленного возле переполненного бака неподалеку от того места, где он до сих пор сидел.

— Ну что ж, малютка, ты мне сможешь помочь на этот раз? — обращается он к неясной тени.

Что-то ворочается в темноте, затем выступает к свету. Это крохотный человечек, может быть, чуть повыше малявки, с маленькими черными глазками, широко поставленными на узком лице. Он одет во все серое, и когда он неподвижно стоит на тротуаре, то сливается с

асфальтом, и его становится почти не видно.

— Мне хотелось бы, чтобы ты называл меня по-другому, — заявляет он.

У него над верхней губой топорщатся забавные редкие усики. Когда человек разговаривает, они смешно шевелятся и напоминают усы животных.

Хедли улыбается:

— Я не собираюсь называть тебя Король Крыс, да ты мне и не подчиняешься.

— Это только одно из имен. Оно неправильное. Впрочем, как тебе будет угодно.

Хедли не знает, почему его товарищ всегда ведет себя так скромно, ведь у него в подчинении находятся сотни миллионов. Его глазами и ушами является огромное количество самых разных существ, которых никто, как правило, не жалует. Это крысы, голуби и мухи. Это тараканы, воробьи и скворцы. Это белки, мыши и прочие грызуны. Они не всегда красивы и могучи, но число их несметно. Этим они и берут.

Все они подчиняются маленькому человечку, который почему-то называет себя Король Крыс.

— Разумеется, ты являешься тем, кем себя считаешь, — кивает Хедли. — Так же, как и Татьяна Макгри, которая называет себя скромной волшебницей, будучи при этом королевой всех городских судов.

— Ну, если хочешь, называй меня Гоголем, — предлагает маленький человечек.

Каждый раз, когда между ними происходит разговор, Король Крыс предлагает называть себя новым именем.

— Ты решил писать мемуары, не так ли? — интересуется Хедли.

— Если не ошибаюсь, Гоголь писал романы.

Хедли пожимает плечами:

— Хорошо, пусть будет Гоголь. На сегодня. Так ты сможешь мне помочь?

— Плата обычная?

Король Крыс — большой сладкоежка. Особенно он обожает пироги, которые печет Хедли.

— Разумеется, — кивает тот и внимательно смотрит на своего собеседника. — Мне, конечно, очень приятно, что ты всегда приходишь на помощь вовремя, но сейчас меня интересует следующее: как получилось, что ты тоже оказался именно в этом переулке?

— Я слышал разговор об одной монетке...

— Ах, вот оно что.

— Якобы она может исполнить любое желание.

Хедли кивает:

— Это все проделки Мины. Она хочет расплатиться с долгом, которого в действительности не существует. Он остался только у нее в голове.

— Тем не менее монетка действует.

— Конечно. Она очень могущественная. Не исключено, что малявка отдаст ее тебе.

Король Крыс задумчиво кивает:

— Не исключено.

— Но тогда ты будешь в долгу у Мины.

— Возможно. А возможно, и нет.

— А возможно, ты ее владыка, и тогда это будет означать лишь верность вассала своему феодалу.

— Да, у тебя богатое воображение! — ворчит Король Крыс и тут же меняет тему разговора. — Я слышал, тебе сегодня на рынке помогала малявка. А что случилось с Жюйон?

— Она сегодня вообще не пришла. Тебе ничего об этом не известно?

— Могу выяснить. Плата стандартная.

Хедли улыбается и качает головой:

— Я не сомневаюсь в твоих способностях, но для меня это уже не так важно.

— Если только ты считаешь, что нашел ей замену.

— Не уверен в этом, — вздыхает Хедли. — Элизабет, конечно, очень ловкая и талантливая, но ей еще и летать хочется.

— Понятно. Значит, она принадлежит к тем самым малявкам.

Хедли понимает, что имеет в виду его товарищ. «Те самые малявки» означало либо «обреченные», либо «те, кто обрел полную свободу и теперь парят себе в небесах и забот не знают».

— Так зачем ты собрался помогать ей?

— Не знаю. Мне понравилось, что она такая прямолинейная и добрая. И, кроме того, — добавляет он, — мне не терпится посмотреть на человека, которому доверяет малявка.

Король Крыс кивает:

— Таких очень немного. И вполне понятно, по каким причинам.

— Значит, мы с тобой договорились, — заявляет Хедли. Некоторое время он смотрит туда, где только что скрылись малявки, и наконец снова переводит взгляд на собеседника. — Сколько времени тебе потребуется, чтобы найти этого человека?

Король Крыс пожимает плечами:

— Немного. Она живет в северной части города?

— В новостройках.

— Птицам там заняться нечем, кроме сбора сплетен. Значит, начнем с малявки и его собаки, потом пойдем назад во времени и выясним, как он повстречался с твоей Элизабет. Их знакомство не могло остаться незамеченным. Это не такое дело, чтобы мои люди...

Хедли улыбается, и Король Крыс замолкает.

— Твои люди? — удивляется гном.

Король Крыс хмурится, потом продолжает говорить, словно и не слышал замечания гнома:

— Ничто не остается незамеченным. И чем более странное событие происходит, тем его легче запомнить. Итак... — Он прищуривается и начинает что-то подсчитывать. — Может быть, на все уйдет один час.

— Я буду ждать от тебя новостей.

— Где я смогу тебя разыскать?

Хедли снова улыбается:

— Имея столько глаз и ушей, ты не должен задавать подобных вопросов.

Король Крыс недовольно фыркает, но потом и на его лице появляется улыбка:

— Наступит день, когда ты назовешь меня по имени, — говорит он.

Тот, кто назовет Короля Крыс по имени, официально признаёт его своим владыкой.

«Вряд ли», — думает про себя Хедли, но вслух произносит:

— В тот день ты признаешься, что это имя — самое правильное.

— Кто знает? — пожимает плечами Король Крыс. — Все возможно. По крайней мере, так говорят. Я сам слышал.

И он исчезает за грудками мусора.

Хедли снова смотрит в ту сторону, где скрылись малявки. Гному жаль, что он не смог убедить Элизабет в необходимости оставаться самой собой и отказаться от мысли стать кем-то другим. Но кто он такой, чтобы решать за нее столь серьезные дела?

И что он вообще знает об этом? Он-то сам никогда не мечтал иметь крылья и летать.

Браво, Вега!

Ти-Джей почувствовала, как у нее задрожали коленки. Сердце бешено заколотилось в груди, как будто собиралось выпрыгнуть наружу. Она нервно оглядела поле, стараясь при этом не упускать из вида мальчишку. Он появился тут, словно из воздуха, и теперь девочка опасалась, не возник бы рядом с ним кто-нибудь из его дружков-хулиганов.

Похоже, он явился сюда один, но легче от этого бедной Ти-Джей почему-то не становилось.

— Только... не пытайся ничего предпринимать, — нахмурилась она.

— Охладись немного, *chiquita*.¹ Я просто стою на месте и ничего не делаю, ясно?

«Боже мой, боже мой, боже мой! — пронеслось в голове Ти-Джей. — Что же теперь будет?»

— У меня с собой пистолет, — сообщила она.

Ее угроза прозвучала глупо, но это было первое, что пришло ей на ум.

— Да, конечно, я тебе верю.

Хотя глаза Ти-Джей понемногу стали привыкать к темноте, она еще не могла разглядеть лицо мальчишки, но по его тону поняла, что он улыбается.

— А у меня в кармане имеется отличная помада самого модного оттенка, — отшутился он. — Не нервничай, я пришел сюда вовсе не затем, чтобы обидеть тебя.

— А тогда зачем же? — насторожилась Ти-Джей.

Она увидела, как он неопределенно пожимает плечами:

— То, что мы сегодня сделали, было неправильно. Я очень переживал из-за всего случившегося и решил собрать твои вещи и вернуть их тебе.

— Ну естественно.

Он снова пожал плечами:

— Ты можешь думать, что хочешь, *chiquita*. Но это правда.

Ти-Джей очень захотелось увидеть его лицо, хотя она сама не понимала, чем ей это могло бы помочь. Некоторые люди умеют так искусно врать, что их никогда не заподозришь во лжи. Взглянуть хотя бы на политиков. И все же, хотя мальчишка сейчас угрозы не представлял, Ти-Джей ни чуточки ему не верила.

— Почему ты меня все время так называешь? — поинтересовалась она.

— Как?

— *Chiquita*.

— Но я же не знаю твоего имени.

— Ти-Джей, — не подумав, выпалила девочка и тут же пожалела о своей поспешности. Может быть, не стоило называть себя первому встречному забияке, которого она толком не знает. Да она и не хотела знакомиться с ним ближе.

— А я Джейми. Джейми Вега.

Она подумала, что он сейчас протянет ей руку, но мальчишка продолжал спокойно стоять, оставаясь на своем месте. Потом, когда он действительно вытянул вперед руку, на его ладони оказался мобильный телефон Ти-Джей.

— Я забрал у них вот это, — сообщил он, когда хозяйка аппарата взяла его назад. — А все остальные твои вещи должны валяться здесь. Кроме денег, которые были в бумажнике. Рики оставил их себе.

— Что еще за Рики?

— Рики Томпсон.

Но имя и фамилия Ти-Джей ни о чем не говорили. Правда, она могла сообщить их брату, и вот когда Дерек доберется до этого Рики Томпсона, тому явно не поздоровится.

— Я пытался урезонить их, — пояснил Джейми. — Они такие идиоты!

— Я не заметила этого, когда вы все толкали меня и пихали от одного к другому.

Он опустил голову:

— Я очень жалею об этом. Но я имел в виду другое. Уже потом, когда они начали копаться в твоих вещах.

— А зачем же ты водишься с людьми, которые тебе не нравятся и поступают плохо?

— А с кем же мне еще водиться?

— Не знаю. Я здесь новенькая. Мы переехали сюда летом. А раньше мы жили за городом, на ферме. Теперь я хожу в новую школу Моусон.

¹ Крошка (*исп.*).

— Да? И я в Моусон. Я тоже там новичок, — подхватил Джейми. — Летом зачем-то изменили границы микрорайонов, и в результате я расстался со старыми друзьями. Меня перевели в новую школу, где учатся одни богатенькие, как ты. И ты знаешь, что самое обидное? С нашей улицы почему-то выбрали один-единственный дом, в котором живу я, и перевели его в другой район.

— А я вовсе не богатая, — сообщила Ти-Джей.

Он пожал плечами:

— У всех здесь есть свои компьютеры-наладонники, игр сколько угодно и даже, по моему, свои собственные автомобили.

— У меня даже нет CD-плеера, — призналась Ти-Джей. — Но я могу слушать музыку на своем стареньком компьютере.

— Неважно. Главное — то, что я отрезан от старых приятелей. Единственные, кто принял меня в свою компанию, это Рики и его парни. Но даже они постоянно подшучивают надо мной и дразнятся. Их не устраивает, что мой отец всего лишь ландшафтный дизайнер, а не владелец крупной фирмы и не банкир. А я все равно горжусь своим отцом.

Ти-Джей по-прежнему не могла разглядеть его лица, но сейчас ей показалось, что он нарочно стоит на месте и говорит ей все это. Наверное, он добивается того, чтобы она тоже рассказала об отце.

— А я выросла на ферме. Надеюсь, ты еще не забыл об этом? — напонила она. — Я не вижу ничего плохого в том, что люди становятся ландшафтными дизайнерами или даже простыми садовниками, раз уж на то пошло.

— И еще, как я полагаю, ты совершенно спокойно относишься к людям латиноамериканского происхождения, да?

— Разумеется, если они не такие хулиганы, как ты.

— Но я ведь сказал тебе, что я...

— Не стал останавливать своих друзей, когда они начали задиаться и толкать меня. Да-да. Я все это помню. А если хочешь знать, я сама работала бок о бок с наемными рабочими, когда наступала пора собирать урожай. Большинство из них были из Мексики. Я со всеми находила общий язык и прекрасно общалась.

— Ерунда какая-то получается, — расстроился Джейми. — Я просто хочу попросить у тебя прощения, а у меня ничего не выходит.

— Нет, это не совсем так. Ты пытаешься оправдать себя за то, что начал задиаться вместе с остальными мальчишками.

Ти-Джей и не заметила, как в ходе беседы она перестала бояться своего собеседника, а теперь все это понемногу начинало ей надоедать.

Джейми некоторое время молча смотрел на нее, потом опять виновато опустил голову.

— Да, я понимаю, — вздохнул он. — Наверное, ты права. Тогда давай поступим вот как. Я просто признаюсь в том, что виноват и очень сожалею о случившемся, и на этом мы закончим.

Ти-Джей согласно кивнула:

— Хорошо. Я еще продолжаю сердиться на тебя, но все равно спасибо за то, что ты решил вернуться и все мне рассказал.

— Мне это было совсем не трудно.

— Я ведь очень хорошо понимаю, что это значит — быть оторванной от друзей. На новом месте сложно завести достойных приятелей, которые могли бы хоть как-то заменить прежних. Вот мой брат Дерек умеет легко сходиться с людьми, а мне этого, по всей вероятности, не дано. Все тут какие-то... Не знаю. Может быть, мне это кажется, но они все мелочные, что ли. В общем, недалекие. Их интересует одно — сколько у тебя всякого барахла и с кем из влиятельных людей дружат твои родители.

— Добро пожаловать в реальный мир.

— Видимо, ты прав.

— А теперь давай вернемся к делу. Нужно найти твой рюкзак. Позволь помочь тебе,

ладно?

— Все в порядке. Я уже нашла его, это было еще днем. Я собрала почти все свои вещи, кроме телефона.

И девочки ростом в пятнадцать сантиметров. Ты ее случайно не видел, нет?

— Тогда что же ты здесь делаешь сейчас?

— Я...

Ти-Джей не знала, с чего начать.

— У меня в рюкзаке был плюшевый медвежонок... — заговорила она и снова запнулась.

— Да, а зачем он вообще тебе нужен? Ты, по-моему, уже достаточно выросла, чтобы повсюду таскать с собой плюшевого мишку.

— Не в этом дело. Это была не простая игрушка, а...

Что ж, пора было начинать сказку про неведомую ласку-хорька. Но Ти-Джей уже устала от этой глупой истории, да и вообще ей надоело врать. Она подумала, что не случится ничего страшного, если она расскажет Веге про малявок. Ей все равно никто не поверит, да и Элизабет нигде поблизости не наблюдалось. Значит, Ти-Джей вряд ли когда-нибудь найдет ее. Девочка до сих пор волновалась за Элизабет, ради которой она и отправилась в книжный магазин. В результате Ти-Джей получила жуткий стресс. Ее затолкали хулиганы-мальчишки и отняли у нее все вещи. И вдобавок ко всему ее чуть не увез в машине какой-то отвратительный извращенец.

— Там, внутри этого медвежонка, находился кое-кто, — решительно произнесла девочка.

— Что значит *кое-кто*? Кто-то живой?

Ти-Джей кивнула:

— Девочка, примерно наша с тобой ровесница, только она очень маленькая, ее рост примерно пятнадцать сантиметров.

Но почему она рассказывает все это именно ему? Если уж она решилась раскрыть кому-нибудь эту тайну, это должны были быть Джули или, в крайнем случае, Джефф.

Наступило долгое молчание, потом Джейми заговорил:

— Ты что куришь? Какую дрянь и сколько ее у тебя еще осталось?

— Я не увлекаюсь наркотиками. Я их вообще не принимаю ни в каком виде.

За этим высказыванием последовала еще одна пауза.

— Я, кстати, тоже, — сообщил Джейми, когда к нему вернулся дар речи. Он все еще находился под впечатлением рассказа о маленькой живой девочке. — Но послушай, что же ты на самом деле спрятала в медвежонке?

— Я уже сказала тебе.

— Да, я помню. Но давай говорить начистоту. Знаешь, как звучит твое признание? Крошечная живая девочка...

— Мне все равно, что ты думаешь по этому поводу, — оборвала его Ти-Джей.

И, как ни странно, на этот раз она не соврала. Ей действительно было на это наплевать. Во всяком случае, именно сейчас. Может быть, потом, в понедельник утром, когда ее анонимность раскроется, над ней начнут посмеиваться и указывать пальцем за ее спиной — *а вот девчонка, которая верит в сказки* — может, тогда ее отношение изменится. Но сейчас она даже испытала некоторое облегчение от того, что поделилась с кем-то правдой, которую так долго носила в себе.

— А теперь, — добавила она, — я отправляюсь домой, потому что здесь темно, я почти ничего не вижу, и мне ее ни за что не отыскать.

— Ну, хорошо, — отозвался Джейми. — Я, кажется, все понял. Ты решила разыграть меня, чтобы немного проучить. Я вел себя как самый настоящий урод. Но теперь я действительно хочу тебе помочь.

— Я ничего не сочиняю и никого не разыгрываю. И мне на самом деле все равно, что ты можешь обо мне подумать.

— Да, конечно, но только...

— Мне пора.

— Тогда позволь проводить тебя, — быстро произнес Джейми, прежде чем она успела повернуться к дороге.

Ти-Джей в общем-то было безразлично, узнает ли он, где она живет, или нет. Но она не собиралась становиться ему лучшей подругой. Несмотря на то, что он вернулся в поле и попросил у нее прощения, он все же был одним из тех хулиганов, которые больно толкались, а потом украли у нее все вещи.

— У меня здесь велосипед, — сообщила она.

— Ты можешь просто катить его рядом, а мы пойдем пешком. Я буду очень беспокоиться, если отпущу тебя одну. Никто не знает, что может случиться посреди ночи на улице и кто тебе еще встретится по пути.

— А мне кажется, что единственный, кто может вызывать опасение, так это ты и есть.

— Ты, конечно, не лишена чувства юмора, но я бы никогда не осмелился даже прикоснуться к тебе, если бы ты сама этого не захотела. Ты можешь вести велосипед между нами, и если тебе покажется, что я что-то замышляю, всегда сможешь ударить меня великом.

«Интересно, а что он может замышлять? — удивилась Ти-Джей. — Может быть, он захочет поцеловать меня, чего почему-то не захотелось Джеффу?» Как и в случае с Джеффом, Ти-Джей поняла, что Джейми заинтересовался ей. И это несмотря на то, что она успела рассказать ему про Элизабет.

Что за день сегодня выдался? У нее не было здесь друзей с тех пор, как они переехали с фермы. Ни единого. А вот теперь за ней стали ухаживать сразу два мальчика.

Почему он до сих пор предлагает ей помощь и не желает расставаться? Разве он не принял ее за сумасшедшую? Или все-таки принял, а теперь не хочет раздражать ее, чтобы не рассердить окончательно?

Все это было так запутанно, что Ти-Джей только пожала плечами:

— Как хочешь, — безразличным тоном произнесла она.

На этот раз она отвернулась от него и зашагала туда, где оставила свой велосипед. Вега послушно последовал за ней.

— А ты прихрамываешь, — заметил он через некоторое время.

— Конечно, — вздохнула девочка. — Именно это происходит с человеком, которого так сильно толкнули, что он упал и повредил себе колено.

— Господи! Эти парни какие-то идиоты. Да и я тоже вместе с ними.

— Это точно.

Джейми не нашелся, что ответить.

Ти-Джей думала, что он в любой момент развернется и уйдет, но мальчишка, видимо, решил выполнить обещание. Он терпеливо ждал, когда она поднимет велосипед, затем они прошли к книжному магазину и оттуда вышли на улицу, ведущую к дому Ти-Джей. В это время суток транспорта здесь практически не было. Они увидели далеко впереди только несколько красных габаритных огней машин, направлявшихся в город.

Перекресток они миновали без приключений.

— Я все расскажу брату о вашей компании, — негромко произнесла Ти-Джей.

— А он у тебя крутой парень?

— Достаточно крутой. И у него здесь много друзей.

— Это хорошо. Брат всегда должен защищать свою сестру.

Ти-Джей удивленно посмотрела на Джейми.

— Разве ты не хочешь попросить меня, чтобы я ничего не говорила ему про тебя?

— С какой стати? Я же был вместе с ними. И делал все то же, что и они. Но разница между мной и теми парнями заключается в том, что я не буду сопротивляться. Я заслужил, чтобы твой брат хорошенько надрал мне задницу.

Ти-Джей никак не могла понять, почему этот мальчик водится с такой отвратительной компанией, как Рики Томпсон и его прихвостни. Похоже, Джейми был неплохим парнем.

Держался он вызывающе, но, вероятно, оттого, что какое-то время общался с настоящими хулиганами и перенял у них эту манеру.

— Скажи, тебе было очень тяжело, когда ты оказался в новой школе? — поинтересовалась девочка.

— Просто конец света какой-то.

Ти-Джей понимающе кивнула. Уж ей-то не понять его! Именно такое же чувство испытывала и она сама, когда ей пришлось оставить Огонька и всех старых приятелей там, на ферме. Она пришла в школу, где все уже давно знали друг друга, все группировки определены, лидерство признано. И если ты только не какая-нибудь очень уж крутая и не можешь предложить чего-то особенного, тебе придется ой как нелегко.

— Но ты по крайней мере каждый день возвращаешься в свой настоящий дом, — заметила девочка.

— Да, конечно. Но в округе все стали относиться ко мне по-другому. И прежние друзья ведут себя так, будто я стал одним из вас. В смысле, одним из них. Я имею в виду богатых.

— Похоже, это были не очень хорошие друзья, а так, просто знакомые, не больше.

Он пожал плечами:

— Я только рассказываю, как все изменилось. Они держатся все вместе, но, когда я возвращаюсь из школы вместе со своими сестрами, они расходятся по домам. Я их ни в чем не виню. Просто я больше не подхожу их компании. Да и никакой другой тоже.

— Кроме Рики Томпсона и ему подобных?

Джейми снова пожал плечами:

— Похоже, это тоже совсем не то, что мне нужно.

«Вот это точно», — мысленно согласилась с ним Ти-Джей. Чем больше она узнавала его, тем больше он ей нравился. И тем меньше она связывала его с этими хулиганами.

— Я общался с ними в школе, — продолжал Джейми. — А потом сам не заметил, как стал встречаться с этой компанией и после уроков. Но мне с ними совершенно не нравится. Кроме того, я постоянно чувствую себя в их обществе униженным. Как будто я для них какая-то зверюшка, что ли.

При этих словах Ти-Джей испытала некоторые угрызения совести. Она вспомнила, как негодовала Элизабет при мысли, что с ней будут обращаться как с ручной зверюшкой. Теперь Ти-Джей поняла: вовсе не нужно быть малявкой, чтобы испытать нечто подобное.

— Ну... — начала она. — Мы можем хотя бы в столовую на обед ходить вместе.

— Это точно. После того, как твой брат надерет мне задницу.

— А вот и мой переулочек. — Они свернули с главной улицы и направились к дому Ти-Джей. — Может быть, я ему ничего про тебя не расскажу, — добавила девочка.

— Почему?

— Мне кажется, ты и так все осознал и чувствуешь себя ужасно.

— Но я не нуждаюсь...

— Ни в чьей жалости, — закончила за мальчика Ти-Джей. — Я тебя понимаю. Ты считаешь себя крутым парнем. Так оно и есть. Но я, может быть, сделаю это не для тебя, а для себя. Я сама мучаюсь без общения.

Джейми промолчал, и когда Ти-Джей повернулась, чтобы посмотреть на него, она вдруг почувствовала себя неловко. А не зашла ли она чересчур далеко? В школе она вела себя на удивление скромно и не завела еще ни одной подруги. Дома ее тоже болтушкой нельзя было назвать. И вот теперь она чуть ли не навязывает дружбу парню, про которого практически ничего не знает. Разве только то, что, несмотря на ее первые впечатления, он оказался порядочным. К тому же он (как выяснилось в свете уличных фонарей) еще и довольно симпатичный.

Наверное, теперь он подумает, что она — типичная неудачница.

Если он и подумал так, то скрыл свои мысли за очаровательной улыбкой.

— Сколько тебе лет? — поинтересовался он.

— Пятнадцать. Ну, почти пятнадцать.

Джейми кивнул.

— А мне шестнадцать. Наверное, все-таки правду говорят, что девочки взрослеют быстрее, чем парни.

— Что ты имеешь в виду?

— Сам не знаю. Просто... Мне нравится, как ты разговариваешь и как мыслишь. Это совсем не пустая и не глупая болтовня, как у моих сестер. Только пойми меня правильно, я очень люблю своих сестричек. Хотя иногда они буквально сводят меня с ума. А ты не такая. Ты... Ну, даже не знаю. Классная девчонка.

Неужели он на самом деле так думает?

Ти-Джей пришлось опустить голову, чтобы Джейми не увидел, как она покраснела, но тут они дошли до темного места, как раз между двумя фонарями, и мальчишка ничего не заметил.

— А теперь скажи мне, — попросил Вега, — зачем ты несла в рюкзаке крошечную девочку?

Ти-Джей бросила на него недовольный взгляд:

— Ты решил теперь сам надо мной посмеяться, да?

— Нет, я говорю вполне серьезно.

— Но ты же мне не поверил.

Он пожал плечами:

— Ну, давай считать, что у тебя все-таки на самом деле была та девочка, больше похожая на игрушку своими размерами. Что ты там с ней делала?

— Мы ехали в книжный магазин на встречу с писательницей, которую зовут Шери Пайпер. Она сама пишет книги про малявок — так называют себя эти крошечные люди, к которым принадлежит и Элизабет.

— Оригинально.

Ти-Джей улыбнулась:

— А всех нас они зовут верзилами. Представляешь?

— Что ж, если задуматься, в этом есть глубокий смысл. А зачем вам понадобилось встречаться с этой писательницей?

— Как я уже сказала, она сочиняет книги про малявок. Вот мы и подумали, что она, может быть, знает о них очень многое и поможет нам отыскать родственников Элизабет.

— Зачем?

Ти-Джей рассказала Джейми, что Элизабет решила сбежать из дома, но у нее из этого ничего не вышло, а в это время ее родители переехали на другую квартиру. Вот поэтому и нужно было найти их или каких-нибудь других малявок.

Когда Ти-Джей закончила свой рассказ, Джейми понимающе кивнул:

— Все продумано до мелочей.

— Что именно?

— Твое повествование.

— Я так и знала, что ты мне не поверил.

— А ты бы поверила в такую историю, если бы ее тебе рассказал совершенно незнакомый человек?

— Я бы... я бы... — Ти-Джей помолчала, потом отрицательно замотала головой. — Нет, это звучит неправдоподобно. Просто безумие какое-то.

— Ну, насчет безумия я не знаю. Во всяком случае, такого рассказчика, наверное, не следует помещать в психушку в смиренной рубашке, но ему пришлось бы изрядно потрудиться, чтобы убедить меня в правдивости этой истории.

— В общем, ты прав. И все же, если тебе не пришлось самому пережить что-то, вовсе не означает, что этого не существует в действительности.

— И это тоже верно. — Он улыбнулся. — Значит, теперь я не буду делать поспешных выводов и постараюсь смотреть на вещи по-другому.

— Правда?

— Конечно. Я, например, не вижу причин, чтобы ты все это выдумала сама.

Ти-Джей остановилась.

— Вот здесь я и живу, — объявила она.

Джейми посмотрел на дом.

— Хорошее место. Мне нравится.

— Не сомневаюсь. Но я предпочитаю нашу ферму. Хотя, может быть, когда-нибудь мы опять вернемся в деревню. Мы ведь только снимаем эту квартиру у одной женщины с маминой работы. Ее коллегу перевели на два года в Калифорнию, и дом стал свободным.

Джейми кивнул:

— Тебе не нужно ничего объяснять и оправдываться, я и так знаю, какие законы действуют в этом мире. У одних людей полно всего, у других почти ничего нет. Ну и что из того?

Ти-Джей хотела сказать, что она и не думала оправдываться, но тут ей показалось, что со стороны ее поведение выглядело именно так.

— Может быть, увидимся в понедельник в школе, — сказал Джейми.

— Конечно.

— Мне было очень приятно поболтать с тобой.

Прощаясь, он помахал ей рукой и, повернувшись, зашагал по улице. Ти-Джей хотела крикнуть ему, чтобы остановить еще на минутку, но раздумала. Ей было больше нечего сказать этому мальчику. Единственной причиной, почему ей хотелось вернуть его, было лишь то, что ей тоже очень понравилось разговаривать с ним.

Она наблюдала, как постепенно уменьшается вдаль его фигура, то появляясь в свете уличного фонаря, то снова исчезая. Ти-Джей удивилась, почему она рассказала про Элизабет именно ему, а не Джеффу, например. Может быть, из-за темноты создалась доверительная обстановка и девочке стало легче делиться секретами? Но больше всего на нее подействовало то, что она сама устала от вранья.

Ти-Джей оставалась во дворе до тех пор, пока неясный силуэт Джейми не исчез вдаль. Потом она очень осторожно завела велосипед в гараж, опасаясь каждого звука. Вдруг родители услышат ее, рванутся сюда и начнут допрашивать? Что она делает тут среди ночи?!

Но она благополучно добралась до кровати и, взглянув на будильник, поняла, что спать ей осталось совсем немного. Она легла и, глядя в потолок, начала думать. Но не о Джейми и не о Джеффе. Ти-Джей серьезно волновалась за судьбу Элизабет.

— Я даже не знаю, — засомневалась мама, когда на следующее утро Ти-Джей снова попросила отпустить ее с Джеффом в книжный магазин, где должна была выступать и подписывать свои книги всем желающим Шери Пайпер. — После того, что случилось вчера...

— Ну, мам!

— Кроме того, мы совсем не знаем этого мальчика. Ты же сама говорила, что ему... Сколько? Восемнадцать?

— Семнадцать.

— Все равно, он очень большой для тебя, — высказал свое мнение отец.

— Я же говорила маме, что у нас не такие отношения, — устало повторила Ти-Джей. — Это никакое не свидание. Господи! Он просто хочет меня подвезти до магазина.

— Все равно...

— Тогда может кто-нибудь из вас подбросить меня туда на машине?

Мама вздохнула:

— Ти-Джей, ты же знаешь, что мы с папой планировали совсем другое. Мы уходим в гости, и это было известно за неделю.

— Может быть, тебя Дерек проводит? — предложил отец.

Но брат отчаянно замотал головой:

— Нет, у меня важная репетиция.

— Это же всего-навсего книжный магазин, — взмолилась Ти-Джей. — И я хочу пойти

туда днем.

Родители многозначительно переглянулись.

— Только если мы успеем познакомиться с ним перед вашей поездкой, — высказался отец.

Ти-Джей победно улыбнулась:

— Я знаю заранее, что он вам понравится.

* * *

Встреча с писательницей в книжном магазине «Варне и Ноубл», расположенном в центре города, была назначена не на день, а скорее, на ранний вечер. Джефф с радостью согласился приехать к Ти-Джей до ухода ее родителей и познакомиться с ними. Увидев Джеффа, папа и мама успокоились. Они убедились в том, что это достойный юноша, а не какой-нибудь псих-убийца-насильник, присмотревший в качестве очередной жертвы их бесценную юную дочурку.

Папа, конечно, расспросил Джеффа о его планах на будущее. Таким образом, он косвенно намекнул, что, когда Джефф будет посещать занятия в университете, Ти-Джей придется по-прежнему ходить в ненавистную школу Моусон. Мама, слава богу, не стала выпускать свои львиные коготки. Она была с юношей крайне вежлива и делала вид, что ее интересуют все его дальнейшие планы на жизнь. Правда, когда он этого не видел, она впивалась в него взглядом так, словно старалась навсегда сохранить в памяти черты его лица, чтобы потом суметь рассказать о них художнику, зарисовывающему в полиции портреты со слов пострадавших и свидетелей. Дерек умчался как раз в тот момент, когда Джефф входил в дом, так что брат ограничился мимолетным «привет» и сочувственным взглядом в сторону гостя.

И, что самое приятное, Джефф не стал вспоминать про «ласку-хорька» и развивать данную тему.

Когда Джефф и Ти-Джей остались одни на кухне, они еще немного поговорили о книгах и кино, пока не настало время ехать на встречу.

— Мне кажется, я не очень понравился твоим родителям, — признался Джефф, когда они тронулись в путь.

Это были его первые слова о них. Когда чуть раньше, на кухне, Ти-Джей извинилась за пристрастный допрос отца, Джефф только пожал плечами.

— Да что ты! Я уверена, ты произвел на них хорошее впечатление, — убедительно произнесла Ти-Джей.

— Тогда почему твоя мама бросала на меня такие подозрительные взгляды?

— Об этом можешь не волноваться. Она вела бы себя точно так же, если бы ты был прекрасным принцем и имел при этом пачку рекомендаций. И не забывай, что они все-таки оставили нас вдвоем в пустом доме.

— Наверное, ты права. — Он посмотрел на нее, потом снова перевел взгляд на дорогу. — Ну, и как ты держишься? Я имею в виду, после того, что произошло вчера.

— Сама не знаю. Больше всего меня удивляет случайность всех этих событий. У тех ребят не было никакой причины нападать на меня, а у того мужчины — хватать и тащить к себе в машину.

— Ты просто оказалась не в том месте и не в то время.

Ти-Джей кивнула:

— Но с другой стороны, мне кажется, не все так просто. Что-то здесь не так, — задумчиво произнесла девочка и замолчала.

— А как? — поинтересовался Джефф, когда пауза затянулась.

— Да ну, мне в голову лезут всякие глупости.

— И все-таки, поделись ими со мной.

Ти-Джей вздохнула:

— Хорошо. Я знаю, что это неправда, и все же мне почему-то кажется, что все неприятности произошли из-за меня. Я сама во всем виновата. Глупо, да?

— Не очень. Ты хочешь найти всему разумное объяснение, но, поскольку его не существует, ты придумала свой вариант.

— Ты, наверное, в будущем собираешься стать психологом?

— Нет. — Он отрицательно покачал головой. — Просто я очень много читаю.

Они помолчали. Джефф сосредоточился на дороге, Ти-Джей бесцельно смотрела в окошко на пробегающий пейзаж.

«Где ты сейчас, Элизабет? — думала она. — Может быть, мы только что проехали то самое место, где ты нашла себе убежище? Неужели ты заметила меня в машине рядом с парнем и подумала, что у меня свидание и я перестала искать тебя?»

— Забавно получается, — начал Джефф после нескольких секунд паузы. — Нам становится трудно ориентироваться потому, что в реальной жизни мы нечасто встречаем настоящих злодеев, таких, как в кино или романах. Когда читаешь или смотришь фильм, там все ясно: где хорошие парни, а где плохие. Но как только закрываешь книгу или выходишь из кинотеатра, начинаешь путаться.

Он мельком взглянул на девочку, и она послушно кивнула, давая понять, что внимательно слушает его.

— Мне кажется, — продолжал Джефф, — у нас начинаются неприятности с некоторыми людьми вовсе не потому, что они представляют собой настоящее зло, а просто они недоброжелательно относятся к нам. Это подленькие людишки, а иногда они просто глупы. Конечно, я не берусь утверждать, будто встреча с ними менее опасна, нежели с книжным злодеем. Но мотивация у них совсем другая. Ну, не знаю, как и сказать. Типа базовая, что ли...

— Теперь понятно, ты решил посвятить себя философии, — высказала свое предположение Ти-Джей.

Джефф улыбнулся:

— Наверное, я не слишком понятно объясняю, да?

— Да нет, мне все ясно. Я уловила твою мысль. Но всех, кого ты перечислил, можно отнести к одной группе. Это, так сказать, градация серого. Разные оттенки, но цвет, по большому счету, тот же.

— Это я и имел в виду.

Ти-Джей повернулась к окошку и долго смотрела в никуда.

— Этой ночью я повстречала одного из тех мальчишек, — наконец заговорила она. — Из той компании, которая напала на меня там, на поле.

— Что ты сказала?!

— Но самое любопытное заключается в том, что он оказался совсем неплохим парнем и просил у меня прощения. Он отправился ночью на поле, чтобы собрать мои вещи и потом отдать мне.

— А ты-то что там делала? Ах, да. Я совсем забыл про твоего ручного зверька. Ласку или хорька, кажется. Как его звали, я запомнил?..

— Элизабет.

Наступил подходящий момент, чтобы перестать врать и рассказать Джеффу всю правду. Она уже поделилась секретом с Джейми и выяснила, что это не так страшно.

— Только все дело в том, что это не ласка и не хорек, — начала Ти-Джей.

— Да ты что?

Он снова бросил на девочку быстрый удивленный взгляд.

— Я сказала тебе про зверька, — уверенно продолжала она, — потому что была уверена: если я тебе расскажу всю правду, ты неверишь мне.

Боже! Оказалось, что днем, да еще сидя в машине рядом с парнем, сделать это весьма трудно. Они проехали промышленную зону, «Полосу» с ее бесчисленными магазинами, но до центра города было еще далеко. В темноте говорить было гораздо легче. А может быть,

дело вовсе не во времени суток? Вчера она Вега выпалила все это одним духом, да к тому же ей было все равно, что он о ней подумает.

— Так кто же она на самом деле? — напомнил Джефф.

— Девочка. Маленькая девочка-тинейджер ростом примерно в пятнадцать сантиметров.

Джефф улыбнулся:

— Ну, разумеется.

— Нет, я серьезно говорю.

Он посмотрел на нее, потом выругался, потому что их тут же подрезала проезжающая рядом машина. Джефф нажал на тормоза и несколько секунд смотрел на дорогу, потом снова бросил быстрый взгляд на свою спутницу.

— Я понимаю, — начал он. — Мы же едем на встречу с Шери Пайпер, и ты теперь представляешь себе, что сама еще вчера потеряла малявку.

— Но я *действительно* ее потеряла.

Он осуждающе покачал головой:

— Перестань, ты ведь уже в старших классах.

— И что с того?

— Ты уже взрослая и веди себя соответственно. Хватит сочинять всякую чепуху, этим занимаются только маленькие дети. Может быть, так принято в захолустье, откуда вы приехали, но здесь такое не катит.

Примерно то же самое Ти-Джей ожидала услышать вчера от Джейми, когда поделилась с ним своей тайной.

— А вот Джейми мне почему-то поверил, — сообщила она.

— Кто такой Джейми?

— Тот парень, которого я встретила в поле, когда пошла искать ее.

— Он тебе сам об этом сказал? — удивился Джефф. — Сказал, что поверил в эту сказку?

«В общем, нет, — вынуждена была мысленно признаться девочка. — Но зато он пообещал не делать поспешных выводов и смотреть на вещи по-другому, а это уже кое-что».

Вслух же она сказала:

— Да. Именно так.

Джефф только покачал головой:

— Мне кажется, ему хочется побыстрее залезть тебе под юбку.

— Нет, просто он оказался более чутким, чем ты, и сумел понять меня.

— Боже мой! Как я полагаю, ты и Шери Пайпер собираешься сказать то же самое?

— Мы собирались поговорить с ней серьезно, потому что Элизабет сбежала из дома и ей некуда было идти. Мы подумали, что Пайпер поможет нам разыскать других малявок.

— Купи ее книги. Это единственное место, где твои малявки существуют.

— Почему ты так сердишься на меня?

— А почему ты так глупо себя ведешь?

— Я... — Ти-Джей почувствовала, как к глазам подступают слезы, но она наотрез отказалась плакать. — Ничуть не глупо, — уверенно произнесла она. — Просто ты ничего не понимаешь и не хочешь понимать.

Джефф неожиданно свернул и припарковал машину на свободное место возле какого-то магазина. Он переключился на нейтралку и только после этого внимательно посмотрел на собеседницу.

— Я только хочу избавить тебя от неприятных минут, — вздохнул он. — Ты поставишь себя в дурацкое положение, а мне придется выкручиваться. Пожалуй, лучшим выходом будет немедленно отвезти тебя домой. Наверное, Пайпер уже привыкла к тому, что ее одолевают толпы маленьких ребятишек, верящих во все ее рассказы, но тебе ведь уже... сколько? Пятнадцать! По-моему, пора повзрослеть.

— Но...

— Если честно, что ты хочешь от нее услышать? «Да-да, конечно, все мои герои существуют в реальности! Какое облегчение наконец-то познакомиться с тем, кто тоже видел их!» Нет, милая, ничего подобного не произойдет. Конечно, она будет беседовать с тобой крайне вежливо — в этом я уверен, но при этом она не расскажет тебе ничего нового. Малявки, всякие там гномики, эльфы и так далее, так же, как чудовища и привидения, в реальной жизни не встречаются. Это только вымысел. А те, кто считает по-другому, лишь обманывают сами себя.

— Да пошел ты! — нахмурилась Ти-Джей.

Она открыла дверцу машины и начала выходить. Джефф попытался остановить ее:

— Подожди минуточку!

Он схватил ее за руку чуть выше локтя, но она вывернулась и через секунду уже ступила на асфальт.

— Ты мне не нянька, — напомнила Ти-Джей.

— Да, но мне кажется, нянька тебе действительно нужна. Я же отвечаю за тебя. Что потом скажут твои родители?

— А тебе не все равно?

— Может быть, ты оглядишься сначала по сторонам? — посоветовал Джефф. — Это не та местность, где тебя можно оставить одну.

Да уж, действительно. Местечко было не слишком привлекательным и к тому же совершенно незнакомым. Вдалеке виднелось озеро. Где-то там, еще дальше, располагался центр города, а здесь шли один за другим какие-то непонятные магазинчики вперемежку с автомастерскими. Тут же находились дешевые забегаловки и сомнительные ломбарды. Правда, они еще не доехали до самого страшного района, который местные нарекли «Могилами». Там квартал за кварталом занимали заброшенные фабрики, заводы и опустевшие жилые дома. Но и это место показалось Ти-Джей отвратительным.

— Я все равно буду на встрече, — упрямо заявила девочка.

— Я не могу бросить тебя здесь.

— Меня не интересует, как ты поступишь.

Он нахмурился, потом, вздохнув, кивнул:

— Хорошо. Я довезу тебя до книжного.

— Я с тобой никуда не поеду, — не отступала Ти-Джей. — Ты сейчас развернешься и отвезешь меня назад. В мой район, дальше я соображу сама, что мне делать.

— Я тебе обещаю, что больше не буду...

Но она с силой захлопнула дверцу и направилась к ближайшей автобусной остановке. Она заметила ее за несколько домов, недалеко от бара, рядом с которым скучали старый пикап и навороченный красавец мотоцикл, сияющий хромом и сталью, с длинными рогами руля. Ти-Джей не особенно интересовал стиль жизни молодых людей, посвятивших себя таким крутым машинам, но все же сам вид роскошных мотоциклов ее привлекал.

Она обернулась и увидела, что Джефф вышел из автомобиля и последовал за ней с явным намерением догнать беглянку и вернуть на место.

— Не приближайся! — грозно выкрикнула девочка.

— А не то что будет?

— Что будет? — Она вынула из кармана мобильник. — Я сейчас позвоню в полицию и обвиню тебя в сексуальных домогательствах. Они приедут и заберут тебя куда следует.

Ти-Джей не сообщила родителям, что ее телефон нашелся, поэтому его номер был до сих пор заблокирован. Позвонить она не могла, но Джефф этого не знал.

— А я им скажу, что ты веришь в сказочных героев, и тебя упекут в психушку.

— А я им отвечу, что ни в кого я не верю.

— Ну, хватит ребячества, Ти-Джей. Садись в машину и поехали.

Он сделал еще шаг вперед, но она снова прижала мобильник к уху.

— У меня телефон 911 запрограммирован, — серьезным тоном произнесла она. — Мне нужно нажать всего одну кнопку.

Она повернулась и снова зашагала к автобусной остановке. Осторожно оглянувшись, девочка увидела, что Джефф по-прежнему плетется за ней.

— Ну перестань, Ти-Джей, — взмолился парень, когда она дошла до бара.

Остановившись под вывеской автобусной остановки, девочка еще раз угрожающе продемонстрировала Джеффу свой мобильник. И хотя приятели Джейми вчера отняли у нее деньги, отец сегодня выдал ей двадцать пять долларов, поэтому она могла спокойно доехать до центра города. Теперь Ти-Джей надеялась, что у водителя найдется сдача. Заходить в бар, для того чтобы разменять деньги, ей не хотелось. Да и вряд ли ее пустили бы в такое заведение.

Девочка задумалась, как ей поступить. Джефф замер как вкопанный. Сейчас их разделяло расстояние шагов в десять. Парень был в отчаянии, но скрывал свое душевное волнение улыбкой, которая, правда, касалась только его губ. Глаза при этом оставались весьма озабоченными.

— Не нужно ничего предпринимать, — наконец произнес он. — Просто садись в машину, и я довезу тебя до книжного магазина, как мы и договаривались.

Но Ти-Джей отрицательно покачала головой:

— Я больше тебе не доверяю.

— Черт тебя побери! — заорал Джефф. — Да прекратишь ты когда-нибудь эту комедию?!

В этот миг дверь бара распахнулась, и оттуда вышел владелец роскошного мотоцикла, держа в одной руке упаковку пива. По крайней мере, это Ти-Джей решила, что мотоцикл принадлежит именно ему. Парень был высокий, широкоплечий, с гладко зачесанными назад темно-рыжими волосами, одетый в потертые джинсы и черную кожаную куртку с закатанными по локоть рукавами. На его руках красовались причудливые цветные татуировки.

Он остановился и быстро окинул взглядом Ти-Джей и Джеффа, оценивая обстановку.

— По-моему, этот тип доставляет тебе неприятности, мисс? — осведомился он.

Ти-Джей опешила. Она не знала, что ему ответить. Парень был слишком уж крут с виду. И если она ответит «да», то не поставит ли себя в еще более сложное положение?

— Послушай, у нас все в порядке, — тут же отозвался Джефф.

Байкер одарил его недоверчивым взглядом.

— Я, кажется, разговариваю не с тобой, — заметил он.

— Да нет, я ничего плохого не имел в виду, я только... Господи, Ти-Джей, скажи ему, что... — Он умоляюще посмотрел на нее и добавил: — Неужели нельзя просто побыстрее уехать отсюда?

— Мисс, ты мне так и не ответила, — напомнил байкер.

Ну, ладно. Допустим, он крутой. Костяшки его пальцев на той руке, в которой он держал пиво, были красными и ободранными, как будто он долго молотил ими по кирпичной стене. Но вел себя этот молодой человек на удивление вежливо.

— Я хочу поехать в город на встречу с известной писательницей, — начала Ти-Джей. — А он на меня за это разозлился.

Байкер понимающе кивнул и обратил все свое внимание на Джеффа:

— Вали-ка отсюда, приятель. Да поживей.

— Но...

— Не заставляй меня подходить к тебе. Не вижу препятствий, почему бы мне сейчас не швырнуть тебя об асфальт, да покрепче, чтобы ты больше не надоедал своей подруге.

— Да она не моя...

— Плевать. Мне нужно, чтобы ты отсюда исчез. И немедленно.

Джефф в последний раз умоляюще уставился на Ти-Джей, но девочка решительно замотала головой, отказывая ему. Тогда он повернулся и медленно побрел к своей машине.

— У тебя есть деньги на автобус? — поинтересовался байкер.

Она кивнула:

— Да, но вы случайно не знаете, водители дают сдачу?

Он улыбнулся:

— Прости, не знаю. Уж и не помню, когда я в последний раз ездил на автобусе.

Ти-Джей краем глаза видела, как Джефф сел в машину и завел ее. Но он почему-то не торопился уезжать. Байкер тоже оглянулся в его сторону.

— Ты хочешь, чтобы я побыл рядом, пока не появится автобус? — спросил он.

— Мне не хотелось бы навязываться...

Боже, да он, оказывается, просто молодец! Вот уж действительно «никогда не суди человека по его внешности». Правда, это еще не означало, что милый байкер в одну секунду вдруг не изменится и не начнет говорить ей всякие гадости, как это произошло с Джеффом. Вот от Джеффа-то она подобного как раз и не ожидала.

— Кстати, я и сам могу подбросить тебя, — продолжал тем временем байкер. — Надевай мой шлем, хотя, наверное, он будет тебе чуточку великоват.

— Я...

Господи! Да родители убьют ее, когда обо всем узнают, а они обязательно узнают, потому что им расскажет Джефф. При этом он переиначит все по-своему и докажет, что их дочь попросту сошла с ума. А если учесть, что она раскрыла ему тайну про Элизабет и малявок, со стороны может показаться, что она и в самом деле спятила.

— Да не переживай ты, — улыбнулся байкер. — Можно подождать и автобуса.

Ти-Джей кивнула. Было в этом парне что-то знакомое, только она никак не могла вспомнить, что именно.

— А где ты так повредил свою руку? — неожиданно для себя самой спросила Ти-Джей.

Он поднял руку и продемонстрировал больные костяшки.

— Ты имела в виду вот это? — Парень улыбнулся. — Это не то, что ты могла подумать. У меня тут неподалеку мастерская, буквально в двух кварталах отсюда. Так вот, я ремонтировал одну машину, гаечный ключ сорвался и ударил по руке.

— Тебе было больно?

— Да уж, мать твою... — Он запнулся. — То есть, конечно, и еще как!

— Меня зовут Ти-Джей.

Он понимающе кивнул:

— Я уже успел догадаться. А меня — Огонек.

Когда он назвал свое прозвище, девочка вспомнила, почему он показался ей знакомым. По местному телевидению очень часто крутили рекламный ролик: «Автомастерская Огонька». Ролик начинался с того, что этот парень скакал по полю на коне, который каким-то чудесным образом превращался в мотоцикл и останавливался у ворот его гаража. Затем Огонек снимал шлем и, когда его лицо показывали крупным планом, заявлял: «Вы можете довериться нам». После этого на экране опять возникал гараж, из которого доносилось веселое конское ржание. На этой мажорной ноте ролик заканчивался. Реклама понравилась Ти-Джей с первого раза.

— Я видела твой ролик по телевизору, — сообщила девочка. — Он просто здоровский!

Парень улыбнулся:

— Правда? Мне он тоже нравится. Главное, когда его стали крутить, дела у меня пошли на лад.

— А там, в рекламе, эта лошадь... Она твоя?

— Нет, зато мотоцикл мой. А лошадь принадлежит моим друзьям, они живут за городом.

— У меня тоже когда-то был свой конь, его звали так же, как тебя — Огонек, — сообщила Ти-Джей. — Мы тогда тоже жили не здесь, а на ферме.

Тут Ти-Джей поняла, что говорит какую-то глупость, и тут же добавила:

— Я его очень любила.

Но это прозвучало совсем уж не к месту. Да и вообще, что это она вздумала заигрывать с ним? Но ему на вид, наверное, лет тридцать, не меньше.

— То есть я хотела сказать... — в смущении начала девочка и замолчала, не зная, что добавить.

— Да все в порядке, — улыбнулся Огонек. — Я все понял. И что же случилось с твоим конем?

— Пришлось отдать его, когда мы переехали в город.

Парень перевел взгляд на мотоцикл и понимающе вздохнул:

— Да уж, терять друзей очень тяжело. Я даже не знаю, как смог бы пережить такое.

— Мне было трудно смириться.

И тут слезы, которые она до сих пор так удачно скрывала от Джеффа, предательским образом выступили у нее на глазах, а одна даже потекла по щеке.

— Ой, прости, — зачем-то сказала Ти-Джей и вытерла щеку рукавом. — Иногда на меня находит, когда вспоминаю все это.

Огонек неловко похлопал ее по плечу:

— Ничего страшного. Иногда и поплакать не вредно. Это ведь означает, что у тебя чувства самые настоящие.

— Скорее всего, ты прав...

Девочка оглянулась и увидела, что Джефф до сих пор сидит в машине и наблюдает за беседующими.

— Может быть... может быть, мне действительно стоит проехаться с тобой?

Огонек бросил быстрый взгляд на машину Джеффа и вместе с девочкой направился к мотоциклу. Уложив пиво в багажный контейнер, он протянул Ти-Джей свой шлем.

— У меня в мастерской есть другой, поменьше, если ты согласна сделать остановку на пути, — сообщил парень.

Девочка кивнула:

— Хорошо, давай остановимся. Ты ведь не можешь сам ехать без шлема.

— Немножко можно. Но ты, конечно, права. Кстати, ты когда-нибудь каталась на мотоциклах?

— Нет.

— Ничего сложного здесь нет. Просто держись за меня, а на поворотах следи за моими движениями и тоже немного наклоняйся в сторону.

— Договорились.

Он наклонил голову вбок и хитро улыбнулся:

— Впрочем, можно подождать автобус.

— Нет, я согласна. Я с удовольствием прокачусь. И большое спасибо за помощь.

Огонек снова взглянул в сторону Джеффа:

— Не люблю задир и надоедливых.

Затем он завел мотоцикл, и они умчались прочь.

* * *

Джефф со злостью ударил кулаком по приборной доске. Это же просто невероятно! Сначала она несет какую-то откровенную чушь, а теперь еще и эта выходка. Неважно, что Ти-Джей думает по этому поводу. Он несет за нее ответственность. Если с девочкой что-то случится, ее родители будут винить только его. И о чем она думала, уезжая в неизвестность с каким-то грязным байкером?

Сейчас Джефф сам не мог понять, зачем он вообще согласился отвезти ее в город.

Хотя, нет, здесь он слукавил. Она была симпатична, неглупа, а главное, ему было очень жаль ее в связи со вчерашними событиями. Но она еще совсем маленькая. Кто знает, может, она и в самом деле верит во всякую чертовщину? Джефф легко мог себе представить лицо Шери Пайпер, когда Ти-Джей начнет выкладывать ей свою историю. Джефф положил руки на руль и устало опустил на них голову.

Что ему теперь делать? Поехать за ними? Но если байкер заметит его, может начаться

драка, и тогда Джеффу явно не поздоровится. А если с ней все же случится какая-нибудь неприятность? Теперь получается, что он последним видел ее целой и невредимой. К тому же он позволил этому типу увезти девочку...

Может, все-таки следует позвонить в полицию? А что он им скажет? Ведь ни Ти-Джей, ни байкер пока не нарушили закон. Да и родителям ее он позвонить не может. Или может? Но их сейчас нет дома. Он чуть было не решился оставить им сообщение на автоответчике и рассказать, какую глупость учудила их драгоценная дочка.

Пока Джефф рассуждал, как ему лучше поступить, невдалеке, буквально на соседней улице, снова промелькнул злосчастный мотоцикл. На этот раз оба седока были в шлемах.

Джефф вздохнул с облегчением. Что ж, хотя бы так. Мотоциклисты на секунду взглянули в его сторону, потом помчались дальше, в центр города. Если они поедут по этой улице и дальше, она приведет их как раз к книжному магазину.

Джефф выехал на ту же улицу, но направился в противоположную сторону, зная, что байкер обязательно посмотрит на него в зеркальце заднего вида. Пусть считает, что соперник отправился домой. Но Джефф и не думал этого делать. Он проедет несколько кварталов и поедет к книжному окружным путем. Эту дорогу водители используют редко, к тому же сегодня воскресенье, поэтому он сможет приехать к месту назначения даже раньше их.

Не исключено, что, застав Ти-Джей одну, Джефф все же сумеет убедить ее не разговаривать с писательницей и не выставить себя перед ней полной идиоткой.

Возможно, она его и слушать не захочет.

Но в одном Джефф был уверен: так или иначе он обязан доставить девочку в родительский дом в целости и сохранности. Что бы ни произошло.

* * *

— Как ты думаешь, твой дружок здесь не появится? — поинтересовался Огонек, подъезжая к крупному торговому центру на Уильямсон-стрит.

Ти-Джей сошла с мотоцикла и отрицательно покачала головой.

Книжный магазин, где должна была выступать Шери Пайпер, находился чуть подальше, в многоэтажном здании, выходящем окнами на большое озеро. Лет тридцать назад это был крупнейший торговый центр в городе и все жители ходили за покупками именно сюда. Но пару десятилетий назад, когда были выстроены жилые кварталы на окраинах города, население стало чаще посещать местные магазинчики, которые росли, как грибы, вместе с многоквартирными домами. Только в последние годы торговый центр на Уильямсон-стрит вернул себе былую славу и популярность.

— Не думаю, — спокойно заявила Ти-Джей. — А если даже и так, то тут полно людей, и он вряд ли осмелится хулиганить.

Ти-Джей очень понравилась поездка на мотоцикле. Она даже и предположить не могла, что это будет настолько восхитительно. Ощущение мощного механизма напомнило ей о тракторе, оставшемся на ферме. Но скорость, конечно, была совсем другой, потому всё это больше походило на конную проулку, когда она носилась по полям на своем верном Огоньке. Теперь девочка подумала о том, позволят ли ей родители когда-нибудь приобрести мотоцикл. Когда она подрастет и сможет получить права. Да уж... Это вряд ли.

— Было здорово, — восторженно произнесла она.

— Лучше мотоцикла ничего нет. Тебе нужно будет как-нибудь проехаться по загородному шоссе, где никто и ничто не мешает. Там ты как следует почувствуешь машину.

— Это, наверное, похоже на то, когда едешь верхом на коне, — кивнула девочка. — Неповторимое чувство свободы.

— Верно, — согласился байкер. — Именно так. Чувство свободы.

Ти-Джей не могла оторвать взгляда от изумительного мотоцикла. Как он сверкает хромом, какие у него изящные линии! Просто само совершенство, иначе не назовешь.

— У меня тоже когда-нибудь будет свой, — задумчиво произнесла она.

— Мотоцикл?

Ти-Джей кивнула. Как здорово, что он верит ей и не считает ее наивным ребенком.

— Обратись ко мне, когда будешь готова к покупке, — предложил байкер. — Я помогу тебе подыскать хорошую машину.

— Наверное, я так и поступлю, — пообещала Ти-Джей.

— Ты потом домой сама доберешься? — осведомился Огонек.

Девочка кивнула.

— Мои родители ушли в гости, но уже скоро вернутся. Я смогу позвонить им, и они за мной сюда заедут.

— Ну, хорошо. И возьми вот это. Вдруг тебя нужно будет подбросить куда или еще что понадобится.

Он вручил ей свою визитку, на которой было выведено: «Автомастерская Огонька», а чуть ниже написано его настоящее имя: «Уильям Форд». Кроме того, на карточке красовался рисунок мотоцикла, очень похожего на его собственный, был указан адрес мастерской, а также телефон и электронная почта. В самом углу Огонек приписал шариковой ручкой еще один телефон:

— Это номер моего мобильного, — пояснил парень. — Сначала звони по нему, потому что сегодня меня в мастерской уже не будет.

— Спасибо. Не знаю, понадобится ли он мне сегодня, но если что, я обязательно им воспользуюсь.

— Хорошо. И будь осторожней, Ти-Джей. Береги себя.

— Ты тоже, Огонек, — произнесла на прощание Ти-Джей и невольно улыбнулась. Как странно было называть человека таким именем.

Она проводила его взглядом и, когда мотоцикл исчез вдаль, повернулась ко входу в торговый центр. Ей приходилось бывать здесь с родителями и раньше, и Ти-Джей помнила, что книжный отдел располагается на втором этаже. Если точнее, то на втором и третьем, поскольку имел целых два уровня.

Девочка еще несколько секунд стояла у входа, не решаясь войти. Ей вспомнился спор с Джеффом, который чуть не перешел в драку, и теперь она никак не могла отделаться от неприятного впечатления. Кроме того, ее вдруг одолели сомнения.

Конечно, она прекрасно помнила крошечную девочку ростом около пятнадцати сантиметров. А что, если она все это выдумала и Элизабет существует лишь в ее воображении? Это больше похоже на правду, нежели сама мысль о том, что малявки живут в нашем мире рядом с обычными людьми. Мы каждый день узнаем о том, что кому-то слышатся странные голоса, а кого-то преследуют галлюцинации. И при этом другие люди ничего не видят и не слышат.

А что если Джефф прав?

Вдруг ей действительно требуется помощь. Причем профессионального психиатра. Потому что спятила она, а не писательница, сочинившая несколько книг для маленьких ребяташек? А что если Шери Пайпер вообще не станет слушать ее?

Ведь если кто-нибудь потребует от нее прямых доказательств существования Элизабет, она не сможет их предоставить. Ей нечего предложить в подтверждение своей правоты. Одни только воспоминания, и если они являются лишь выдумкой...

Нет, она не может идти туда.

Никогда раньше Ти-Джей не сомневалась в своей памяти. Не могла она оставить воспоминания и сейчас только потому, что со стороны ее поведение могло показаться безумным. Впрочем, она знала только то, что знала, и если ей кто-то не верит... Это целиком и полностью их проблемы. Теперь она возненавидела Джеффа еще больше, чем тогда, когда сидела с ним в машине. Мало того, что он усомнился в ее психическом здоровье, он еще заставил ее саму задуматься на эту тему.

Девочка расправила плечи и решительно шагнула внутрь здания.

Прямо у входа был вывешен красочный плакат с фотографией Шери Пайпер и

названием ее новой книги. Ти-Джей внимательно изучила его. На снимке писательница выглядела довольно молодо, хотя девочка понимала, что это может быть обманом. Слишком уж часто знаменитости используют свои старые фотографии, где они смотрятся весьма привлекательно. Лет на десять моложе, если не больше. Но лицо у Пайпер было миловидным, глаза добрые, чуть с лукавинкой.

Почувствовав себя увереннее, Ти-Джей шагнула на эскалатор, чтобы подняться на второй этаж, где располагался книжный отдел. Менеджер указал ей, куда нужно пройти, чтобы попасть в секцию книг для детей, где и должна была проходить встреча с писательницей. Для этого следовало подняться на третий этаж, но Ти-Джей почему-то решила воспользоваться не эскалатором, а лестницей.

Это оказалось мудрым решением, потому что, как только девочка собралась пройти в детскую секцию, она увидела возле эскалатора Джеффа. Что еще хуже, рядом с ним стоял охранник, сотрудник магазина. Ти-Джей в тот же момент нагнула голову и быстро юркнула в сторону.

Боже, что же ей теперь делать? Ти-Джей не могла поверить своим глазам. Интересно, что он успел наговорить охраннику?

— И от кого же мы пытаемся спрятаться? — раздался чей-то голос у нее за спиной.

Девочка резко обернулась и чуть было не упала на книжные полки. Впрочем, так бы оно и произошло, если бы ее не поддержал неизвестно откуда появившийся Джейми.

— Ой, спасибо, — проговорила изумленная девочка. — Теперь я понимаю, что значит выражение: «выпрыгнуть из собственной шкуры».

— Пожалуйста, — улыбнулся Джейми.

— А ты-то что тут делаешь? Ты что же, решил меня преследовать?

— Даже не думал. Ты сама сказала, что сегодня приедешь сюда.

— И зачем ты сюда пришел?

— Ну, может быть, я не мог дожждаться понедельника, чтобы снова встретиться с тобой.

— Ах, вот оно что. Охотно верю.

— Неужели в это так трудно поверить? — удивился парнишка.

— Не знаю. Нет, наверное. Я просто...

Она только покачала головой и заглянула за книжную полку, где по-прежнему возле эскалатора стоял Джефф рядом с охранником. Они расположились так, что человек мог их заметить лишь в тот момент, когда уже оказывался на третьем этаже. И нужно было сходить с эскалатора.

— Вот уж не думал, что тебе придется это делать, — еще больше удивился Джейми, поглядев в ту сторону, куда только что тревожно смотрела девочка.

— Ничего не поняла.

Он пожал плечами:

— Не знаю, конечно, что ты могла натворить, но, если не ошибаюсь, именно сейчас ты пытаешься скрыться от полицейского.

— Ничего плохого я не делала, — отозвалась Ти-Джей. — Просто там стоит этот дурак Джефф.

Она отошла ближе к полкам, на безопасное расстояние от Джеффа и охранника, и присела на корточки. Джейми последовал ее примеру, и девочка вкратце пересказала ему все то, что произошло с ней сегодня днем.

— Но я ведь тоже не сказал, что поверил тебе, — напомнил Джейми.

— Нет, но ты согласился не делать поспешных выводов. Не стал высмеивать меня и обращаться со мной как с маленьким неразумным ребенком.

Он снова неопределенно пожал плечами.

— А для меня это было очень важно, — пояснила девочка.

— Я имел в виду вот что... Просто... ну, что я мог тебе сказать? Люди говорят о таких вещах только в том случае, если это правда. Или они сумасшедшие. А вот ты мне сумасшедшей совсем не кажешься, потому что я не спешу с выводами.

— Ну вот, видишь, а Джефф вел себя совершенно по-другому.
— И что же ты сейчас намерена делать? — поинтересовался Вега.
— Понятия не имею. Но не зря же я проделала сюда такой путь. Я должна встретиться с Шери Пайпер.

Он понимающе кивнул:

— Да, я бы тоже не отказался.
— А я и не знала, что тебя интересуют книги.
— Послушай, я же умею читать.
— Ну, извини, я не хотела тебя обидеть...
— Все в порядке. Я ведь уже говорил тебе, что мне хотелось увидеться с тобой еще до понедельника. Но еще мне интересно выяснить все про этих малявок.

— Есть загвоздка, — вздохнула Ти-Джей. — Как только я сделаю отсюда один шаг, меня задержит этот охранник и вызовет сюда родителей.

— А мы их перехитрим.

— Как это?

Джейми кивнул в сторону Джеффа и заговорщическим тоном начал:

— Смело шагай туда и на весь магазин начинай орать, что он тебя повсюду преследует и домогается и ты уже устала от его притязаний.

— Нет, я так не смогу.

— Еще как сможешь! Ты только вспомни, как он тебя сегодня разозлил, и действуй.

— Даже не знаю, как поступить... А вдруг охранник мне не поверит?

— Послушай, нас двое против одного Джеффа. А если охранник все же попробует тебя куда-нибудь отсюда вывести, потребуй, чтобы пригласили старшего менеджера.

— Но...

— И помни: ты ничего плохого не совершала. Ты приехала сюда, чтобы встретиться с известной писательницей, вот и все.

Джейми поднялся сам и потянул за руку девочку:

— Я буду рядом с тобой, — пообещал он.

— Ты считаешь, что у меня все получится?

Он улыбнулся:

— Ти-Джей, у тебя получится все, что ты только задумаешь. Так мне всегда говорит мой отец.

— Неужели он называет тебя Ти-Джей?

Джейми в шутку легонько толкнул девочку в плечо:

— Конечно. Он еще и платья с юбками заставляет меня носить.

Представив себе Джейми в юбочке, Ти-Джей не сдержалась и расхохоталась. А со смехом куда-то подевалось и все ее нервное напряжение. Джейми воспользовался моментом и осторожно подтолкнул ее вперед.

— При чем он выбирает именно такие платья, — не мог остановиться парнишка, — ну, все в кружевах и рюшках. Даже мои сестры отказываются надевать их.

Ти-Джей снова прыснула.

Уже в следующее мгновение перед ними возникли охранник и Джефф. Ти-Джей смело выступила вперед и одарила Джеффа взглядом, что называется, «ломающим бревна». Ей было легко притвориться разъяренной. Она до сих пор сердилась на него за его поведение в машине.

Ты только вспомни, как он тебя сегодня разозлил, и действуй.

— Простите, мисс, — начал охранник, — но я вынужден попросить вас...

— Господи, какой же ты жалкий! — не слушая его, переключилась девочка на Джеффа. — Типичный неудачник. Неужели ты никак не можешь от меня отстать? Придется просить отца, чтобы он на тебя повлиял. Я уже устала от твоих наглых ухаживаний.

Охранник нахмурился:

— Мисс...

— А вы кто такой? — накинулась девочка на полицейского. — Его сообщник, что ли?

— Что вы такое говорите, мисс? Я прошу вас пройти сейчас с нами... — уже не так уверенно произнес охранник.

Ти-Джей злобно сверкнула глазами на полицейского:

— Я никуда не пойду ни с вами, ни тем более с этим уродом, — решительно заявила она и огляделась по сторонам. — Немедленно позовите сюда старшего менеджера.

— Этот молодой человек как раз и работает в магазине, — ухватился за спасительную соломинку оторопевший охранник.

Ти-Джей презрительно хмыкнула:

— Ничего подобного. Он работает в совершенно другом магазине, на окраине города, на Крествью-драйуэй. Именно поэтому я не имею возможности ходить туда. Так вот теперь он и сюда за мной явился.

— Это ложь! — не выдержал Джефф.

Но Ти-Джей проигнорировала его:

— Так где, вы сказали, старший менеджер? — снова обратилась девочка к полицейскому. — Я специально приехала сюда на встречу с писательницей и не хочу пропустить начало беседы.

Охранник переводил взгляд с Ти-Джей на Джеффа, словно не зная, как ему поступить. Было видно, что он чувствует себя весьма некомфортно.

— У Ти-Джей отец адвокат, — вмешался в разговор стоявший неподалеку Джейми, обращаясь к полицейскому. — Он как раз специализируется по искам о клевете.

— А он... — Охранник прокашлялся и, кивнув в сторону Джеффа, продолжал: — Он сказал, что эта девочка ведет себя неадекватно, а ее родители поручили ему следить за ней.

— Я? Неадекватно?! — рассердилась Ти-Джей. — Я, что же, по-вашему, сама преследую его? Или это я паркую машину по ночам у него под окном? Странно, откуда в его голове рождаются такие мысли?

Охранник понимающе кивнул:

— Простите за беспокойство, мисс.

— Погодите-ка, — не унимался Джефф. — Вы что же, поверили ей?!

— Извините, — вздохнул охранник, — но я вынужден выпроводить вас из магазина.

— Но как же...

— И не важно, что вы тут мне наговорили, — продолжал страж порядка, — но эта девочка, похоже, права. Вы тут сегодня единственный, кто ведет себя не вполне адекватно.

— Послушайте, я никогда никого не преследовал и не собираюсь...

— Мне это не известно. Но проблемы сейчас здесь возникают из-за вас, а не из-за нее. Поэтому попрошу вас покинуть помещение. Вы выйдете добровольно и спокойно или мне позвать на помощь коллег?

Джефф повернулся к Ти-Джей:

— Послушай, извини меня, я только... Мне очень жаль...

— В этом я даже не сомневаюсь.

— То, что ты сейчас тут наговорила...

Ти-Джей отчаянно замотала головой:

— Я даже слышать тебя не хочу.

Она повернулась к охраннику.

— Так вы позволите нам сейчас отправиться на встречу?

— Конечно. И еще раз извините за то, что я вас побеспокоил напрасно.

Девочка и Джейми наблюдали за тем, как полицейский проводил Джеффа к эскалатору. Только когда они поехали вниз, Ти-Джей осознала, как сильно у нее дрожат колени. Ей даже пришлось прислониться к стенке, чтобы не упасть.

— Здорово! — восхищенно произнес Джейми. — Ты молодчина. Кстати, тебе никогда не хотелось стать актрисой?

Но девочка отрицательно покачала головой.

— А зря, — пожалел Джейми. — Но у тебя еще есть время подумать на этот счет.
— Это верно, — согласилась Ти-Джей. — Вот, оказывается, как легко я умею врать...
— Ты не врала. Нет, конечно, врала, но для благого дела. К тому же он сам начал первый, а ты ему только достойно ответила. Ти-Джей, ты права, все же очень просто.
— И все равно я себя чувствую как-то неуютно.
— Это потому, что ты честный человек. А Джефф самый настоящий лжец.
— Но он сам не понимает, что врет. Он действительно считает меня ненормальной. Она бросила на Джейми умоляющий взгляд.
— А вдруг я и в самом деле сошла с ума?
Вега от неожиданности быстро заморгал:
— Что-что?
— Когда говоришь о существовании маленьких волшебных человечков, разве это не считается сумасшествием?
— Откуда ты это взяла? — нахмурился Джейми.
— Понятия не имею. Как-то все это дико и непонятно, — пожала плечами девочка.
— Так что же, ты не пойдешь теперь на встречу?
— Я...

Девочка уже открыла рот, чтобы произнести: «Наверное», как в тот же миг увидела невысокую светловолосую женщину, подъезжающую на эскалаторе на третий этаж. Это была Шери Пайпер и выглядела она точно так же, как и на плакате. Все сходилось, в том числе и ее добрые искрящиеся глаза.

Ти-Джей шагнула в сторонку, давая ей пройти. Писательница направилась в ту часть зала, где были расставлены складные стулья, половина из которых уже оказалась занятой. Рядом с Пайпер вышагивала брюнетка в шикарном костюме, хотя сама писательница была одета довольно просто, как и полагается творческой натуре: в ковбойских сапогах, клетчатой рубашке, юбке до колена. Через руку у нее была переброшена кожаная куртка, а в другой она несла папку, видимо, с иллюстрациями из своих книг.

— Это она? — поинтересовался Вега.
Ти-Джей кивнула.
— Тогда почему ты ей ничего не сказала?
Девочка пожала плечами:
— Сначала я хочу послушать, что она расскажет.
— Тогда пойдем и займем места, — предложил Джейми.
Он взял ее за руку и потянул туда, где рядами стояли стулья.

* * *

Ти-Джей увлекла лекция Шери Пайпер, поэтому она ни разу не оглядела зал, чтобы проверить, не вернулся ли Джефф и не присматривает ли за ее поведением охранник. Она даже забыла о присутствии Веги, который сидел рядом с ней.

Пайпер показала несколько красочных иллюстраций из прежних книг, потом несколько картинок для новой повести о маленькой волшебной мышке по имени Генри. Затем писательница прочитала главу из своей книги, посвященной крошечным феям, живущим рядом с людьми, но постепенно бросающим свои дома из-за надвигающейся на природу цивилизации. После этого она отвечала на вопросы читателей, большинству из которых оказалось лет по девять-десять.

Ти-Джей не стала задавать никаких вопросов. Те, что прозвучали, поначалу показались ей глупыми и слишком уж детскими. Ну, например, какой у Пайпер любимый цвет? Или откуда она берет сюжеты для своих книг? Правда, очень скоро Ти-Джей поняла, что ответы писательницы интересуют ее так же, как и других поклонников Пайпер. Может быть, в таком случае вопросы были не такими уж глупыми?

Под конец встречи происходила раздача автографов, и большинство присутствовавших

в зале выстроилось в очередь.

У Ти-Джей с собой книги не было, и ей не хотелось тратить те деньги, что дал с собой отец. А вдруг ей придется платить за дорогу домой? Тем не менее они с Вегай встали в очередь, и, когда подошли к писательнице, Ти-Джей почувствовала, как неожиданно у нее пересохло во рту.

— У вас нет книги? — ласково спросила Пайпер.

— Я...

— Ничего страшного. Я очень рада, что вы пришли познакомиться со мной. Хотите закладку?

У нее на столе лежала целая стопка закладок с картинками из будущей книги.

— Нет, — произнесла девочка и тут же спохватилась. — То есть, конечно, хотим, спасибо. Мне бы хотелось узнать... В общем, когда вы закончите подписывать книги, не могли бы вы со мной немного поговорить? Это дело личное. Если вы только не возражаете, мисс Пайпер...

Писательница улыбнулась:

— Называй меня Шери. И о чем же ты хотела со мной поговорить?

— Ну-у...

Шери бросила быстрый взгляд на детей, которые еще стояли в очереди и мечтали получить автограф.

— Если ты хочешь предложить мне прочитать свою рукопись, то предупреждаю сразу: я рецензий не пишу.

— Нет-нет, дело совсем не в этом.

Все оказалось гораздо сложнее, нежели предполагала Ти-Джей. Особенно ее тревожили детишки, толпившиеся сзади. Они были явно недовольны тем, что эта девочка отнимает у писательницы слишком много времени.

Шери снова улыбнулась и, видимо, решила пойти Ти-Джей навстречу:

— Подожди, когда я закончу подписывать книги, — предложила она, — а потом поговорим.

— Ой, спасибо большое.

Ти-Джей отошла от стола и устроилась в первом ряду. Джейми взял пару закладок, после чего присел рядом с подружкой. Девочка нагнула голову и уставилась в пол. Она не хотела, чтобы Вега увидел, как она смущена, и посмотрела на него только тогда, когда он осторожно похлопал ее по руке.

— По-моему, я выглядела ужасно глупо, да? — сразу же осведомилась она.

— Все вышло превосходно, — отмахнулся Джейми. — Трудно собраться с мыслями, сосредоточиться и выложить все, что задумал, буквально за одну минуту.

— Я понимаю, но у меня... чуть язык не отсох.

— Она очень приятная женщина, — продолжал Вега. — А тебе больше всего мешали эти детишки. Им не терпелось, чтобы ты поскорее отошла от нее, вот ты и переволновалась.

— А Шери действительно хорошая женщина, — согласилась с приятелем Ти-Джей.

Она старалась не смотреть в сторону писательницы, чтобы не видеть, как она закончит раздавать автографы. Но вот последний мальчик, гордо прижимая книжку к груди, отошел от Пайпер, уводимый своим отцом. К столу подошел продавец с пачкой новых книг, но Шери поднялась со своего места и заявила:

— Я подпишу их чуть позже.

После этих слов она направилась к Ти-Джей и Джейми. Девочка хотела предложить ей свое место, но писательница отказалась и, взяв стул из соседнего ряда, села так, чтобы оказаться лицом к лицу со своими читателями.

Ти-Джей набрала в легкие побольше воздуха и резко выдохнула. Итак, сейчас или никогда.

С тех пор как Ти-Джей отошла от стола писательницы, она, наверное, раз сто проговорила про себя то, что собиралась сказать вслух, стараясь не показаться Шери

слишком уж странной. Но именно сейчас, когда Пайпер подошла к ней, все мысли в голове девочки перемешались.

— Я видела малявку, — неожиданно для себя самой сообщила Ти-Джей. — Вернее, даже не так. В течение последних нескольких недель мы подружились и жили в одной комнате.

Господи! Ну что она такое городит?!

Но Шери молча смотрела на нее некоторое время, потом серьезно спросила:

— Как его звали?

От неожиданности Ти-Джей быстро заморгала. Вот уж этого она никак не ожидала услышать. Девочка приехала сюда в основном для того чтобы убедиться в истинности существования малявок. Но в глубине души она уже сама начинала сомневаться в этом.

— Это не он, а она, — заговорила Ти-Джей. — Ее зовут Элизабет. То есть, она сама так себя называет, насколько мне это известно. А вообще, если я только ничего не путаю, ее имя — Тетти Вуд.

— А фамилия совсем как у меня в книге, — кивнула Шери.

Ти-Джей пару секунд молча смотрела на писательницу и только потом вспомнила, что первый малявка из книг Пайпер действительно носил имя Дженки Вуд.

— Не думаю, чтобы они были родственниками, хотя, кто их знает? У нее был брат Тэд, а вот как зовут ее родителей, я не спрашивала. Они все переехали в другое место, когда Элизабет сбежала из дома и стала жить у меня.

— А может быть, ты начнешь рассказ с самого начала? — предложила Шери.

Ти-Джей согласно кивнула и начала свое повествование.

Когда Ти-Джей замолчала, Шери заговорила не сразу. И хотя тишина длилась лишь несколько секунд, девочке показалось, что прошла целая вечность. От этого ей стало мучительно больно и весьма некомфортно.

— Вы ведь верите мне, да? — осторожно поинтересовалась Ти-Джей.

— Даже не знаю, что и сказать, — внезапно заявила писательница и вздохнула.

— Но, мисс Пайпер, посмотрите на нее, — вмешался в разговор Джейми. — Разве она похожа на обманщицу? Мне кажется, что нет.

— А ты тоже видел Элизабет? — осведомилась Пайпер, взглянув на Вегу.

Тот отрицательно помотал головой, но философски заметил:

— Но я не тороплюсь с выводами.

Пайпер улыбнулась:

— Странные вещи происходят с нами, когда нам начинает кто-то нравиться, верно?

Джейми опустил голову, но Ти-Джей успела заметить, как он покраснел.

Шери снова обратилась к Ти-Джей:

— Не знаю, чем я смогу тебе помочь. Почти все малявки на зиму перемещаются на юг.

— Значит, они мигрируют? — удивилась девочка.

— Уже да. С тех пор, как снова вернули себе крылья и научились летать.

Джейми переводил взгляд с писательницы на Ти-Джей и назад:

— Значит, все то, о чем вы писали в своих книгах, — правда?!

Шери улыбнулась:

— Насколько мне известно, да.

— Но Элизабет и все члены ее семейства не умели превращаться в птиц, — возразила девочка. — Она и сама считала, что это только выдумка.

— Самое удивительное заключается в том, что сначала они должны посетить мою квартиру. Похоже, это единственное место, где происходит волшебство и они становятся птичками, — пояснила Шери и, прежде чем Ти-Джей успела вставить хоть слово, добавила:

— Но сейчас самое главное не это, верно? Нужно отыскать Элизабет.

Ти-Джей серьезно кивнула:

— Я очень за нее волнуюсь. Но, похоже, мы ничего не можем сделать. Остается только надеяться, что с ней будет все в порядке.

— Можно вернуться на то поле днем, когда будет светло, — предложил Вега.

— Наверное, — кивнула Ти-Джей и посмотрела на Шери. — Я очень рассчитывала на вашу помощь, — призналась она.

— Возможно, я смогу быть вам полезной, — кивнула писательница. — Ведь на юг отправились только те малявки, кто умеет превращаться в птиц. Можно связаться с кем-нибудь из оставшихся в городе.

Шери взглянула на часы и вздохнула.

— Мне сейчас предстоит подписать целую стопку книг, а потом еще давать интервью. Но если вы придете ко мне домой, например, через час, мы вместе что-нибудь обязательно придумаем.

«Через час, — грустно повторила про себя Ти-Джей. — А сейчас уже почти шесть». Это означало, что разбираться с проблемой они начнут только в семь, если не позже. Нужно будет звонить родителям и предупреждать, что она задерживается. Но как объяснить причину своего позднего возвращения домой? Впрочем, другого выхода не оставалось. Если это был единственный способ помочь Элизабет, Ти-Джей была готова оставаться на квартире у писательницы хоть до позднего вечера...

— Вот, возьми, — сказала Шери, протягивая девочке карточку. — Здесь мой адрес, нужно проехать всего одну остановку в подземке. Рядом с моим домом есть кафе. Если вы приедете раньше, посидите там и дождитесь меня. Я постараюсь освободиться поскорее.

— Спасибо за помощь, мы вам будем обязаны, — благодарно кивнула Ти-Джей.

— Мне известно, что это такое — иметь дело с малявками. Как бы я смогла вам отказать?

— Я рада, что вы мне сразу поверили, — призналась девочка.

— После того, как напишешь несколько книг на эту тему, — пояснила Пайпер, — начинаешь безошибочно определять тех, кто тебя не обманывает. А теперь мне пора идти.

Она встала и протянула девочке руку.

— Увидимся примерно через час.

Ти-Джей и Вега тоже поднялись со своих мест.

— Нужно где-то найти телефон и позвонить родителям, — сообщила Ти-Джей, наблюдая за тем, как Шери начинает подписывать свои книги. — Хотя, если признаться, я и сама не знаю, что буду им говорить. Можно одолжить твой?

— А у меня вообще нет мобильного, — пожав плечами, признался Джейми. — Но там, внизу, стоят телефонные будки-автоматы. Я их заметил еще при входе.

Ти-Джей уже забыла, когда в последний раз пользовалась городским платным телефоном. Девочка взглянула на Джейми и поняла: возможно, ее семья жила не в той же финансовой атмосфере, что и большинство ее одноклассников, но бедными их никак назвать нельзя было. И если ее мобильник был временно заблокирован, он у нее, по крайней мере, имелся в наличии.

Они подошли к эскалатору, но не успели взойти на ступеньки, как Ти-Джей заметила знакомую фигуру в другом конце магазина:

— Боже! Это же мой отец! — удивленно воскликнула она.

Она отступила назад и только тут увидела рядом с отцом Джеффа и все того же охранника, с которым ей уже пришлось иметь дело чуть раньше.

— Вот ведь мерзкий скунс! — не удержался от оценки Джейми.

Он ухватил Ти-Джей за руку и резко увел ее в сторону.

— Беги! — велел он. — А я их встречу и задержу.

— Но как же...

— Делай, что я тебе говорю. Встретимся в кафе, как только мне удастся от них улизнуть.

Ти-Джей прекрасно понимала, что времени на споры у них не остается. Нужно было поскорее уходить, иначе отец мог заметить ее. Если она сейчас вовремя скроется, никто никогда не докажет, что она видела его. Но если он успеет позвать ее, то все — считай, дело

пропало. Ей уже не отвертеться от объяснений. Тогда она не сможет поехать к Шери, а значит, и помочь Элизабет.

Выход оставался один.

— Спасибо, — бросила она напоследок Вега и рванулась к лестнице.

Ти-Джей перепрыгивала сразу через две ступеньки, но, оказавшись в самом низу, и не думала отдыхать. Однако она не бросилась сразу к выходу, а сначала пробежала по отделам искусства, путешествий и биографическому. После этого она очутилась возле второго эскалатора, который должен был доставить ее прямо на улицу.

* * *

«А я вот никого и ничего не замечаю», — мысленно проговорил про себя Джейми и смело приблизился к верхнему эскалатору. Он сделал вид, что внимательно рассматривает книги на ближайшем столе, и тут до него донесся злорадный голос Джеффа:

— Это он! Тот самый парень, который был вместе с ней!

Уже через секунду Вега стоял в окружении троих противников: отца Ти-Джей, Джеффа-Скунса и смущенного охранника. Джефф уверенно схватил Джейми за руку.

— Где она? — немедленно потребовал он ответа.

Джейми взглянул на свою руку, в которую вцепился Скунс.

— Хочешь остаться вообще без руки? — презрительно спросил он.

Он говорил достаточно спокойно, но при этом так сверкнул глазами, что Джефф в тот же миг отпустил его и неуверенно шагнул назад.

— Скажи мне, сынок, — вежливо вступил в разговор отец Ти-Джей. — Прошу тебя, ответь, где моя дочка?

— Вы имеете в виду Ти-Джей?

Отец кивнул, но парнишка только отрицательно покачал головой:

— Не знаю, — соврал он не моргнув глазом. — Наверное, уже едет домой. Мы ходили вместе с ней на встречу с известной писательницей Шери Пайпер. Потом, когда все закончилось, она попрощалась со мной и ушла. Странно, что вы не столкнулись с ней на выходе.

— Она уехала домой? — переспросил отец девочки.

— Наверное. А куда же ей еще деваться?

Отец бросил на Джеффа недовольный взгляд:

— А он сказал...

— Вот что, — решительно заговорил Джейми. — Не знаю, что тут происходит, но мне известно одно. Это совсем не тот парень, с которым я позволил бы встречаться своей дочери.

— А мы с ней и не встречаемся, — возразил Джефф.

Джейми пожал плечами и снова обратился к отцу девочки:

— Разве он не рассказывал вам о том, как бросил ее на половине дороги в каком-то весьма сомнительном районе? И ей пришлось добираться до магазина самостоятельно. Между прочим, я бы не отважился появиться в тех трущобах без парочки мускулистых парней в качестве подкрепления. А уж я-то в случае чего могу за себя постоять. Но оставлять там пятнадцатилетнюю девочку на произвол судьбы? — он осуждающе покачал головой. — Это подло.

Отец Ти-Джей и охранник не сговариваясь повернулись к Джеффу.

— Так что ты успел натворить? — грозно потребовал ответа мистер Мур, отец Ти-Джей.

— Я не бросал ее там, — принялся оправдываться Джефф. — Она сама вышла из машины и никак не соглашалась ехать дальше. А потом умчалась вместе с каким-то байкером на его мотоцикле. Она просто спятила.

— Она не спятила, — вступился за подружку Джейми. — Она здорово рассердилась на тебя, ведь ты же принялся ругать ее. Кстати, ты еще не сообщил, за что именно?

— Послушайте, — Джефф повернулся к отцу Ти-Джей, — она поведала мне, будто всякие там феи, эльфы и гномы существуют на самом деле. И мне не хотелось, чтобы она выглядела дурачком перед мисс Пайпер.

— Да перестань ты, — презрительно фыркнул Вега. — Подумаешь! Ей всего-то пятнадцать. Вот мои сестры, например, убеждены в том, что единороги и зубная фея тоже существуют на самом деле. Но я же при этом на них не сержусь!

— Это совсем не то...

— И почему ты не хочешь признаться, что вел себя, как полный болван?

— Это правда? — спросил отец Ти-Джей.

Джейми было приятно наблюдать, как на лице мужчины отражается справедливый гнев.

— Нет... — замялся Джефф. — Вернее, да, но это совсем не то, что вы могли подумать.

— А что я мог подумать?

Джефф отвернулся. Ему было стыдно смотреть в лицо взрослого человека после всего того, как он поступил с его дочерью.

— Теперь разберемся с тобой, — продолжал мистер Мур, поворачиваясь к Джейми. — Почему ты не остановил ее и не проводил домой?

— С какой стати? Она спокойно отправилась в сторону подземки.

— И все же ты мог проехаться с ней и убедиться, что она добралась благополучно.

— Но послушайте, — устало вздохнул Джейми, — мы с ней живем не в соседних домах, верно? И к тому же сейчас я собираюсь в гости к своему двоюродному брату, а он обитает в противоположном конце города.

— А что вы тут делали вместе с моей дочерью? — продолжил допрос мистер Мур. — Зачем встречались?

Джейми только покачал головой:

— Это произошло не специально. Мы с ней ходим в одну школу, а тут случайно столкнулись нос к носу и решили вместе посидеть на встрече с писательницей. Когда все закончилось, Ти-Джей отправилась домой. Вот и все. — Он мимолетом взглянул на часы. — Кстати, о времени. Мне уже давно пора быть в гостях. Извините.

— Но...

— И, насколько мне известно, законом не запрещается ходить на литературные встречи вместе со своими знакомыми, которых случайно заметил в магазине.

И он победно посмотрел на охранника, словно ожидая от него подтверждения своих слов.

— А ты говорил мне, что мистер Мур адвокат, — напомнил страж порядка.

— Я хотел вас немного успокоить, потому что вы уж слишком разволновались и ничего не хотели слышать, — пояснил Вега и снова перевел взгляд на мистера Мура. — Ну, я пошел. А на вашем месте я бы поехал домой и подождал Ти-Джей там. Ничего плохого с ней не случится. Если, конечно, она опять не встретит этого Скунса.

Он кивнул в сторону Джеффа и направился к эскалатору. Джейми чувствовал, как все трое провожают его тяжелым взглядом, но при этом никто не попытался остановить его. Вега еще раз взглянул на часы. Еще оставалось время посидеть в кафе с Ти-Джей в ожидании Шери Пайпер.

* * *

Ти-Джей оглянулась только один раз, когда добралась до первого этажа магазина. Она боялась встречи с отцом и так торопилась, что случайно выбралась на улицу совсем не через ту дверь. Снаружи было уже темно, и Ти-Джей пробежала вперед квартала три, прежде чем поняла, что ошиблась и выбрала совсем не то направление.

По крайней мере, ей так показалось. Но заблудиться девочке было нетрудно, ведь она одна никогда еще не ездила в город, а потому все вокруг было для нее незнакомым.

Она остановилась на ближайшем перекрестке и огляделась по сторонам. Воскресенье кончалось, но жизнь вокруг и не думала прекращаться. Все магазины еще работали, а на улице было полно такси, автобусов и прочих средств передвижения. За лотками по обе стороны улицы стояли торговцы со своим товаром. Тут можно было приобрести часы и бижутерию, компакт-диски и DVD, шарфики, платочки, кошельки и прочую мелочь. Тележки, торгующие съестным, в основном разъехались, но все же Ти-Джей заметила, что кофе и чай еще продавались.

Никогда она не оказывалась одна в центре города в воскресенье вечером. У них на ферме в выходные по вечерам все было по-другому. Хотя сейчас не стоило об этом вспоминать.

Сначала девочка попыталась выяснить, где именно она находится. Названия улиц ей ни о чем не говорили, потому что, кроме своей собственной, она их и не знала.

Она посмотрела налево, потом направо и догадалась, что всего-то выбралась на улицу из другого выхода. Озеро оказалось справа от нее, а она ожидала увидеть его слева. Она посмотрела туда, откуда прибежала, но возвращаться к магазину было небезопасно, ведь она могла встретиться с отцом. Или с Джеффом.

Джефф...

Ти-Джей до сих пор никак не могла поверить, что он и в самом деле позвонил ее родителям. Но времени рассуждать на эту тему не оставалось. Нужно было каким-то образом очутиться на другой стороне торгового центра и проехать подземкой одну станцию, чтобы не опоздать к Джейми и на встречу с Шери Пайпер.

О том, чтобы снова пройти через торговый центр, не могло быть и речи. Двигаться в обход Ти-Джей тоже не решалась. Дома здесь стояли длиннющие, да и кто бы мог с уверенностью сказать, что ее отец не бродит сейчас по этому району в поисках дочери?

Оставалось пробираться вдоль озера по набережной. Днем это было вполне безопасно, но сейчас уже стемнело, и Ти-Джей не знала, кого здесь можно повстречать в такое время суток. Обычно в таких местах собирается «молодежь не того сорта», как говорит в подобных случаях мама. Молодые люди, которые курят травку и разрисовывают стены домов неприличными граффити.

А может быть, на нее никто и внимания не обратит. Подумаешь, идет себе еще одна девчонка. Хотя, конечно, Элизабет права: Ти-Джей действительно выглядит как «папенькина и маменькина дочка». А к таким хулиганов всегда притягивает.

Как жаль, что рядом с ней сейчас не было Джейми! Тогда бы к ней уж точно никто не пристал. Но она была одна и справляться с трудностями приходилось самостоятельно.

Перед мысленным взором девочки возникли и быстро прокрутились вчерашние события.

Как же все это неприятно! Там, дома, на ферме, она никогда ничего не боялась. Конечно, и в бывшей школе не обходилось без драк, но все происходило как-то иначе. А уж за пределами школы к ней и к Джули никто и приблизиться не смел.

Ти-Джей решительно двинулась в сторону набережной, стараясь заставить сердце биться помедленнее. Существуют люди, которые, как дикие звери, чувствуют страх других даже на большом расстоянии. Ти-Джей знала, что ей нужно за версту казаться храброй, но, как это сделать, она понятия не имела. И тут ее взгляд привлекла одна продавщица.

На голове у нее была надета вязаная шапочка с маленькими клапанами, прикрывающими уши от холода. Но самое забавное заключалось не в этом. На макушке торчал шерстяной хохолок, как ирокез у панков. Шапочка самой продавщицы казалась недостаточно яркой — зеленовато-желтой, зато на лотке у нее был разложен целый запас — от простой черной до вопиюще малиновой, чуть ли не светящейся в темноте.

— Симпатичные, правда? — спросила продавщица. — Тридцать долларов штука, но тебе могу одну уступить за двадцать пять.

Ти-Джей вздохнула. Это были все деньги, которые дал ей сегодня отец. А ведь девочке нужно было что-то еще оставить и на проезд. Как жаль! На улице становилось холодно, и, к

тому же, в такой яркой панковской шапочке она сама стала бы похожей на панка. Может, опасные компании на набережной и приняли бы ее за свою...

— Я не могу столько потратить, — с грустью сообщила она девушке.

Продавщица огляделась по сторонам, потом наклонилась над лотком:

— Послушай, мой рабочий день уже заканчивается, — доверительно поведала она Ти-Джей. — И чем меньше мне придется тащить их домой, тем лучше. Говори, сколько у тебя наличности.

— Двадцать долларов, — не задумываясь выпалила девочка.

— Договорились. Тебе какая понравилась?

Ти-Джей полезла в карман за деньгами, одновременно разглядывая шапочки. Ей приглянулась черная с ярко-красными полосками на ирокезе. Она тут же примерила ее, посмотревшись в окно ближайшей витрины. Новый имидж заставил девочку улыбнуться. Может быть, днем это выглядело бы нелепо, но сейчас, если учесть все обстоятельства... Короче, она действительно превратилась в девчонку-панка.

— Отличный выбор, — похвалила ее продавщица. — Клево выглядишь.

— Спасибо.

Отойдя от лотка, Ти-Джей почувствовала себя намного увереннее. В витринах магазинов девочка видела свое отражение, и оно ей нравилось. Значит, у нее все получится. Она спокойно пройдет в этой шапочке по набережной, и никто ее даже пальцем не тронет.

Ти-Джей, наверное, никогда бы и не заметила голубя, если бы он так неожиданно не взлетел почти прямо перед ней с одного фонаря и не переместился на другой. Это показалось ей довольно странным. Разве птицы не спят, когда на улице становится темно? Впрочем, в городах, наверное, не спят. Ти-Джей улыбнулась.

Подойдя к фонарю, девочка принялась разглядывать голубя и была весьма удивлена, обнаружив, что и птица так же внимательно смотрит на нее. Не на кого-то из прохожих, не на машины у перекрестка, а именно на Ти-Джей.

Девочка решила, что все это просто глупости, но странное чувство оставалось.

Как назывался тот жуткий фильм, который как-то ночью Дерек заставил ее смотреть? «Птицы», кажется. Старый, еще черно-белый. Ти-Джей тогда здорово напугалась, никогда ей не было так страшно. Там гордые и красивые птицы, которых Ти-Джей так любила, превращались в смертельно опасных монстров. Именно в этом, наверное, и заключался замысел режиссера. Интересно, почему фильмы ужасов в одно время стали такими популярными? Дерек и его приятели просто обожали их. Чем больше крови было в картинах, тем лучше.

Когда Ти-Джей отошла от фонаря, где сидел голубь, и находилась на половине пути к следующему, птица перелетела на него. Усевшись поудобнее, она снова уставилась на девочку.

Жуть какая-то.

Ти-Джей.

Услышав свое имя, девочка повернулась, но никого знакомого не увидела. Осмотревшись по сторонам, она заметила большую крысу у подвального окна ближайшего дома, внимательно (как показалось Ти-Джей) наблюдавшую за ней своими темными глазами-бусинками.

Девочка взвизгнула и, дернувшись вбок, в следующую секунду вылетела бы на проезжую часть, если бы не врезалась в фонарный столб. Двое проходивших мимо подростков рассмеялись, глядя на нее. Слава Богу, они ничего предпринимать не стали, а попросту двинулись дальше. Девочке стало стыдно за трусость. О чем она только думала? Она же сто раз видела крыс дома, на ферме. Когда парни скрылись из виду, она оглянулась, но зверька уже и след простыл. Вероятно, крыса испугалась визга и поспешила скрыться.

Тогда Ти-Джей посмотрела на фонарь, где сидел голубь. Птица по-прежнему оставалась на месте и так же бессовестно разглядывала девочку.

С этим уже ничего не поделаешь. Дурацкий голубь перепугал ее до смерти. Ну почему,

почему папа явился в торговый центр в самый неподходящий момент? Если бы не он, Ти-Джей и Джейми уже спокойно приближались бы к дому Шери Пайпер.

Девочка в последний раз со страхом посмотрела на птицу и быстрым шагом пошла дальше по улице. Фонари освещали ей путь. Она добралась до спуска к набережной и, оглянувшись, обнаружила, что голубь наконец-то улетел.

Ти-Джей на всякий случай оглядела все места, где могла бы очутиться эта птичка: фонарь, скамейки и даже маленькое здание у самой кромки воды, но голубя и тут не оказалось.

Вдруг со скамейки, стоявшей поблизости, поднялся парень, которого Ти-Джей поначалу не заметила. Он был худощавым и сутулым, со спутанными неухоженными темными волосами. Когда он приблизился к девочке, она почувствовала, как участился ее пульс.

— Травки? — поинтересовался он. — Или колес? Чего надо?

Но Ти-Джей только отрицательно замотала головой. Она боялась произнести что-нибудь вслух: а вдруг дрожь в голосе выдаст ее неподдельный страх? Парень фыркнул, пожал плечами и побрел назад.

«Прекрати трястись! — мысленно приказала себе Ти-Джей. — И то, что произошло вчера перед книжным магазином, еще не значит, что весь мир намерен разделаться с тобой».

Она решительно шагнула вперед. Парень смотрел куда-то отсутствующим взглядом. Девочка его больше не интересовала.

Вот видишь? Все будет в порядке.

Ти-Джей еще раз осторожно огляделась, проверяя, нет ли поблизости голубя, и только после этого двинулась бодрым шагом вдоль набережной в направлении торгового центра. Впереди она увидела несколько мальчишек. Ти-Джей почувствовала, как напряглось все ее тело, но так же быстро, не замедляя шага, прошествовала мимо них. Они только уважительно глянули ей вслед.

— Клевая шапочка, — заметил один.

— Спасибо, — отозвалась Ти-Джей.

Парни остались позади, и уверенность понемногу вернулась к Ти-Джей. Впереди показалось крыло торгового центра, выходявшее к озеру. Огромные стекла витрин отражались в воде, отчего вся улица казалась еще темнее. Страшнее всего было идти между фонарями, каждый второй из которых почему-то не работал. Наверное, те, кто приходил сюда, искали уединения, а потому постоянно разбивали лампы. Что ж, какой-то смысл в этом выводе присутствовал. Ти-Джей и раньше слышала, что на набережной процветает торговля наркотиками. Кстати, как только она пришла сюда, ей сразу же предложили их приобрести. Если верить газетам, тут можно было встретить и проституток. Правда, девушки легкого поведения Ти-Джей пока не попадались.

Девочка продолжала быстро идти вперед, отчего со стороны не было заметно, как ей страшно. Пару раз до нее доносился сладковатый запах марихуаны, исходящий от скамеек, где сидели молодые люди. Но Ти-Джей не обращала на них внимания.

Неожиданно дорогу ей преградил неизвестно откуда вынырнувший Рики Томпсон.

— Да вы только посмотрите, кто к нам пришел! — воскликнул он. — Ты не слишком далеко от дома забралась?

Ти-Джей моментально оценила обстановку. Слева — перила, а дальше — вода. Справа — скамейка и потухший фонарь. А из темноты уже выходили товарищи Рики, готовые присоединиться к веселью.

— Ты случайно не плюшевого медвежонка ищешь? — жалостливым голосом поинтересовался один из хулиганов.

— А денег при тебе больше не имеется? — подхватил другой.

Глупо улыбаясь и хихикая, они заставили ее сделать шаг влево, и девочка оказалась прижатой к перилам.

Бежать было поздно. Равно как и предпринимать что-либо другое. Значит, они снова

будут ее бить. Она поняла это по глазам Рики. У него был взгляд собаки, которую часто били и которая не видела от человека ни капли любви и сострадания.

Горло перехватило, слезы подступили очень близко к глазам, готовые брызнуть в любую секунду. Коленки задрожали. Ей захотелось опуститься на землю. Она подумала, что, может быть, стоит хорошенько попросить их отпустить ее, хотя прекрасно понимала, что с такими хулиганами это не проходит. Чем дольше их умоляешь, тем больше они наслаждаются беззащитностью жертвы. И тут Ти-Джей вспомнила их беседы с Элизабет, которая не раз призывала девочку брать пример с нее и всегда самой стоять за себя.

Ти-Джей вдруг поняла, что сможет это сделать прямо сейчас. Она разозлилась настолько, что была готова последовать совету малявки. Конечно, это не остановит хулиганов, и они все равно поколотят ее, но зато она не останется покорной жертвой. Первый же, кто посмеет приблизиться к ней, получит пинок ногой прямо в пах. Теперь Ти-Джей надеялась, что им окажется Рики. Ей очень хотелось ударить его прежде, чем они набросятся на нее.

— А я... вас не боюсь, — солгала девочка.

Тут только она заметила, что к ним начали подходить и парни из других компаний. Их было с дюжину, не меньше. Все те, кто бесцельно слонялся по набережной, сидел по скамейкам или на перилах у самой воды, стали собираться к месту возможной драки.

Рики оглядел мальчишек и обратился к Ти-Джей:

— Точно? Ни чуточки?

Она отрицательно замотала головой.

— А должна бы испугаться...

Если бы у меня были крылья...

Прошел почти час с тех пор, как мы оставили Хедли в переулке и отправились в путь. Мы пробирались по разным закоулкам, о которых мало кто знает, и проползали по канавам и водостокам, расположенным под мостовыми. Я уже не говорю о подвалах, где нам тоже пришлось побывать. Нам удалось избежать встречи с верзилами, которые, впрочем, не привыкли обращать внимание на разные мелочи. Два раза мы были вынуждены спастись от кошек. Они были не такими огромными, как та, что чуть не растерзала меня вчера в поле. Бездомные городские коты оказались тощими, облезлыми, со злыми глазами. Они хотя и живут в городе, но ведут себя как дикие лесные звери.

Но и эти твари, как выяснилось, не самые ужасные из тех, с кем можно столкнуться в городе.

Ведь существуют еще и гоблины.

Итак, мы перемещаемся по темному переулку. Мы только что вылезли из узкой щели в стене дома между подвальным окошком и защитной решеткой. Неожиданно Ян хватает меня за руку и прижимает к решетке.

— Что такое...

Он быстро наклоняет голову ко мне и тихо шепчет:

— Ни слова! Залезай обратно.

До меня доносится слабый звон колокольчиков, а мы с Яном прячемся за решетку. Тут валяется старая отвратительно пахнущая тряпка, которую мы прежде брезгливо переступили. Но сейчас Ян хватает ее и, ни секунды не мешкая, накидывает на нас обоих. Я хочу возразить против таких действий, но он только шипит мне на ухо:

— Ш-ш-ш! Молчи, или мы погибли.

Я послушно прижимаюсь к нему, а эта зловонная тряпка накрывает наши тела. Немного отодвинувшись в сторону, я получаю возможность наблюдать за происходящим через маленькую дырочку в ткани. Переулок пока остается пуст, зато звон колокольчиков слышится гораздо громче.

— Это гоблины, — шепотом сообщает Ян. — Возвращаются после удачной охоты.

— Откуда ты знаешь?

— Триумфальный звон колокольчиков, — поясняет он. — Они празднуют победу. А теперь сиди тихо и не высовывайся!

Но мне хочется сделать именно это и задать ему еще пару вопросов. Я должна побольше узнать о гоблинах, об их колокольчиках и о победах, которые они празднуют. Но я затыкаюсь и ни о чем не спрашиваю. Я знаю, что ему известно гораздо больше моего о тех опасностях, которые могут поджидать нас в городе. Еще бы! Он прожил здесь всю жизнь, а я — только один день. Но вот на улице появляются сами гоблины. Теперь я благодарна Яну за то, что он вовремя успел накинуть на нас спасительную тряпку.

Гоблины почти вдвое больше Хедли, хотя, с точки зрения верзил, все равно остаются существами мелкими. Они злющие и противные, гораздо хуже тех бездомных кошек, от которых нам пришлось скрываться чуть раньше. Круглые уродливые лица, как в кривом зеркале, раскрашены синей краской. А может, это такие татуировки на их лбах и щеках. Волосы длинные и жесткие, к лодыжкам привязаны полоски ткани с колокольчиками. Ото всей этой компании исходит мерзкий мускусный запах.

Первые два тащат короткие копыя. За ними следуют еще шестеро, у них с длинной палки свисает дохлая собака. Завершают шествие еще трое. Один с копьем, двое — лучники.

Я сижу затаив дыхание до тех пор, пока эта процессия не скрывается вдаль, а звон колокольчиков не затихает окончательно. Ян срывает с нас тряпку, встает и отряхивает одежду.

— Как это отвратительно! — замечаю я. — А я ведь собак не люблю. Ну, кроме Розы, хотя она такая маленькая, что ее и собакой-то в полном смысле этого слова не назовешь.

Ян удивленно поднимает брови, и я понимаю, что нужно дать какие-то объяснения.

— У моего знакомого дикаря есть собака. Они дружат.

— Правда? Не знал, что до сих пор существуют дикари.

Я невольно улыбаюсь:

— Да, совсем забыла. Ты прав, они теперь предпочитают называть себя лесничими.

Ян понимающе кивает.

— Нам пора в путь.

Я с сомнением смотрю туда, где только что скрылись гоблины. Нам ведь нужно идти в ту же сторону.

— А это... не опасно? — волнуюсь я.

— В городе все опасно.

Мы продолжаем свой путь сначала по тротуару, затем пользуемся одним из тех секретных проходов, о которых отлично осведомлен Ян. Похоже, под городом вырыт целый лабиринт, и мне становится интересно, как же Ян может здесь ориентироваться. Потом мы снова выбираемся на поверхность, попадая в еще более темный переулок между высокими кирпичными зданиями. Вдалеке уличные фонари создают приветливое освещение, но нам не суждено им воспользоваться. Мы же с ним малявки, и такая жизнь не для нас. А жаль! Нам приходится постоянно скрываться и казаться незаметными, чтобы выжить.

Когда я устаю, у меня иногда съезжает крыша. Я еще не говорила об этом? Нет?

Итак, мне хочется немного передохнуть, и я устраиваюсь прямо на помятой банке из-под газировки.

— Еще далеко? — интересуюсь я.

Ян улыбается. Ему не пришлось пережить такой невероятный денек, как мне.

— Что ж, если хочешь получить то, что стоит получить, иногда стоит и немного подождать, — шутит он.

— Но я никогда и не говорила, что мечтаю о превращении в птицу, — решительно заявляю я, чтобы между нами не оставалось недомолвок. — Мне только нужно проверить, насколько это соответствует действительности.

— Неужели тебе не хочется летать, ну хотя бы немножко? — удивляется он.

— Хотелось. Пока я не узнала, чем это может закончиться. А раньше, действительно,

только и бредила этим.

— А теперь, значит, нет?

Я пожимаю плечами:

— Сама не знаю. Конечно, все это очень даже соблазнительно. — Я смотрю на него. — А ты сам разве никогда не мечтал стать птицей? Ну, чтобы у тебя были крылья?

— Было и такое, — соглашается он. — Но, если бы у меня было одно-единственное желание, которое бы обязательно сбылось, я предпочел бы стать верзилой.

— Верзилой?

Он обводит рукой улицу.

— Да ты сама взгляни на этот мир вокруг. Все самое хорошее и достойное принадлежит им и только им. Одежда. Музыка. Вообще все.

Я не могу поверить своим ушам. Тем не менее я произношу:

— Я понимаю, что ты имеешь в виду.

— Я хочу стать музыкантом, — продолжает Ян. — Но где мне достать хороший, настоящий инструмент, соответствующий моему росту? И кто будет меня слушать? Я хочу записывать свою музыку, выступать на радио. Я хочу, чтобы на моих концертах всегда было полно народу.

— А я знаю одного парня, который играет в ансамбле, — сообщаю я. — Вернее, я его знаю, а он обо мне даже не слышал. Он брат моей подруги-верзилы.

Похоже, его мои слова ничуть не удивляют. Так же, как и Хедли. Наверное, городским малявкам приходилось слышать и не такое.

— А что бы ты стал играть, если бы все-таки достал себе инструмент? — интересуюсь я.

— У меня есть гитара, я сам ее смастерил, — говорит он. — Корпус я сделал из маленького футляра от таблеток, вместо струн использовал проволоочки. Но звук, конечно, не тот. К тому же, я мечтаю об электрогитаре. Я хочу играть *громко*.

Я улыбаюсь:

— Ты чем-то напоминаешь меня. Я тоже люблю жаловаться, что мне приходится самой шить себе одежду. А ведь как здорово просто прийти в модный магазин и купить себе все то, что нравится.

Он смотрит на меня, и тут я понимаю, что сейчас он видит только старенькое поношенное пальтишко, которым поделился со мной Бакро. Поэтому я распахиваю пальтецо и горделиво демонстрирую свою футболку. Конечно, она успела запахаться за все то время, пока меня не было дома, и все же выглядит достаточно привлекательно.

— Ты сама это сшила? — интересуется Ян.

Я киваю:

— Да. Естественно, все вручную.

— А как ты ее покрасила?

— Я пользуюсь маркерами, которые верзилы разбрасывают где не попадя. Но, конечно, беру для этой цели только несмываемые. Годятся только они, и это я выяснила из собственного опыта.

— Здорово получилось, — одобительно кивает Ян.

Он некоторое время смотрит в сторону, но я не слежу за его взглядом. Мне кажется, что он сейчас думает о чем-то очень важном.

— Понимаешь, — начинает он, снова поворачиваясь ко мне, — есть еще причины, почему быть верзилой лучше, чем малявкой. — Я не прерываю его. — Не хочу быть тунеядцем всю свою жизнь, — поясняет он. — А по большому счету, настоящим паразитом.

Это я очень хорошо понимаю. Начиная с сегодняшнего дня я отлично себя чувствую именно по этой причине. Я сумела заработать кое-что вместо того, чтобы постоянно воровать или выпрашивать.

— Я вот смотрю на своего отца, — продолжает Ян, — и не понимаю: как он сумел так просуществовать уже... сорок лет, если не ошибаюсь. Меня это просто бесит. Смотрю

вперед и не представляю, что со мной будет. Неужели меня ждет такая же бесцельная жизнь?

— Наверное, для тебя стать верзилой важнее, чем научиться летать, — замечаю я. — Ты бы тогда высоко поднялся над жалкой и безрадостной жизнью малявки-попрошайки, получил бы свободу действий и возможность выбирать свой собственный путь.

— Птице все равно надо искать себе пропитание. Да к тому же постоянно смотреть, не съест ли тебя какой-нибудь хищник. — Он качает головой. — Боже, я бы все на свете отдал, только бы родиться верзилой.

Я лезу рукой в карман и нащупываю там монетку, которую вручила мне Мина. Монетка-желание, как выразился Хедли. Мина хотела, чтобы я отдала монетку именно ему, но он не стал ее брать. И мне она тоже не нужна. Особенно после того, как Хедли объяснил мне, какое бремя долга и ответственности ты взвалишь на себя, используя эту монетку. Но, возможно, если кто-то чего-то очень сильно хочет, ну, как Ян стать верзилой... Может быть, в этом случае стоит исполнить его желание и взять на себя это бремя. Хотя еще не известно, в каком виде у тебя этот долг потребуют и кто именно. Если следовать логике волшебных сказок, у тебя могут потом забрать что угодно, даже твоего первенца. Хотя, не исключено, что Яна это не сильно тревожит.

«Я бы все на свете отдал», — сказал он.

Мне очень хочется рассказать ему о монетке, но я снова вспоминаю о возможных последствиях. Если судить по разным историям и легендам, ты просишь одно, а взамен получаешь совсем другое. Потом пытаешься отделаться от этого «везения», но у тебя ничего не получается. И вот уже твоя прежняя жизнь кажется тебе раем небесным. Причем это еще без «долга и ответственности», о которых предупредила Мина.

И еще мне вспомнились слова Хедли: «Жизнь и так коротка, без чудесного исполнения желаний, которое затрудняет ее хотя бы тем, что сокращает нам жизненный путь».

Вот почему я говорю ему:

— Да, быть верзилой здорово, это уж точно.

Ян поднимается со своего места, протягивает мне руку и помогает встать.

— Осталось совсем немного, — сообщает он. — Всего один квартал.

Оказывается, наша цель близка, но я уже не хочу никуда идти. Мои поиски потеряли смысл. Как пояснил Ян — быть птицей или малявкой — разница небольшая. Тебе все равно придется постоянно воровать для себя крошки и влачить жалкое существование. Он прав, впереди нам ничего не светит. Из-за этого я и сбежала из дома. Из-за этого путешествую по городу.

Мне хватало смелости изменить свою жизнь и для этого вовсе не потребовалось приходить на Место Перемен.

Но самое главное заключается в том, что я больше не хочу быть птицей. Навсегда превращаться у меня нет желания. Тем более я не хочу стать малявкой во время полета и грохнуться о землю. Это еще хуже.

Но я не сопротивляюсь и позволяю Яну поднять меня на ноги. Мы продолжаем свой путь по переулку, затем сворачиваем на очередную улицу, с обеих сторон заставленную машинами. Кирпичные дома выстроены так близко к тротуару, что тут и ступить некуда, хоть по мостовой иди.

— Это вон там, — сообщает Ян, указывая куда-то вперед. — Через дорогу.

Все дома похожи друг на друга, и я не понимаю, какой из них он имеет в виду.

— А на какое расстояние нужно подойти, чтобы... эти перемены совершились?

— Нужно зайти внутрь, — поясняет Ян.

— Странная схема. И отчего все это происходит?

Он неопределенно пожимает плечами.

— Не знаю.

Мы выжидаем, когда проедет очередная машина, оглядываемся по сторонам, нет ли рядом пешеходов, и решительно вылезаем из-за бордюрного камня. Потом движемся вдоль его кромки, а над нами возвышаются припаркованные автомобили. Наконец, Ян затаскивает

меня под одну из машин, выбравшись из-под которой нам будет достаточно удобно перейти дорогу. Мы выглядываем из-за переднего колеса и снова ждем нужный момент.

— У меня все спокойно, — сообщаю я.

Но он почему-то молчит. Я поворачиваюсь и вижу, что Ян, склонив голову набок, снова прислушивается к каким-то звукам. Интересно, что задержит нас в пути на этот раз?.. Мое сердце начинает бешено колотиться. Мне кажется, что я опять слышу далекий звон колокольчиков. Гоблины...

Но, как вскоре выясняется, это вовсе не колокольчики. Я осторожно выглядываю на улицу и вижу тележку из супермаркета, которую толкает перед собой старушка в розовом халате. На ее голове красуются такого же цвета бигуди. Сначала она мне кажется слишком уж толстой, но потом я понимаю, что она просто напялила на себя очень много разной одежды. Тележка наполнена пустыми банками из-под пива и газировки, а также набитыми чем-то полиэтиленовыми пакетами.

— Это Салли Консервная Банка, — поясняет мне Ян. — Она постоянно ошивается тут и собирает всякий хлам.

— Наверное, некоторые верзилы тоже со временем становятся попрошайками и воришками, — заявляю я.

Ян согласно кивает.

— Нужно быть очень осторожными, чтобы она нас не увидела, — предупреждает он.

Это и удивляет, и тревожит меня.

Верзилы никогда не смотрят ни вниз, ни вверх. Они не замечают того, что происходит рядом с ними, а ведь это целый мир!

Ян замечает озабоченное выражение на моем лице.

— Она будет нас искать, — поясняет он. — Понимаешь?

И тут до меня доходит смысл его слов. Правда, она не заглядывает под каждый автомобиль, но пропускает немногие из них. Я начинаю нервничать. Хуже всего то, что в одной руке она держит длинную палку, которой шарит между колес машины. Если она вздумает проверить наш автомобиль, ее страшное орудие не просто собьет нас с ног, а расплющит в лепешку.

— Откуда она знает про нас? — испуганно произношу я.

Я стараюсь сделать все, чтобы голос мой не дрожал, но у меня это плохо получается. Ян, конечно же, чувствует мой страх.

— Она не знает, — качает головой он. — Во всяком случае, про малявок. Она ищет космических мартышек.

— Что?!

Он улыбается, но эта улыбка получается у него совсем не веселой. Ян тем временем продолжает:

— Над ней зло подшутили призраки или духи. Теперь она уверена, что маленькие обезьянки с Марса приходят к ней, стараясь окончательно допечь старушку. Она постоянно ищет их, шарит везде. Хочет доказать, что они существуют и что она не сумасшедшая. Но самое плохое, что ищет она их как раз там, где может прятаться малявка.

— И что же нам теперь делать?

— Будем надеяться, что наша машина не покажется ей подозрительной. Но если она захочет проверить ее... Можешь ухватиться вон за ту штуковину? — спрашивает он.

Я не знаю, что это, но из-под брюха автомобиля свисает обрывок какого-то провода. Прикинув расстояние, я понимаю, что с такой задачей справлюсь.

— Мы измажемся в масле, — предупреждает Ян, — но туда она уж точно не доберется. Только молись, чтобы машина не была поставлена на сигнализацию, иначе оглохнем основательно.

Салли Консервная Банка приближается к нам, и до нее остается всего две машины. Она что-то бормочет себе под нос, но слов разобрать не удастся. И все же мне не хочется превращаться в лепешку. Я готова ползти в самые недра машины, чтобы обеспечить свою

безопасность.

— А ты чего ждешь? — хмурюсь я, поворачиваясь к Яну.

— Я подумал: неужели обязательно лезть в такую грязь? — морщится он. — Может, все и так обойдется, а?

Палка грохочет об асфальт и проверяет пространство под соседней машиной.

— Как знаешь. По-моему, лучше быть грязной, но живой, — высказываю я свое мнение и начинаю действовать. Я подпрыгиваю, хватаюсь за конец провода и ловко подтягиваюсь вверх. Скрип колес слышится возле нашей машины.

— Скорей сюда! — не выдерживаю я, Ян прыгает как раз в тот момент, когда палка появляется рядом с ним. Я хочу схватить его за руки, чтобы помочь подтянуться, но тут палка сбивает его вниз, на землю. Он не успевает прийти в себя, а палка уже снова тут как тут. Слышится хруст костей, и его отшвыривает в сторону, жестоко ударяя о шину заднего колеса.

— Что там такое? Что там было? — взвизгивает Салли Консервная Банка.

Она нагибается и заглядывает под машину, но в темноте ей все равно не увидеть его изуродованного тельца.

— Я знаю, что ты где-то там, гадкая обезьянка! — писклявым голосом заявляет безумная старушка. — И я тебя обязательно найду!

Она переходит к следующей машине, колеса ее тележки мерзко поскрипывают. Палка вновь начинает стучать под днищем автомобиля. Срабатывает сигнализация.

— У-у-и-и-у! У-у-и-и-у!

От этого звука болят уши, но я ничего не могу поделать. Я продолжаю висеть на проводе и всматриваться в темноту, где должно лежать тело несчастного Яна.

Тележка Салли, судя по звуку, начинает удаляться.

— Чудовища! Чудовища! — орет старушка, и ее крики заглушает клаксон автомобиля.

Я спрыгиваю с провода и бросаюсь к Яну.

Где-то там, наверху, слышно, как открывается дверь в доме и недовольный мужской голос начинает громко ругаться. Тем не менее сигнализация вскоре замолкает. Потом снова хлопает дверь. Я встаю на колени возле Яна.

Я не знаю, что делать.

Я глажу его по лбу, снова и снова повторяя его имя, как будто это ему поможет. Как будто он тут же встанет на ноги живой и невредимый.

Он открывает глаза.

— Я... не чувствую... ног...

Из уголка его рта стекает крохотная струйка крови.

Я могу выговорить только одно:

— Боже! О Боже!

Он смотрит на меня, в глазах его нет ничего, кроме боли и страданий.

— Кажется... кажется, я... проиграл...

— Ты не можешь умереть, — в отчаянии произношу я. — Не можешь. Скажи мне, что я должна сделать.

И тут у меня в голове рождается прекрасная мысль:

— Место Перемен, — радостно сообщаю я. — Если я перенесу тебя туда, волшебство поможет, да? Это место изменит тебя!

— И превратит... в умирающую птицу...

— Мы про это ничего не знаем. Может быть, ты снова станешь здоровым.

— Я... не хочу быть... глупой птицей...

Он кашляет, и брызги крови попадают ему на подбородок и грудь.

Но тут моя паника прекращается, потому что я вспоминаю про то, что лежит у меня в кармане. Монетка Мины. Желание. Если я использую ее, получится, что я задолжала волшебнице, и только одному Богу известно, чем это кончится.

А если я не использую монетку, Ян умрет.

И тут мне вспоминаются слова Бакро, когда-то освободившего Розы: «На моем месте так поступил бы каждый. Вернее, так *должен* был бы поступить каждый, кто столкнулся с несправедливостью».

Я знаю, что не могу допустить смерти Яна. Во всяком случае, пока в моем кармане лежит монетка, исполняющая желание. И неважно, во что все это потом выльется для меня самой.

Я вынимаю монетку и крепко сжимаю ее в ладони.

А как она действует?

Ее нужно бросить в волшебный колодец и загадать желание. Но здесь нет никакого колодца. Здесь только я и умирающий малявка под припаркованной у дома машиной.

Значит, придется импровизировать.

Я мысленно представляю себе колодец, после чего швыряю монетку к обочине.

Слышится звон. Она ударяется о бордюрный камень, потом о мостовую и лежит там. Больше ничего не происходит.

Черт! Черт! Черт! Значит, я что-то делаю не так.

Я собираюсь вылезти из-под машины, чтобы забрать монетку и попробовать еще раз.

И в этот самый момент она начинает светиться.

Все ярче, ярче и ярче...

То, что взрывается в ночи

Ти-Джей прекрасно сознавала, что там, за перилами, к которым она прижата, плескалась холодная вода озера. С остальных трех сторон ее окружали Рики Томпсон и его прихвостни. Бежать было некуда. Ей еще повезет, если Рики смеха ради не столкнет ее в воду.

— А что это за шапочка на тебе? — поинтересовался Рики. — Ты думаешь, что в ней стала выглядеть круче, или как?

— Почему бы вам всем не оставить меня в покое?

Рики пожал плечами.

— Потому что с тобой веселее. Подумай сама. Ты всего лишь маленькая глупенькая девочка, а мы...

Внезапно откуда-то сзади выступил высокий чернокожий подросток и встал между ними. Рики неожиданно притих. Несмотря на прохладу вечера, новый свидетель происходящего оказался одетым только в белую футболку да мешковатые джинсы, сидящие на его фигуре чуть ниже талии. Поверх прически из мелких косичек на его голове была натянута ленточка, а голые мускулистые руки украшали всевозможные татуировки.

— Эй, братишка, — обратился к нему Рики. — Тебе, наверное, не следует...

Но незнакомец остановил его, просто выставив перед носом Томпсона палец.

— Во-первых, — серьезно заявил он, — я тебе не брат, а если бы таковым являлся, то, наверное, уже давно застрелился.

— Послушай...

— А во-вторых, мы тут по вечерам чудесно проводим время. Копы к нам не лезут и даже разрешают иногда побаловаться травкой, так что все отлично. Мы ни к кому не пристаем, если только к нам тоже не пристают. Ты просекаешь, куда я клоню?

— Не совсем. Я...

— Ты, кажется, обнаглел и начал гнать волну, задница. Ты пристаешь к ребенку, как будто тебя выбрали королем дерьмовой горы, а на самом деле еще глубже тонешь в том же дерьме. Ты считаешь, что, если тронешь ее, нам всем это не аукнется?

— Послушай, да я же просто...

— Значит, так. Слушай меня внимательно. Мне нужно, чтобы ты немедленно перетащил свой хилый бледный зад куда-нибудь подальше. Ты здесь не нужен, потому что из-за тебя мы можем нажать серьезные неприятности. Я, кажется, ясно выражаюсь?

— Да как ты только...

Все произошло так быстро, что поначалу Ти-Джей ничего не успела сообразить. Она поняла все позднее, когда дело было закончено. Чернокожий подросток со скоростью молнии ударил Рики в живот и по бокам пять или шесть раз. Потом прежде чем Рики упал, он схватил его за шиворот и пинком отправил в сторону остальных хулиганов. Прихвостни Томпсона вовремя подхватили его и помогли выпрямиться.

— Кажется, нужно повторить еще раз, — недовольно поморщился чернокожий.

Парни, поддерживающие Рики, отрицательно замотали головами и вместе с главарем, еще нетвердо державшимся на ногах, поспешили скрыться. Те, кто не принадлежал к этой компании, молча расступились, давая хулиганам проход. Затем чернокожий подросток обратился к Ти-Джей:

— Я не в курсе, что тут произошло, — начал он, — но я бы рекомендовал вам поскорее удалиться отсюда, мисс.

Ти-Джей понимающе кивнула:

— Да, сэр. Конечно. Я так и поступлю.

Подросток просиял, и во рту у него сверкнул золотой зуб.

— Сэр... — мечтательно повторил он. — Черт возьми! Не припомню, чтобы раньше меня так кто-нибудь называл.

— Я ничего плохого не имела в виду.

Он кивнул:

— Знаю. Все очень здорово. А зовут меня Терренс.

— М-м-м... Приятно было познакомиться, Терренс.

«Боже, как это глупо звучит со стороны!» — подумала Ти-Джей после того, как слова вылетели у нее из рта.

— Не сомневаюсь. А теперь уходи отсюда.

Она еще раз вежливо кивнула своему спасителю, оттолкнулась от перил и смело зашагала вперед, в сторону торгового центра. Парни снова расступились, пропуская ее, но, когда Ти-Джей отошла на некоторое расстояние, ее окликнул Терренс:

— Эй, девочка!

Она обернулась.

С лица Терренса до сих пор не сходила улыбка.

— Не знаю, что там наговорил тебе этот урод, но шапочка у тебя клевая!

— Спасибо.

Она помахала ему рукой, затем снова тронулась в путь, чувствуя, как бешено колотится у нее в груди сердце. Боже, ну и денек выдался! И он еще не закончился. Нужно было еще встретиться с Шери, разыскать Элизабет и отчитаться перед родителями. Хотя после всего происшедшего ее, наверное, уже до конца жизни не выпустят из дома одну, без строгого присмотра кого-либо из родственников.

«Не нужно так загружать себя, — подумала она. — Решай проблемы одну за другой, по мере их поступления».

Она прошла с полдюжины фонарей от того места, где ей встретился Рики, как вдруг где-то рядом послышался голос:

— Будем считать, что нам повезло. Я уже думал, что мне самому придется вступаться за тебя и бить этого нахала по затылку, чтобы он утих.

Девочка замерла на месте и огляделась, но никого поблизости не заметила.

— Я тут, внизу, — снова раздался голос.

Она опустила взгляд и увидела странного маленького мужчину, стоявшего чуть поодаль на набережной. Его нельзя было назвать малявкой, но все же его рост вызывал некоторое подозрение. В нем было не больше полуметра.

— Господи! — шарахнулась в сторону Ти-Джей.

Этого не могло быть!

Маленький человечек спокойно стоял и ждал, пока она не упрется в перила и не

остановится.

Неужели чудеса так никогда и не кончатся?!

— Уходи! — строго приказала она.

Но незнакомый человечек отрицательно покачал головой и попросил:

— Прошу тебя, посмотри на меня внимательно. Неужели ты считаешь, что я могу представлять для тебя угрозу?

— Откуда я знаю? А вдруг ты какой-нибудь микро-ниндзя?

— Я не ниндзя.

— А тогда что... — начала Ти-Джей и, спохватившись, тут же исправила сама себя: — А тогда кто ты такой?

Маленький человечек отвесил ей низкий поклон, произведя какие-то витиеватые телодвижения, и при других обстоятельствах Ти-Джей, наверное, расхохоталась бы. Но сейчас ей было вовсе не до смеха.

— Я бы не обиделся и на вопрос «что я такое», — заметил он. — Я гном. Меня зовут Хедли Крысолов, и я рад услужить тебе.

— Гном?..

— Да.

Мимо них, держась за руки, прошла влюбленная парочка, которая не обратила внимания на маленького человечка, беседовавшего с девочкой-подростком.

— Они ведут себя так, будто для них ты невидим, — пожалала плечами Ти-Джей и огляделась вокруг. — И не только одни они.

— Мы предпочитаем оставаться тайным народцем, — пояснил Хедли. — Я взял на себя смелость перенести нас с тобой в другое измерение, где мы видим и слышим друг друга, но никто вокруг больше не обладает этой способностью.

Ти-Джей почему-то такое положение дел сразу не поправилось.

— И что же ты хочешь от меня? — нахмурилась она.

— Только чтобы у тебя все было хорошо, — убедительно произнес Крысолов. — Твоя подруга Элизабет попросила меня разыскать тебя и сказать, чтобы ты за нее больше не волновалась. У нее теперь все в порядке.

— Так ты видел Элизабет?

— Точно.

— И где же она?

— Не могу этого сказать со стопроцентной уверенностью, но, скорее всего, она сейчас приближается к Месту Перемен.

— Ничего не понимаю.

— Тебе известно, что малявки могут превращаться в птиц?

Ти-Джей кивнула.

— Так вот, она с еще одним малявкой отправилась туда, чтобы поглядеть, что и как.

— А где это?

— Не могу точно сказать, как это называется. В общем это находится в квартире у одной писательницы, которая...

— Шери Пайпер?

— Совершенно верно. И...

— Так я сама иду сейчас именно к ней!

— Неужели?

— Пойдем вместе. Может быть, нам удастся пересечься. — Она собиралась шагнуть вперед, но вдруг замешкалась. — Или, может быть, ты явился сюда, чтобы остановить меня?

— Нет-нет. Пошли вместе на квартиру к писательнице.

Итак, Ти-Джей уже во второй раз отправилась домой к Шери, на этот раз в сопровождении гнома, который бодро трусил рысцой возле нее и не отставал.

— Как здорово! — восхищенно воскликнула девочка, когда они миновали торговый центр.

Скорее всего, они до сих пор оставались невидимыми для окружающих, потому что один скейтбордист чуть не врезался в Ти-Джей. Так бы оно и вышло, если бы девочка вовремя не отпрыгнула в сторону. Хотя не исключено, что ничего страшного не произошло бы и мальчишка проехал бы сквозь нее, как через пустое место.

— Ты уже падаешь с ног, да? — забеспокоился Хедли.

— Нет, глупенький. Просто я никак не могу привыкнуть, что нас никто не видит.

— Разумеется.

Он выждал секунду и добавил:

— Но у тебя это хорошо получается.

— После того, как проведешь пару месяцев в обществе малявки, начинаешь воспринимать мир более агрессивным, чем считают остальные люди.

— Все правильно.

— А кстати, как ты меня нашел?

— Мне помог Король Крыс.

— Король Крыс?

Хедли кивнул:

— Только не называй его так в лицо, не то будет считаться, что ты признаешь его своим властелином.

— По-моему, теперь ты что-то недопонял. Меня интересовало совсем не это.

— Неважно. Помни о том, что я тебе сказал, если когда-нибудь повстречаешь его.

— И он меня разыскал?

— Он собирает информацию, — начал свои объяснения Хедли, — при помощи тысяч глаз и ушей. Нет в мире ничего такого, о чем он не сможет узнать.

— Звучит жутковато.

Хедли неопределенно пожал плечами.

Ти-Джей немного подумала, потом спросила:

— А эти глаза и уши могут принадлежать, например, голубям и крысам?

— И не только им одним.

— Я так и знала, что эта птица следит за мной, — хмыкнула девочка и многозначительно прищурилась. Прежде чем Хедли успел поинтересоваться, что это была за птичка, Ти-Джей добавила: — Так ты его поймал или что там у вас произошло?

— Что-что?

— Ты же называешь себя Хедли-Крысоловом. Вот я и спрашиваю, ты поймал этого Короля Крыс? Именно поэтому он помог тебе?

— Мое имя ввело тебя в заблуждение, — пояснил Хедли, — Я умею разговаривать с крысами.

Ти-Джей улыбнулась:

— Что ж, весьма полезный талант.

— И, кстати, Король Крыс сам совсем не крыса, учти это.

— По-моему, ты опять уходишь в сторону.

— Повторюсь, это и неважно. Теперь отвечу тебе: нет, я его не ловил. А он помог мне, потому что получил от меня пирожок.

— Пирожок?!

— Он известный сладкоежка. Кстати, ты знаешь, куда мы направляемся?

Ти-Джей кивнула:

— Да. Нужно проехать всего одну станцию подземкой и выйти. Там будет кафе, где меня уже должны ждать Шери и Джейми. Может быть, придется немного пройти пешком.

— Джейми? — удивился Хедли.

— Это всего лишь мой знакомый.

— Который тоже в курсе всех наших дел.

— Именно так, — кивнула Ти-Джей. — И хотя он никогда не видел малявок или кого-то подобного, он старается помочь мне... Теперь сюда.

Они так же незаметно для всех окружающих проехали подземкой и вышли в нужном месте. Тут им действительно предстояло немного пройти. Особенно аккуратной Ти-Джей была в момент перехода улицы. Еще бы! Ведь теперь водители не видели ее, и могло случиться что угодно!

— Значит, ты говоришь, что вы народец тайный, — заговорила Ти-Джей, немного переведя дыхание. — Ты имеешь в виду гномов и малявок или кроме вас существует еще кто-нибудь? Мне бы очень хотелось узнать. — Она рассмеялась. — Ну, если это не великий секрет, конечно.

Хедли улыбнулся. Он указал ей пальцем на уличный фонарь на другой стороне улицы. Ти-Джей посмотрела туда, и рот у нее раскрылся от удивления. Там прямо под лампой на маленькой перекладинке сидел крошечный человечек и увлеченно читал книгу.

— Он тоже гном?

— Нет, это хобгоблин. Волшебных народцев очень много повсюду. И все они очень разные.

Ти-Джей рассмеялась.

— Мне казалось, они существуют только в сказках.

Чуть дальше они увидели неоновую вывеску кафе.

— Наверное, это здесь, — высказала свое предположение девочка.

По обеим сторонам улицы стояли припаркованные машины. Кроме них двоих, больше пешеходов не было. Правда, Ти-Джей заметила одну старушечку с нагруженной чем-то магазинной тележкой. Эта чудачка несла длинную палку и время от времени зачем-то совала ее под машины и тщательно там шарил, словно что-то искала.

— Вот, — вздохнула Ти-Джей, — а у нас, например, такого вообще не увидишь.

Хедли кивнул:

— Да, по новым кварталам бездомные не бродят.

— Я имела в виду не нынешнюю квартиру, а ферму, где мы жили раньше. Там у нас не бывало бездомных, потому что, если кому-то становилось тяжело, мы все дружно поддерживали его. Например, когда у моего отца провалился бизнес, ему все помогали. Потом, когда для него и мамы нашли работу в городе, мы переехали сюда. Это случилось летом.

— Да, это не социальные службы, которые должны заботиться о людях, а те оказываются для них «нежелательными» элементами, от которых нужно избавляться.

— Да, это совсем другое дело.

Они остановились возле кафетерия. Ти-Джей заглянула внутрь через витринное стекло и тут же увидела Джейми и Шери за столиком возле самого выхода. Однако Джейми ее почему-то не замечал. Ти-Джей с головы шапочку и сунула ее в карман.

— Мы так и будем оставаться невидимыми? — поинтересовалась она.

— Во всяком случае, лично я на некоторое время останусь, — сообщил Хедли.

— Ты хочешь, чтобы я вывела их на улицу?

Гном кивнул, потом что-то сделал, и Ти-Джей увидела, как глаза у Джейми округлились от удивления. Он заморгал, потом жестом пригласил ее зайти, но девочка отрицательно покачала головой и сама попросила их с Шери выйти на улицу.

Пайпер и Вега одновременно сунули руки в карманы, чтобы расплатиться за кофе, но писательница оказалась быстрее и положила на столик пару купюр. Затем Джейми соскочил со своего места и бросился к выходу. Шери последовала за ним, правда, не столь поспешно.

— Ух, ты! Как ты это сделала? — спросил он. — Тебя не было, а потом ты возникла как будто из пустого места.

Прежде чем девочка раскрыла рот, чтобы ответить, он по-дружески обнял ее и объявил:

— Слушай, ну ты и заставила меня поволноваться!

— Я и сама переволновалась не меньше.

Он отпустил ее так же неожиданно, как и обнял, подумав, что позволяет себе вольности, и отступил на шаг. Как показалось Ти-Джей, это было уже лишнее. Ей было

приятно и ново узнать, что кто-то действительно так сильно рад увидеть ее. А когда он прижал ее к себе, она смутилась, но никак не стала комментировать его поступок.

— Так как же у тебя это получилось? — повторил свой вопрос Джейми. — Ну, в общем... тебя там не было, а потом... р-р-аз! — Он щелкнул пальцами, чтобы придать своим словам еще большую выразительность.

Ти-Джей повернулась к Хедли. Она до сих пор видела его, но Джейми такой способностью не обладал.

— Покажешь ему? — спросила она.

— Что мне покажут? — продолжал удивляться Джейми, оглядываясь вокруг и никого не замечая. — И кто должен это сделать? Кстати, ты с кем разговариваешь?

И тут глаза его стали еще больше, хотя это было почти невозможно.

— Вот это да! — выдохнул он.

— Боже ты мой! — искренне изумилась и Шери, выходя из кафе. Она появилась на улице как раз в тот момент, когда гном соизволил показать себя и остальным участникам предстоящих событий.

— Это Хедли, — представила его девочка. — Он гном.

Подобное уточнение не было таким уж необходимым. Глядя на Хедли, и так становилось ясно, что это не человек. Но Ти-Джей сама точно не знала, кто он такой, когда они только встретились.

Она посмотрела на Джейми и добавила:

— Теперь ты мне веришь? Ну, в то, что я говорила тебе про малявок?

— Господи, я теперь вообще не знаю, во что верить, а во что нет.

— Приятно познакомиться, — улыбнулся гном и изобразил свой замысловатый поклон.

Первой оправилась от шока Шери, но это ничуть не удивило Ти-Джей, ведь писательница была и раньше знакома с малявками. Джейми же просто стоял и пялился на гнома, как будто чем пристальнее он будет на него смотреть, тем быстрее придет в себя. Но если он и поверил в свой странный план, тот, естественно, не действовал.

— Кроме того, он еще и друг Элизабет, — продолжала Ти-Джей. — А она сейчас, скорее всего, направляется к дому Шери.

Пайпер кивнула:

— Это Место Превращений, и она хочет изменить себя.

— Я не уверен, что она действительно намерена стать птицей, — вмешался Хедли. — Но ей очень хотелось убедиться в существовании места, где происходят чудесные превращения. Я надеюсь...

Его голос заглушила сработавшая неподалеку автомобильная сигнализация. Они все повернулись на шум и увидели, что к ним ковыляет та самая старушка с палкой и магазинной тележкой.

— Бедная старая Салли Консервная Банка! — вздохнула Шери. — Из-за нее каждый раз по ночам включается сигнализация, по крайней мере, у одной машины.

Потом на улицу выскочил разозленный владелец автомобиля и побежал отключать напрасно орущий клаксон. Вскоре машина успокоилась, мужчина отправился домой, со злостью хлопнув за собой входную дверь, а Салли Консервная Банка, прогрохотав тележкой мимо кафе, продолжила свой путь по вечернему городу.

— Ненавижу автомобильные сигнализации, — призналась Шери. — Мне кажется, их давно пора запретить. Непонятно, отпугивают ли они воров на самом деле или только раздражают мирно отдыхающих соседей?

Прежде чем кто-либо из компании успел ей ответить, вечерний покой был снова нарушен. На этот раз яркой вспышкой света, как будто от взрыва, под одной из машин, где только что сработал клаксон. Все на пару секунд буквально ослепли, а Ти-Джей даже подумала, что машина взорвалась в буквальном смысле слова. Но звука взрыва никто не услышит. Потом девочка поняла, что не видит поблизости кусков металла, которые разлетелись бы в разные стороны, если бы ее теория оказалась верной.

— Это волшебство, — пояснил Хедли.

Сказав это, он бросился бежать в ту сторону, откуда лился ослепительный свет. Остальные бросились за ним, и, хотя ноги у них были куда длиннее, чем у гнома, он очень скоро оставил своих приятелей далеко позади. Когда Шери и ребята добежали до места происшествия, Хедли уже склонился под водительской дверцей.

— Мне потребуется помощь, — сразу же перешел он к делу. — Зайдите с другой стороны и посмотрите, сможете ли вы извлечь его оттуда. Только будьте осторожны!

«Его? — удивилась Ти-Джей. — Но кого именно?» Втроем они обогнули машину и зашли к дверце со стороны пассажирского места. «И что он делает там, под автомобилем... А при чем тут волшебство? Где оно?»

Тут она увидела под днищем автомобиля мальчишку-тинейджера. Ти-Джей нагнулась к нему поближе, чтобы лучше разглядеть, и лицом к лицу — в буквальном смысле! — столкнулась с Элизабет.

— Элизабет! — воскликнула она. — Ты жива! Боже! А ведь я везде тебя ищу.

— А я вот она, — спокойно, как могла только эта малявка, ответила Элизабет. — Кстати, я не отказалась бы сейчас от помощи.

— Вот черт! — удивился Джейми, когда пригнулся у машины. — А ведь она настоящая, Ти-Джей!

— Нет, я только плод твоего дурацкого воображения. Мне кто-нибудь поможет? Долго я еще буду ждать?

«Так может выражаться только она, — мелькнуло в голове Ти-Джей. — Определенно».

— Действовать будем вот как, — взяла на себя командование операцией Ти-Джей. — Мы с Шери начнем вытягивать его спереди, а ты, Джейми, толкай ноги отсюда. Тогда мы его освободим. Кстати, кто он такой, Элизабет? — спросила девочка, когда все заняли свои позиции.

— Да, и что с ним случилось? — успел добавить Джейми.

— Его зовут Ян. Он тоже малявка и просто показывал мне дорогу сюда.

— *Малявка?!*

— Он подросток, устраивает? Это долго объяснять. Он вообще дышит?

— Похоже, что да, — ответила Шери.

Они начали потихоньку вытягивать Яна из-под машины, и уже через минуту он оказался лежащим на тротуаре. Как только Ти-Джей увидела кровь на его рубашке, ей стало плохо.

— Что же случилось? — спросила она.

— Эта уродина старуха ударила его палкой. Мне показалось, что она переломала ему все кости. А потом вдобавок он разбил себе голову о мостовую. У него кровь шла изо рта, и он... а потом я...

Шери приподняла рубашку парня и осторожно провела рукой по его ребрам.

— По-моему, сейчас с ним уже все в порядке, — убедительно произнесла писательница.

Элизабет кивнула.

— Я использовала свое желание... в общем, официально это желание принадлежало Хедли... чтобы сделать Яна здоровым и размером с верзилу. Сначала мне показалось, что у меня ничего не получилось, потом все взорвалось от света, и Ян стал вот таким. Но почему он не просыпается?

— Дай ему еще пару минут, — посоветовал Хедли.

— Хедли... — начала Элизабет, но гном ее прервал.

— Это было не мое желание. Оно принадлежало Мине. Ты знаешь, что ты сделала?

Элизабет знала.

— Но я должна была так поступить. Я же не могла позволить ему умереть. И вообще, он с самого начала не хотел сюда идти.

— Я знаю. Разберемся.

— Ну-ну, — покачала головой Ти-Джей. — Между прочим, кроме вас двоих, тут никто не понимает, о чем идет речь.

— Это и неважно, — отмахнулась Элизабет.

— По-моему, как раз наоборот. Это что-то очень важное.

Элизабет бросила на нее сердитый взгляд.

— А я говорю — нет. И вообще забудь...

В этот момент Хедли осторожно дотронулся до ее руки, и малявка замолчала.

— Не отталкивай от себя тех, кто желает тебе добра, — заговорил он. — Ти-Джей не сделала тебе ничего плохого, и с тех пор, как вы расстались, она волнуется и ищет тебя.

Ти-Джей подумала, что вот сейчас малявка начнет на него огрызаться, но та только кивнула, перед этим тяжело вздохнув.

— В общем ты прав, — согласилась Элизабет и повернулась к Ти-Джей. — Прости меня. Просто раньше еще никто не находился на грани жизни и смерти из-за меня.

— Все в порядке, — уверила ее Ти-Джей. — Наверное, я сую нос не в свое дело и задаю очень много вопросов.

Но Элизабет отчаянно замотала головой.

— Да нет же! Хедли прав. Ты моя подруга, а я веду себя как эгоистка.

— Ты что же, извиняешься?! — удивилась Ти-Джей, и края ее губ тронула улыбка. — Да еще два раза подряд?

Элизабет рассмеялась, и, как это бывало раньше, Ти-Джей почувствовала, что напряжение покидает ее.

— А я очень скучала без тебя, — призналась Элизабет. — Ты, в отличие от меня, очень хороший человек.

— Разумеется. Ты же у нас настоящее чудовище, я совсем забыла.

— Но я и не совершенство.

— Ты думаешь, что я к нему близка?

— Ближе, чем я, во всяком случае.

— Перестань! Если бы знала, сколько глупостей я сегодня натворила... Да у меня все шло вкривь и вкось, и вообще...

Она не договорила, и подружки, не сговариваясь, весело расхохотались.

Потом, уже не споря, кто хороший, а кто плохой, или кому принадлежало желание, Элизабет рассказала все про приобретенную ею волшебную монетку.

— Я не вижу, в чем тут проблема, — пожал плечами Джейми. — Теперь тебе нужно сделать что-нибудь хорошее для Мины, и вопрос исчерпан. Разве не так?

— По-моему, ее как раз и беспокоит это «что-нибудь», — высказала свое предположение Шери и не ошиблась.

Элизабет кивнула.

— Конечно, Мина очень хорошая и так далее. Но, как сказал мне Хедли, она всю жизнь прожила с волшебными существами и потому сама почти стала волшебницей.

— И что же в этом плохого? — удивился Джейми.

— Хедли говорит, что волшебницам нельзя доверять. Они очень ненадежные, и никто не знает, что они могут сделать или подумать.

Джейми перевел взгляд на Хедли.

— Но ведь он сам принадлежит к волшебному миру, верно? То есть гномы в какой-то степени тоже волшебники, так? Но ему ты, как мне показалось, доверяешь.

— И даже очень.

— Тогда в чем...

В этот момент зашевелился Ян. Ти-Джей и Шери помогли ему сесть на асфальт, оставаясь при этом по обе стороны от парня, чтобы поддерживать его.

— Это было... ужасно, — начал он. — Я уж решил, что со мной покончено, но сейчас я чувствую себя довольно сносно...

Он замолчал, оглядываясь по сторонам. Сейчас Ян, очевидно, пытался адаптироваться

к новым размерам окружающего его мира. Только потом он обратил внимание на присутствующих.

— Какого...

— Все в порядке, — уверила его Элизабет.

Он опустил взгляд и, увидев ее, удивился еще больше.

— Наверное, мне все это еще снится, — решил он.

Но Элизабет отрицательно покачала головой:

— Нет, ты уже проснулся. Ты чуть не погиб.

— А потом... что случилось со мной потом?

— У меня была монетка, исполняющая желание. Я использовала ее, чтобы спасти твою жизнь. Потом я подумала, что можно сделать тебя не просто живым, но заодно уж и верзилой. Похоже, желание исполнилось.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — беспокоилась Шери. — У тебя ничего не болит?

— Нет, все отлично. Только все это меня чуточку смущает. Все стало не тех размеров, к которым я привык. — Он снова принялся озираться вокруг. — А кто эти люди?

После того как все по очереди представились Яну, Шери добавила:

— Я живу тут неподалеку, нужно только перейти улицу. Поможем ему, и давайте все вместе пойдем ко мне.

Но Ян отчаянно замотал головой, и в глазах его отразился самый неподдельный страх.

— Туда нельзя, — запротестовал он.

— Но не можешь же ты сидеть на тротуаре всю ночь, — убедительно произнесла Шери. — А в те места, которые тебе были известны раньше как малявке, ты уже, извини, не пролезешь.

— Но...

— И еще тебе нужны деньги. Тебе нужно место, где ты мог бы остановиться хотя бы на некоторое время. Тебе нужна свежая рубашка, потому что эта вся перепачкана кровью. В конце концов, тебе нужны документы. Как ты собираешься решать все эти проблемы?

— Я туда ни за что не пойду, — решительно отказался Ян.

— Почему?

— Потому что там находится Место Перемен.

— Но ты уже не малявка, — урезонил мальчишку Хедли. — Оно на тебя не подействует.

— Может быть, я изменился в размерах, но по-прежнему остаюсь малявкой. И я не хочу превратиться навсегда в какую-нибудь птичку-переростка.

Ти-Джей попробовала представить себе птицу из книг Шери Пайпер, но только размером с человека, и прыснула от смеха.

— Что такое? — насторожился Ян, поворачиваясь к ней.

— Прости, я только вообразила себе птицу ростом с тебя.

— Он может пожить у меня, — предложил Джейми. — У нас в доме всегда много гостей, кто-то приезжает, кто-то уезжает. Мама не будет возражать, если кто-то еще погостит пару дней. И я подыщу ему кое-что из одежды.

— А как насчет документов? — поинтересовалась Шери.

— Я смогу свести его с теми людьми, которые этим занимаются.

— Ты имеешь в виду, они подделывают удостоверения личности? Я не хочу тебя обидеть, пойми меня правильно, но откуда такой ребенок, как ты, может быть знаком с этими людьми?

Джейми неопределенно пожал плечами.

— Просто я знаю одного парня, который мог бы помочь.

— Это оставьте мне, — вмешался гном и многозначительно посмотрел на окружающих. — Я все сделаю сам.

— А мне нужно еще попасть домой, — вдруг вспомнила Ти-Джей. — Считайте, что я уже труп. Мне еще повезет, если меня просто посадят под домашний арест на всю

оставшуюся жизнь. Может быть, ты тоже хочешь поехать со мной, Элизабет, или...

— Или что? — поинтересовалась малявка.

Ти-Джей кивком указала в ту сторону, где находился дом Шери:

— Хедли говорил, что ты подумывала о переменах?

— Я никогда ничего подобного не утверждала. Мне только хотелось посмотреть на это место. Наверное, я все же трусовата, для того чтобы попробовать все это. Да и не по мне превращаться в птицу. Мне теперь по душе совсем другое... — Она наклонила голову, потом искоса взглянула на Хедли. — Я, наверное, приму твое предложение.

— Ты хочешь стать моей ученицей? — удивился гном.

Ти-Джей была изумлена не меньше Хедли.

— Ты что, хочешь стать крысоловом?

— Нет, пекарем, — пояснила Элизабет. — Потому что Хедли — пекарь. Ты даже не представляешь, какие восхитительные булочки, ватрушки и плюшки он выпекает!

— Ух ты! — У Ти-Джей загорелись глаза. — Настоящий пекарь!

— Ничего плохого в этом нет.

— А кто сказал, что это плохо? Просто ты никогда раньше не увлекалась выпечкой. Но все равно это здорово. Наверное, ты станешь первой девочкой-панком-пекарем среди малявок.

— Много ты понимаешь.

Вместо ответа Ти-Джей достала из кармана свою шапочку и нахлобучила ее на голову.

— Клевая шапочка, — тут жеотреагировал Джейми.

— Вот это да! — восхищенно произнесла Элизабет. — Я поражена. Кажется, ты еще не безнадежна.

— Похоже, все складывается к лучшему, — подытожила Шери.

Ти-Джей пожалала плечами.

— Кроме того, что меня больше никогда не выпустят из дома одну.

— А у меня не будет дома, — вздохнула Элизабет.

— Могу предложить тебе свой, — заговорила Шери. — Но у меня сложилось такое впечатление, что тебе не хочется тех перемен, которые там происходят.

— Не хочется, хотя такой вариант остается, да?

Шери кивнула.

— Я подыщу тебе жилье, — вступил в разговор Хедли. — Оно все равно должно быть недалеко от моего, раз уж ты решилась стать моей ученицей. А что касается нынешней ночи, то у меня есть свободная комнатка.

— Теперь о тебе, — Шери повернулась к Ти-Джей. — Вернее, о твоих родителях. Я могу принять удар на себя. Скажи им, что после официальной встречи мы решили продолжить знакомство. Кстати, это чистая правда. А потом мы так увлеклись беседой, что забыли о времени. Я дам тебе свою визитку, и, если они захотят, пусть позвонят мне. Я постараюсь все им толково объяснить. Договорились?

— Но все равно нам нужно будет скоро двигаться, — напомнил Джейми. — Время не ждет.

Ти-Джей положила карточку Шери в бумажник, в то отделение, где уже лежала визитка Огонька, и повернулась к Элизабет.

— Значит, у тебя все в порядке?

Малявка кивнула.

— Ты еще обо мне услышишь.

— Хотелось бы, но как ты сможешь дать о себе знать? Ты же не справишься с телефоном.

— Что-нибудь придумаем.

Хедли кивнул.

— Мы занимаемся этим уже долгие столетия.

Ти-Джей ехала подземкой в сторону дома. Рядом с ней сидел Джейми, и они оба

наблюдали за тем, как радуется Ян своему новому росту верзилы. В вагоне почти никого не было, кроме спящего в другом его конце чернокожего старика и какого-то юнца, полностью занятого компьютерной игрой. Ян был одет в свежую рубашку, которую выдала ему Шери.

— Перво-наперво, — заявил Ян, встав около вертикального столба, за который обычно держатся пассажиры, и крутанувшись вокруг него, — приобрету себе электрогитару и усилки. Мощный усилки. И начну играть *очень громко*.

— На это тебе потребуются деньги, — напомнил Джейми.

— Раздобуду.

— Надеюсь, тебе известно, что людей за воровство сажают в тюрьму?

— Найду себе работу.

— Хорошо, но ты себе хотя бы представляешь...

Ти-Джей локтем больно ударила Джейми по ребрам.

— Музыка это клевое, — обратилась она к Яну. — Мой брат играет в ансамбле.

Ян окинул Джейми взглядом победителя.

— Слышал? Это клевое. Значит, у меня тоже есть шанс стать клевым.

Он подошел к окошку вагона и уставился в темноту туннеля.

— Похоже, он вообще ничего не понимает в жизни, — тихонько буркнул Джейми. — Все у него клевое и здорово, как будто наглотался каких-то колес.

Ти-Джей понимающе кивнула.

— Ты уж прости, что я тебя локтем толкнула. Я подумала, пусть он немного повитает в облаках, прежде чем окунется в серые будни.

— Я догадался.

Несколько минут они сидели молча. Это казалось странным: просто сидеть и ждать своей станции. Вокруг тебя ничего не происходит, не возникает никаких новых проблем, никуда не нужно бежать и кого-то спасать...

— Ты о чем задумалась? — через некоторое время поинтересовался Джейми.

— Дико как-то получается: Элизабет вдруг решила посвятить себя пекарскому делу и стать ученицей Хедли, — заметила Ти-Джей.

— А что тут плохого? Ты ведь ешь хлеб, да?

— Не в этом дело. Какая из Элизабет ученица? Она ультрасовременная девушка, а ученик у пекаря — это звучит как-то по-средневековому.

Джейми рассмеялся.

— Что тебя так развеселило?

— Не знаю, почему слово «пекарь» навеивает на тебя старину. А вообще-то в мире все именно так и происходит.

— Как? Я тебя не понимаю.

— Не все же заканчивают университеты. Да и не каждый может себе позволить это, даже если бы и захотел. Возьмем, к примеру, моего брата Эла.

— Твоего брата зовут Эл?

— Да, но его полное имя Алехандро. А хотел я сказать вот что. Он работает в автомастерской у нашего дяди Луиса и учится этому мастерству почти с самого детства. В следующем году он уже получит лицензию автомеханика. Дядя Луис говорит, что я могу поступить точно так же, если захочу. Кроме того, у меня есть возможность работать в ресторане у тети Марины и потом стать поваром. Или же я смогу стать ландшафтным дизайнером, как мой отец. — Он улыбнулся. — И у тебя была возможность учиться самой.

— Как это?

— У твоих родителей была своя собственная ферма. Ты занималась мелкими делами, но постепенно училась делать именно то, что и требуется на ферме. Прошло бы время, и ты научилась бы сама управлять целой фермой.

Ти-Джей кивнула.

— Наверное, ты прав. Но только у моих родителей фермы больше нет.

— Может быть, ты сможешь поступить в университет? — осторожно спросил Джейми.

— Сомневаюсь в этом. Но теперь, когда ты мне объяснил, что такое настоящий ученик и как мастерство переходит от старших к младшим, мне понравилась сама идея обучения. Откуда ты знаешь об этом?

— Все просто. Так устроен наш мир. Сначала ты находишь то, чем тебе хочется заниматься в жизни, потом ищешь человека, который в этом деле преуспел. Он становится твоим учителем или наставником, как тебе больше нравится.

«А чем бы я сама хотела заниматься? — подумала Ти-Джей. — Ездить верхом на своем коне». Это ей нравилось больше всего в жизни. Правда, трудно было представить, как верховыми прогулками можно зарабатывать себе на пропитание. Кроме всего прочего, и своей лошади-то у нее больше не было.

Но еще ей всегда нравилось возиться со всякими машинами. Там, на ферме, она одна умела разобраться с трактором, когда тот начинал барахлить.

Она вспомнила про байкера, который помог ей добраться до центра города. У него такой клевый мотоцикл! В общем, городской эквивалент отличного, породистого коня. При этом ей особенно понравилась даже не сама поездка на восхитительном байке, а то, чем занимается Огонек. У него была своя автомастерская, где он ремонтировал мотоциклы. Ти-Джей стало интересно: а задумывался ли Огонек насчет того, как было бы здорово взять себе ученика. Или ученицу.

Ее станция была конечной. Ребята сходили на предпоследней.

— У тебя точно все будет в порядке? — уже стоя в дверях, спросил Джейми.

— Сомневаюсь. По-моему, я в первый и последний раз сумела почувствовать вкус свободы. Теперь меня никуда не будут отпускать, пока я не стану взрослой. Но с тобой мы по крайней мере сможем встретиться в школе.

— Не позволяй им обижать себя, — серьезно сказал Джейми. — Ты ведь ничего плохого не сделала.

Он секунду помолчал, потом добавил:

— Если не считать того, что быстренько смылась, увидев в магазине своего папашу. Но он же не знает, что ты его заметила.

— Скорее всего.

— Я... — начал Вега, но почему-то так разволновался, что не смог закончить свою мысль.

«Как странно!» — пронеслось в голове Ти-Джей. Хотя она знала этого парнишку не очень хорошо, но прежде он никогда не запинаясь, когда нужно было высказаться.

— Что ты хотел сказать? — поинтересовалась она.

— Ты не станешь возражать, если... я тебя поцелую?

Ти-Джей улыбнулась.

— Я не против.

Он прижался губами к ее губам. Девочка подалась вперед, но тут раздался противный сигнал открывающихся дверей, а это означало, что Джейми должен выходить на своей станции.

— До завтра! — выкрикнул он.

За ним вышел Ян. Он вертелся во все стороны, широко раскинув руки, стараясь привыкнуть к изменившимся размерам окружающего мира.

Двери вагончика закрылись, и Джейми, улыбаясь, помахал Ти-Джей рукой на прощание. Девочка тоже улыбнулась ему в ответ.

«До завтра», — мысленно повторила она слова Веги, когда поезд тронулся в путь, и вернулась на свое место. По крайней мере, ей было о чем сейчас подумать и чего ждать.

* * *

Ти-Джей позвонила домой из подземки. Трубку сняла мама, потому что отец еще не вернулся. Похоже, мама больше испытывала чувство облегчения, чем сердилась, когда

усаживала дочку в машину. Однако, подъезжая к дому, она все же выразила свой гнев. По-своему, по-матерински, достаточно мягко и спокойно, и все же Ти-Джей стало очень неуютно.

Мама хорошо умела это делать. Она молчала, поэтому тебе волей-неволей приходилось самой заполнять словами эту дикую паузу. Но Ти-Джей успела привыкнуть к этому хитрому ходу. Девочка знала, что если она сейчас начнет высказываться, то наговорит такого, чего у нее и в мыслях раньше не было. Поэтому, рассказывая о том, что с ней случилось, Ти-Джей аккуратно опустила из своего повествования эпизоды, связанные с малявками и гномом, случай на набережной и все то, что произошло позже на улице возле дома Шери.

— Ты мне не веришь? — закончила она, когда они подъезжали к дверям дома.

Мама еще ничего не сказала дочке за все время пути.

Она долго молчала, потом повернулась и посмотрела на Ти-Джей испытывающим взглядом:

— Конечно, верю. Остались неизвестными только те части твоего рассказа, которые ты умышленно опустила.

Вот те раз!

Когда папа, наконец, приехал домой, они все сели вокруг большого обеденного стола. Папа во главе стола, мама устроилась напротив него, Дерек и Ти-Джей — по бокам. Это был все тот же старый сосновый стол, который когда-то стоял на линолеуме в кухне, еще там, на ферме. Когда в семействе появлялась проблема, они все усаживались вокруг него и устраивали самое настоящее заседание. Это была одна из традиций семейства Мур. В последний раз заседание состоялось, когда отец объявил о том, что придется продавать ферму.

И вот Ти-Джей снова предстояло пережить эту неприятную процедуру. Папа подробно рассказал о звонке Джеффа и о последующих событиях.

Дерек долго молчал, потом не выдержал и спросил:

— Это правда? То, что ты наговорила Джеффу о волшебных человечках, которые, якобы, существуют на самом деле?

Ти-Джей кивнула.

— Ну да. Мне понравилась сама идея поездки на презентацию книги про волшебство, и я стала развивать эту тему. А он сразу взбесился. Я даже понять ничего не успела, а он уже как с ума сошел. Он вдруг заявил, что не повезет меня на встречу с писательницей, а немедленно вернет домой. Вот поэтому мне и пришлось сбежать от него.

— Могла бы позвонить нам, — сказал папа.

— Наверное, да, — согласилась Ти-Джей, — только у меня не было мобильного телефона и мелких денег тоже, а заходить в бар, чтобы разменять купюру, мне очень не хотелось. И я понимала, что теперь нужно садиться на автобус и ехать в центр города. И дело не в том, что я как будто скрывалась от вас. Мне очень хотелось попасть на эту встречу.

Мама печально покачала головой и вздохнула.

— Надо же! Садиться на автобус — девочке — совершенно одной!

— Мамочка, дети во всем городе делают это каждый день. Они ездят на автобусах и еще подземкой. Поэтому они ориентируются в городе.

— И все равно...

— Но ты еще не объяснила, как же так получилось, что ты согласилась поехать с этим байкером... — напомнил папа.

— Он не просто байкер. То есть у него, конечно, есть мотоцикл, но еще он владеет мастерской, где ремонтирует байки всем желающим. Он тот самый парень из рекламного ролика, который мне очень нравится. Ну, тот, где лошадь превращается в мотоцикл.

Мама улыбнулась:

— Умная реклама, ничего не скажешь.

— Вот я и решила, что с ним мне будет безопаснее. Он местный бизнесмен, человек известный, его даже по телевизору показывают. Так или иначе, но Джефф наотрез отказался

везти меня на презентацию. Он торчал возле автобусной остановки рядом со мной и орал на меня. Так что единственным выходом было уехать вместе с мистером Фордом, когда тот предложил свою помощь.

Слава Богу, что она успела прочитать на визитке настоящую фамилию Огонька и запомнить ее. Теперь «мистер Форд» в ее устах прозвучало достаточно солидно и даже превращало беспечного байкера в достойного господина.

— И все же для тебя он был незнакомым, чужим человеком, — заметила мама. — И ты села к нему на мотоцикл...

Папа кивнул.

— Сколько раз мы тебя предупреждали: не доверяй незнакомым людям!

«Раз примерно миллион», — пронеслось в голове у Ти-Джей.

— А я и не собиралась сначала никуда уезжать, — продолжила свой рассказ девочка. — Он предложил только постоять рядом со мной на остановке и подождать автобуса. Но я испугалась, что Джефф погонится за автобусом на машине, и когда мистер Форд любезно предложил подвезти меня на мотоцикле, я так растерялась, что тут же согласилась.

Папа укоризненно покачал головой.

— Ну, а что произошло потом, в магазине? Зачем тебе понадобилось сочинять всякие небылицы про Джеффа? Придумывать, будто он тебя преследует вот уже несколько недель.

— Я просто на него здорово разозлилась. Он не имел никакого права запрещать мне ехать на встречу с писательницей.

— Но как ты могла придумать такую чудовищную историю...

— Он первый начал. Он сам сочинил бог знает что про меня и рассказал охраннику.

Папа вздохнул.

— А что это за мальчик был рядом с тобой? Ну, такой, темненький, латиноамериканского происхождения, насколько я понял.

— Его зовут Джейми.

«Как это дико звучит, — подумала Ти-Джей. — Если бы он был белым, никто бы на это и внимания не обратил. Почему, если человек хоть чуточку отличается цветом кожи, на этом надо обязательно заострить внимание? Причем делается это совершенно бессознательно, даже моими родителями, признанными либералами».

— Джейми, — задумчиво повторил отец. — У меня сложилось такое впечатление, будто вы с ним заранее договорились встретиться там.

— Ничего подобного, честное слово. Это просто мальчик из моей школы. Мы случайно столкнулись с ним в магазине, а потом вместе пошли на встречу и сели рядом.

— Не могу сказать, чтобы он мне очень понравился, — нахмурился отец. — Он очень грубый.

— Да ты что?!

Ти-Джей искренне удивилась. Джейми сказал ей, что старался быть исключительно вежливым, исходя из обстоятельств. Немного холодноватым, конечно, но все же вежливым.

Папа внимательно посмотрел на дочку, потом медленно покачал головой:

— Нет, пожалуй, я не так выразился. Он держался молодцом, и я сам начал насаждать на него. А Джейми, надо отдать ему должное, вел себя спокойно до последней минуты. Конечно, его нельзя сравнить с нынешней молодежью, которая позволяет себе в речи слишком уж многое.

Ти-Джей и Дерек переглянулись и, не сговариваясь, только закатили глаза к потолку.

— Ну хорошо, хорошо, — быстро добавил папа. — Мы немножко отвлеклись. Значит, после того, как официальная часть встречи закончилась, ты отправилась с этой писательницей попить кофейку, да?

Ти-Джей покорно кивнула.

— Здесь я полностью признаю свою вину, я просто забыла про время. Но с ней было так интересно беседовать!

Она достала визитную карточку Шери и положила ее на стол.

— Мисс Пайпер сказала, что вы можете в любое время позвонить ей, — добавила девочка.

— Но почему же ты сама нам не позвонила? — потребовала ответа мама.

— Я об этом как-то не подумала. Она проводила меня в подземку, я тут же села на поезд, а позвонила уже с нашей станции, куда ты и подъехала за мной на машине.

— Но все-таки ты что-то не договариваешь, — прищурилась мама.

— Ну, я могу еще, например, постараться припомнить все вопросы, которые задавали читатели на встрече, если это нужно, — пожалала плечами девочка.

— Не умничай, — буркнул отец.

Ти-Джей чувствовала себя весьма неуютно. Конечно, можно было рассказать еще очень многое, вот только как?! Пусть лучше сердятся на нее за то, что она что-то скрывает, но только не задают больше никаких вопросов. Очень уж не хотелось Ти-Джей снова начинать врать.

И в этот момент руку поднял Дерек.

— Теперь моя очередь, — решительно заявил он.

Все повернули головы в его сторону.

Папа согласно кивнул. Что ж, раз назначен семейный совет, значит, каждый член семьи имеет свой голос.

— Лично мне кажется, — начал Дерек, — что мы все должны гордиться Ти-Джей и тем, как она разрулила ситуацию с этим Джеффом.

— Говори яснее, сынок.

— Ну, подумайте сами. Я сегодня видел этого типа, когда уходил на репетицию. Он ведь гораздо старше ее, и, если бы он начал к ней реально приставать, Ти-Джей бы уж точно не поздоровилось. Может быть, конечно, она нашла не лучший выход, умчавшись с мистером Фордом, но, опять же, Ти-Джей прекрасно разбирается в людях...

— Если не считать этого Джеффа, да? — вставила свое слово мама.

— Которого вы оба — и отец, и ты — одобрили, — напомнил Дерек. — И видите, что из этого получилось?

Папа ответил:

— Очко явно не в нашу с мамой пользу.

— В общем, так, — продолжал Дерек. — Конечно, все эти сказки про волшебство были у Ти-Джей не лучшей находкой, особенно если учесть, к чему все это привело. Зато потом, как мне кажется, она все делала правильно. Что же касается этого Джейми... могу сказать одно. Слава Богу, она подыскала приятеля своего же возраста. Вы ведь с ним ровесники, если не ошибаюсь?

Ти-Джей подтвердила:

— Практически одноклассники. Ему только-только исполнилось шестнадцать.

— Значит, я предлагаю вот что. С ней нужно было серьезно поговорить. Мы это только что сделали — и достаточно. Можно поставить точку.

— И все равно она должна была позвонить, — никак не унималась мама.

Дерек встал на защиту сестры:

— Нужно учитывать обстоятельства. И еще: не забывайте, что вы все начали волноваться и злиться из-за того, что наговорил вам Джефф, а не из-за того, что наделала Ти-Джей.

Ти-Джей слушала своего брата и не верила собственным ушам. Он поймал ее взгляд на себе и подмигнул, чем окончательно ввел сестру в состояние полного ступора. Она не знала, что и подумать. После вчерашнего случая, когда мальчишки отняли у нее рюкзак, Дерек вел себя исключительно доброжелательно. Впрочем, он всегда хорошо относился к сестре. Но теперь он старался помочь, не мечтая в то же время запихнуть ее в ящик с просверленными в нем дырочками и отправить куда-нибудь подальше. Например, в Австралию.

За противоположными концами стола мама и папа напряженно размышляли над

последними словами Дерек. Видимо, они общались телепатически, потому что пришли к общему решению, не произнеся при этом ни единого слова. Отец обратился к Ти-Джей:

— Чему тебя научили сегодняшние события? — поинтересовался он.

— В том случае, когда планы меняются, нужно немедленно звонить домой, — отчеканила девочка.

— Именно так.

— Что еще ты поняла?

— А еще я поняла, что очень хочу мотоцикл, — заявила Ти-Джей, и только потом осознала, что же именно она сказала.

— Что? — удивилась мама.

Папа отрицательно замотал головой.

— Ни за что на свете.

Ти-Джей бросила умоляющий взгляд на Дерек, но тот лишь улыбнулся и откинулся на спинку стула.

Боже, ну зачем только она это сказала и как вообще это получилось? До сих пор все шло гладко, но теперь... Впрочем, раз уж она подняла эту тему, разговор стоило продолжить. В конце концов, у них шел семейный совет, а с тех пор, как Дерек получил водительские права, данная проблема для всех была весьма актуальной.

— Нет, я говорю не про сейчас, — успокоила она родителей. — Сейчас мне хотелось бы только ухаживать за мотоциклами. Ну, там, заниматься мелким ремонтом, профилактикой и так далее. Может быть, когда-нибудь я научусь кататься на мотоцикле. Но это потом. А пока, например, можно походить на дополнительные занятия в школьную мастерскую.

Родители молча уставились на дочь, но лица у них на этот раз были не сердитые, а, скорее, растерянные.

— Бога ради, скажи, зачем тебе это нужно? — наконец спросила мама. — Почему тебе вдруг понравились мотоциклы?

— Это единственное, что в городе напоминает мне о тех чудесных временах, когда мы жили на ферме и я каталась верхом на своем Огоньке, — одним духом выпалила Ти-Джей.

«И еще мне очень понравилось целоваться с Джейми», — подумала девочка. Правда, этими новостями она не собиралась делиться.

Папа только вздохнул:

— Дети, вы должны понять одно. Нельзя постоянно козырять своим: «А мы вообще не хотели никуда переезжать».

— Я ничем не козырю, — тут же отозвалась Ти-Джей. — Тем более, что я сегодня видела кварталы и похуже нашего. Нам еще повезло с переездом.

— Да уж, повезло — лучше и не бывает, — печально кивнул Дерек.

— Я только пытаюсь объяснить, почему мне хочется завести себе мотоцикл, — заявила девочка. — Наверное, меня бы и мотороллер устроил, раз на то пошло.

— Но как же так? Ты, и вдруг... на мотоцикле? — удивился отец, тщетно пытаясь представить себе дочку на крутом байке. — И еще тебе хочется научиться обслуживать эти машины, ремонтировать...

— Что ж, могу ответить тебе вот как, — задумалась девочка, вспоминая точные слова отца, когда она просила купить ей собственную лошадь. — Нельзя обладать чем-то и при этом не знать, как следует ухаживать за этим.

— Не все так уж и абсурдно, — вставил свое слово Дерек. — Пап, ты только вспомни, она ведь одна умела завести трактор в поле, когда тот начинал ни с того ни с сего барахлить.

Мама согласно кивнула.

— Да, но...

Дерек замотал головой, не давая матери высказаться.

— Мам, только не надо сейчас заявлять, что мотоциклы вообще не созданы для девочек, ладно?

Мама тихо вздохнула.

— Боже, помоги мне! Да, это я и имела в виду. Потому что именно так я и думаю. Разве это так ужасно?

— Во всем виновата городская жизнь, — высказал свое предположение папа. — Все тут происходит очень быстро, все куда-то спешат, все мчатся, все заняты. Наши бывшие ценности теряют тут всякий смысл.

— Все как раз наоборот, — запротестовал Дерек. — Именно потому, что мы помнили все, что было нам дорого на ферме, и сохранили свои бывшие ценности, мы смогли выжить тут, в городе, и, более того, приспособиться к новому ритму жизни.

— Но ведь мотоцикл никогда не сможет заменить тебе Огонька, — мудро заметил отец, обращаясь к дочери.

— Знаю. Но только...

Ти-Джей неожиданно вспомнила про Элизабет. И хотя малявка была всего пятнадцати сантиметров ростом, она не боялась в жизни буквально ничего.

— Только мне кажется, что не нужно пугаться пробовать что-то совершенно новое, — закончила Ти-Джей свою мысль.

— Но ведь это же мотоцикл...

— Или мотороллер, — добавила Ти-Джей.

Между родителями вновь произошла их семейная телепатическая связь, после чего папа сказал, предварительно выждав несколько секунд:

— Ладно, посмотрим.

Ти-Джей захотелось тут же расцеловать Дерек за моральную поддержку, но она сдержалась и продолжала спокойно сидеть на своем месте, положив руки на колени. Ей самой не верилось, что она смогла сегодня выжать так много из своих собственных родителей. «Ладно, посмотрим» в устах отца означало следующее: мы уже почти договорились, и если ты будешь послушной девочкой и в ближайшем будущем не набедокуришь, то получишь обещанное. Ти-Джей не сумела сдержать улыбки.

Папа смешно приподнял одну бровь и улыбнулся ей в ответ.

— Но мы ведь не сказали тебе «да», — напомнил он.

— Я знаю.

— Тогда почему ты такая довольная?

— Потому что «нет» вы мне тоже не сказали.

* * *

Как странно было вновь оказаться в собственной спальне. Ти-Джей вынула из кармана свою новенькую шапочку и кинула ее на край кровати. Туда же вслед за шапочкой полетела куртка. Ти-Джей подошла к окну и выглянула в ночь. Она подумала о том, сколько же всего произошло с ней за этот день, но вот теперь она, целая и невредимая, снова находится в своей спальне, и, по большому счету, ничего вокруг нее не изменилось.

Она повернулась и увидела, как к ней в комнату важным шагом вступает Оскар. Он высоко поднял хвост, кончик которого был чуточку загнут.

Что уж говорить, одна серьезная перемена все же приключилась.

— Нет смысла искать Элизабет, — сообщила Ти-Джей коту после того, как тот, совершив «круг почета» и обнюхав все подозрительные места, где могла бы скрываться малявка, вопросительно взглянул в глаза хозяйки. — И мне кажется, она сюда больше никогда не вернется.

Ти-Джей повесила куртку на крючок, прибитый к стенке шкафа, потом присела на краешек кровати. Оскар тут же прыгнул к девочке на колени. Она почесала у него за ухом, и кот мирно заурчал.

— Да-да, я все понимаю, — кивнула Ти-Джей. — Ужасно обидно, что ты так и не попробовал ее на вкус, да?

Она перестала гладить кота и тут же получила легкий удар кошачьей головой о собственную ладонь.

— Лично я буду по ней скучать, — сообщила Ти-Джей, поглаживая кота. — Да, я знаю, что тебе на это ровным счетом наплевать, верно же? По крайней мере, пока я тебя ласкаю, для тебя все остальное становится неважным.

В этот момент со стороны ее письменного стола раздался короткий знакомый звук. Поначалу Ти-Джей никак не могла сообразить, что же произошло, пока не догадалась, что в ее почтовом ящике лежит новое электронное послание.

И я пожелаю тебе спокойной ночи...

— Ну, как тебе нравится мое гнездышко? — спрашивает Хедли.

— Здорово! — отвечаю я.

Все здесь такое старомодное и в общем-то достаточно уютное. По-своему очень даже миленькая квартирка. Тут везде лежат толстые ковры, старинная мебель на гнутых ножках, тяжелые шторы, книжные шкафы и картины на стенах. Но все смотрится необычно и даже чуточку диковато из-за своих размеров.

Это вещи не верзил, но они сделаны и не для малявок. Наверное, они подобраны по размеру гномов, и кто-то тщательно изготавливал тут каждую вещь. Если короче, все тут раза в четыре больше меня самой. Если я подпрыгну, то, пожалуй, заберусь на стул возле письменного стола даже без помощи своего крюка и веревки. Но, очутившись на стуле, я все равно не могу сидеть на нем так, чтобы при этом пользоваться столом. На стол я могу заглянуть только в том случае, если встану на стуле на цыпочки. Кровать тоже не подошла бы верзиле, но на ней свободно могло бы разместиться все мое семейство.

— Завтра мы раздобудем кое-что из мебели твоих размеров, — обещает Хедли. — А позже, когда ты сможешь себе это позволить, подберем для тебя и жилье где-нибудь вне моих апартаментов. Если тебе так захочется.

И вот что еще очень странно, чего я никак не могу понять. Все волшебные существа старательно скрываются от верзил, так же, как и мы, малявки. Но вместо того, чтобы использовать пустые пространства между стенами или под полом в домах верзил, они предпочитают жить в стороне от всего остального мира. Например, вы открываете волшебную дверцу и оказываетесь в жилище Хедли, а его квартирка представляет собой этакий «карман» в пространстве, который в мире верзил вообще не существует и не занимает никакого места.

— Не нужно, — отвечаю я. — Мне нравится жить в хорошей компании. То есть я же больше вообще никого не знаю.

— Король Крыс поможет тебе найти твою семью.

Я согласно киваю.

— Хорошо, я буду надеяться на это. Только сейчас делать это слишком рано. Сначала мне хочется устроиться в жизни и доказать, что я чего-то стою и могу справляться с проблемами самостоятельно.

Хедли улыбается.

— Я очень хорошо тебя понимаю. Я и сам не так давно покинул свою семью. Чтобы оставить в этом мире свой след.

Ну, насчет следа я не уверена. Да и какой след вообще может оставить после себя малявка? Если уж на то пошло, малявки вообще не любят оставлять их после себя. Ведь тогда верзилы решат, что у них в доме завелись мыши, и нам не поздоровится.

Но я его, конечно, понимаю.

И квартира у него чудесная. Хотя все тут мне не по размеру, она очень уютная, а что касается габаритов, то мы, малявки, давно привыкли, что для нас все вокруг очень большое.

— А где же пекарня? — интересуюсь я.

— У нас для этого будет и завтра предостаточно времени.

Я киваю. Мне кажется, ему нужно куда-то уйти, но я еще не готова остаться совершенно одна, а потому я срочно ищу тему для разговора. Впрочем, она скоро находится сама собой.

— Как ты считаешь, что Мина захочет взамен желания? — спрашиваю я.

— Тебе больше не нужно беспокоиться об этом, — отвечает он. — Я решил перенести ответственность на себя.

— Но ведь тогда ты сам будешь у нее в долгу.

Хедли пожимает плечами.

— Я вряд ли стал бы терпеть, чтобы кто-то, кроме меня, командовал моим учеником, верно? Кроме того, Мина считает, это желание пошло в счет какого-то ее другого долга мне же.

— Но что я буду теперь должна тебе?

— Кроме своей преданности как ученицы? Да ничего.

— Но...

— Пойми, Элизабет. Ты поступила самоотверженно и бескорыстно. Если бы ты не использовала желание — не сделала бы того, на что все-таки решилась, — Ян бы непременно умер. Ты не знала, во что это тебе обойдется, и все равно взяла на себя всю ответственность. И ты спасла Яна. Такая храбрость должна поощряться, а не наказываться.

— Наверное...

Он улыбается:

— А так ли трудно сказать спасибо?

— Нет. Конечно, нет. Я очень благодарна тебе. И за это, и за все другое. Но это кажется слишком просто.

— Правда?

Я вспоминаю, как меня похитили мальчишки, когда я пряталась в плюшевом медвежонке в рюкзаке у Ти-Джей. Потом как меня чуть не съела кошка. Но, как мне кажется, за все то страшное, что я пережила, судьба подарила мне и приятные моменты. Мне много помогали. Сначала Бакро, потом Мина, а теперь Хедли. Мне удалось помочь Яну и выполнить его желание стать верзилкой. И еще мне надо начать самостоятельную жизнь, а для этого я должна сама зарабатывать.

— И да, и нет, — загадочно отвечаю я Хедли.

Он понимающе кивает.

— Тебя все еще интересуют крылья? — осведомляется он.

— Если честно, то нет. Если мне чего-то и хочется, так это иметь возможность разговаривать с Ти-Джей.

— Ну, это я в состоянии устроить. Подожди-ка здесь минуточку.

Он куда-то уходит прежде, чем я успеваю его остановить. Но очень скоро возвращается, неся с собой какое-то электронное устройство. Он кладет его на ковер, туда, где я могу его хорошенько рассмотреть. Я не понимаю, что это такое. Оно в длину примерно сантиметров десять, семь в ширину и довольно плоское. На нем имеется экранчик, какие-то кнопки и крохотная клавиатура. А потом я вспоминаю, что мы видели нечто подобное с Тэдом по телевизору. Это же наладонник!

— Ну, что скажешь? — интересуется Хедли. Он видит, что я довольна, и ему это приятно.

— Вот здорово! — восхищаюсь я.

Хедли сияет:

— Он достаточно маленький, чтобы им мог управлять малявка. Правда, тебе не удастся бродить с ним, засунув его себе в карман, как это принято у верзил. К нему можно подсоединить Интернет, есть электронная почта. Его используют и как простой телефон. Да у него полно всяких функций, потом сама разберешься.

— Ты не шутишь?

Хедли отрицательно качает головой, он счастлив не меньше меня.

— И я на самом деле смогу им пользоваться?

— Именно поэтому я его тебе и принес.

— А тебе-то он для чего был нужен?

Хедли смеется.

— Может быть, я и гном, но я иду в ногу со временем. И если вижу что-то достойное из новинок, пытаюсь испробовать сам.

— Значит, у тебя и телевизор есть.

Он кивает.

— В кабинете. Хочешь взглянуть?

— Нет, я... — Мой взгляд снова падает на этот чудесный наладонник, лежащий между нами на толстом ковре. — Покажешь мне, как эта штука работает?

— Конечно.

Уже через двадцать минут я отсылаю для Ти-Джей свое первое сообщение. Я начинаю его словами:

Ты ни за что не поверишь, где я сейчас нахожусь.